АСТРОНАВТЫ В ЛОХМОТЬЯХ
ДЕРЕВЯННЫЕ КОСМОЛЕТЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Деревянные космолеты

Боб Шоу

Аннотация
Боб ШОУ. ДЕРЕВЯННЫЕ КОСМОЛЕТЫ
Часть I. ТЕНИ СГУЩАЮТСЯ
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Часть II. СТУДЕНАЯ АРЕНА
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
Часть III. БЕСШУМНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
  Глава 17

Глава 18
Глава 19

Аннотация

Перед вами – один из оригинальнейших миров за всю историю существования жанра научной фантастики.

Здесь вокруг друг друга вращаются две планеты, соединенные общей атмосферой…

Здесь межпланетные путешествия совершаются НА ВОЗДУШНЫХ ШАРАХ, а главным оружием в межпланетной войне являются ЛУК и СТРЕЛЫ.

Здесь привычные нам вещи используются весьма НЕПРИВЫЧНЫМИ способами – и используются УДАЧНО!

Здесь происходит действие бесконечно увлекательной фантастической трилогии Боба Шоу!

Боб ШОУ
ДЕРЕВЯННЫЕ КОСМОЛЕТЫ

Часть I
ТЕНИ СГУЩАЮТСЯ

Глава 1

Лорд Толлер Маракайн достал из подарочного футляра блестящий меч и повернул так, чтобы по всему клинку заиграло солнце. Ослепительная красота меча пленяла, стоило лишь взять его в руки. В отличие от черного — традиционного оружия соотечественников Толлера — этот меч как будто обладал потусторонним, сверхъестественным свойством, роднившим его с солнечным лучом, пронзающим тонкое марево. Но лорд знал наверняка: в его силе нет ничего запредельного. Испокон веков меч — даже самый примитивный — был лучшим оружием человеческой расы, и Толлер весьма преуспел в его усовершенствовании.

Нажав на кнопку, скрытую в узоре рукояти, он заставил изогнутую накладку пружинисто встать торчком над полостью, где хранился тонкостенный стеклянный сосуд с желтоватой жидкостью. Убедившись, что все в порядке, Толлер со щелчком вернул накладку на место. Убирать меч в футляр не хотелось, и он еще несколько секунд наслаждался знакомым, почти родным ощущением рукояти в ладони и великолепной

балансировкой оружия, а затем рубанул воздух и принял стойку фехтовальщика.

В этот миг его черноволосая постоянная жена очередной раз напомнила о своей сверхчеловеческой способности появляться в самый неподходящий момент — она отворила дверь и вошла в комнату.

— Прошу прощения, я думала, ты один. — Джесалла улыбнулась с наигранным весельем и окинула комнату удивленным взором. — Кстати, а где же твой противник? Искромсан на мелкие кусочки, да так, что без лупы и не разглядишь? Или он от рождения невидимка?

Толлер вздохнул и опустил меч.

— Ирония тебе не к лицу.

— А тебе не к лицу играть в солдатики. — Джесалла легко и бесшумно преодолела расстояние между ними и обняла мужа за шею. — Толлер, сколько тебе уже? Пятьдесят три. Когда же ты наконец избавишься от дурной привычки сражаться и убивать?

— Как только люди обретут святость, но едва ли это случится в ближайшую пару лет.

— Так кто из нас теперь иронизирует?

— Это, наверно, заразно. — Толлер с улыбкой глядел на Джесаллу сверху вниз, блаженствуя

от одного ее вида; за долгий срок супружества это чувство почти нисколько не увяло. Двадцать три года, большинство из которых были полны испытаний, не сильно изменили ее облик и нисколько не обезобразили изящную фигуру. Разве что в глаза бросалась одинокая полоска серебра в волосах, но и ее, возможно, добавил к прическе искусный куафер. Джесалла по-прежнему любила длинные воздушные платья мягких тонов, хотя текстильная промышленность Верхнего Мира еще не научилась создавать прозрачные ткани, которые жена Толлера предпочитала на старой планете.

— В котором часу аудиенция? — Отступив на несколько шагов, она окинула мужа строгим взглядом. Супруги то и дело ссорились из-за того, что Толлер, вопреки обычаям своего сословия, ходил в одежде простолюдина, чаще всего в рубашке с открытым воротом и клетчатых штанах.

— В девятом, — ответил он. — Скоро отправляться.

— И ты собираешься предстать перед королем в этом… облачении?

— А почему бы и нет?

— Вряд ли оно годится для аудиенции. Король Чаккел может воспринять это как неуважение.

— Ну и пусть, если ему так хочется. — Толлер состроил гримасу, опуская меч в кожаный футляр и щелкая замком. — Порой мне кажется, что я уже сыт по горло августейшими особами и их чванством. — Он заметил мелькнувшую на лице жены тревогу и тут же пожалел о своих словах. Засунув футляр под мышку, он снова улыбнулся — мол, не беспокойся, я весел, любезен и в здравом рассудке, — и, взяв жену за руку, повел ее к парадной двери. Дом Маракайнов был одноэтажным, как и большинство зданий на Верхнем Мире, и почти лишен архитектурных излишеств. Лишь каменная кладка и широкие стены, вместившие десять просторных комнат, выдавали его принадлежность к имениям знати. После Великого Переселения прошло двадцать три года, но каменщиков и плотников по-прежнему не хватало, и многим верхнемирцам приходилось довольствоваться хлипкими лачугами.

Любимый меч Толлера покоился в ножнах, висящих на перевязи в коридоре. Лорд по привычке потянулся за ним, но тотчас спохватился — ведь рядом Джесалла, — резко опустил руку, отвернулся и распахнул дверь. Солнце за нею сверкало так ослепительно, что казалось, стены и мостовая сами по себе излучают сияние.

— Что-то я нынче не видел Кассилла, — удивился Толлер, жмурясь под теплыми лучами. — Где он?

— Рано встал и сразу уехал на рудник.

Толлер одобрительно кивнул.

— Он удивительно трудолюбив.

— Это у него от матери, — сказала Джесалла. — К малой ночи успеешь вернуться?

— Конечно. Очень мне надо засиживаться у Чаккела!

Подойдя к своему синерогу, терпеливо ожидавшему возле декоративного куста, который садовые ножницы превратили в подобие копья, Толлер притянул ремнем кожаный футляр к широким ляжкам животного, забрался в седло и помахал Джесалле на прощание. Она ответила одним-единственным кивком; вопреки обыкновению, лицо ее было угрюмым.

— Послушай, — проговорил Толлер, — я ведь всего-навсего еду во дворец. Что на тебя нашло?

— Не знаю. Может быть, предчувствие. — Джесалла едва заметно улыбнулась. — Наверно, ты слишком долго был паинькой.

— Ну почему ты разговариваешь со мной, как с мальчишкой-переростком? — возмутился Толлер.

Джесалла открыла было рот, но в последний момент решила не отвечать и вернулась в дом.

Толлер, немного расстроенный, пустил синерога вперед. Возле деревянных ворот отменно выдрессированное животное боднуло носом изобретение Кассилла — пластину, отпирающую замок, — и через секунду-другую Толлер уже скакал вдоль изумрудного пастбища.

Дорога — гравийно-галечная полоса, окаймленная с обеих сторон шеренгами валунов, — вела точно на восток, пересекаясь вдалеке с трактом на Прад, крупнейшим из городов Верхнего Мира. На землях Толлера трудились фермеры-арендаторы, и оттого поместье имело сходство с лоскутным одеялом из всевозможных оттенков зеленого, но за его пределами холмы сохранили природную монотонность цвета; яркая зелень стелилась до самого горизонта. На небе не было ни облачка, лишь самые яркие звезды мерцали на этом куполе бездонной и вечной чистоты да случайный метеорит изредка вспыхивал на фоне вселенской прозрачности. Как раз над головой, прикованный к своему брату гравитационной цепью, нависал гигантский диск Старого Мира — нависал, но не угрожал, а просто напоминал об очень важном эпизоде истории Колкоррона.

Такие дни обычно дарили Толлеру умиротворенность, ощущение гармонии с собою и со всей вселенной, но гнетущее чувство, порожденное мрачным настроением Джесаллы, никак не покидало его душу. А вдруг это действительно предвестие, намек на грядущий переворот в их жизни? Или, что вероятнее, Джесалла, зная его лучше, чем он сам, уловила в поведении мужа некие признаки, о которых лично он и не подозревал. Нельзя отрицать, что в последнее время его гложет непонятное беспокойство. Исполняя поручения короля, помогая изучать и осваивать единственный континент Верхнего Мира, Толлер Маракайн обрел богатство и славу. Он взял в жены единственную женщину, которой удалось пробудить любовь в его сердце; у них рос сын, каким в пору гордиться. И все же, как ни удивительно, жизнь казалась пресной. Мысли о приятном и невозмутимом существовании до самой старости, до смертного одра, вызывали удушье. Толлер сам в себе видел предателя и изо всех сил старался скрыть от Джесаллы свои терзания. Но обманывать жену подолгу ему ни разу не удавалось…

Неожиданно Толлер заметил впереди небольшую группу солдат, направляющихся на север

по Прадской дороге. Несколько минут он едва удостаивал их вниманием, пока не подумал, что для верховых они двигаются чересчур медленно. Радуясь любой возможности отвлечься от тоскливых раздумий, он достал из кармана короткую подзорную трубу и навел ее на далекий отряд. Тотчас стала ясна причина их медлительности: четверо мужчин верхом на синерогах сопровождали пешего — по всей вероятности, узника.

Сложив и убрав подзорную трубу, Толлер задумался: на Верхнем Мире почти нет преступности. Во-первых, у населения хватает других дел, во-вторых, лишь очень немногие владеют имуществом, достойным кражи, а в-третьих, нарушителям закона трудно затеряться на малонаселенной планете.

Разгоревшееся любопытство заставило его пришпорить синерога и домчаться до перекрестка, чуть опередив неторопливый отряд. Там Толлер остановил скакуна и внимательно рассмотрел приближающихся мужчин.

Эмблема в виде зеленой латной рукавицы на груди каждого всадника подсказала ему, что перед ним — солдаты из наемного отряда барона Пэнвэрла. В центре ромба, образованного четырьмя синерогами, ковылял тщедушный человек

лет тридцати в одежде простолюдина. Его руки были скованы спереди, а от черной шевелюры, свалявшейся колтуном, тянулись по лицу полосы засохшей крови. Судя по всему, с ним не церемонились.

Толлеру сразу не понравились эти вояки, еще до того, как он поймал взгляд узника, буквально одеревеневшего от неожиданности. Этот взгляд подхлестнул память Толлера. Плачевный вид крестьянина не сразу позволил лорду узнать его, но теперь Толлер вспомнил: это Ослит Спеннель, садовод, чей надел лежит милях в четырех к югу от перекрестка. Время от времени Спеннель привозил ягоды в усадьбу Маракайна и имел репутацию мирного, добродушного трудяги.

Изначальная неприязнь Толлера к наемникам переросла в откровенную враждебность.

— Добрый утренний день, Ослит, — обратился он к пешему, разворачивая синерога так, чтобы загородить путь отряду. — Странно видеть тебя в столь сомнительной компании.

Спеннель поднял руки в оковах.

— Милорд, меня арестовали по навету…

— Молчать, жук навозный! — Сержант, возглавлявший отряд, злобно замахнулся на Спеннеля, затем недобро взглянул на Толлера. Он был ко-

ренаст, с бочкообразной грудью и, пожалуй, староват для своего чина. Грубые черты его лица несли на себе печать многих жизненных передряг и испытаний, не давших сержанту никакой выгоды. Взор его зигзагами скользил по Толлеру, а тот хладнокровно ждал, понимая, что наемник пытается увязать скромность его наряда с богатством сбруи синерога.

— С дороги! — крикнул наконец сержант. Толлер отрицательно покачал головой.

— Я хочу знать, в чем обвиняют этого человека.

— Ты слишком многого хочешь… — сержант поглядел на своих спутников, и все трое заухмылялись, — для того, кто разъезжает по дорогам без оружия.

— В этих краях оно мне ни к чему. Я — лорд Толлер Маракайн. Вероятно, вам доводилось слышать это имя.

— Кто же не слышал про убийцу королей… — пробормотал сержант, подчеркнув неуважительность тона тем, что надолго оторвал от фразы должное обращение: — Милорд.

Толлер улыбнулся, запоминая его лицо.

— Так в чем же провинился этот несчастный?

— Эта свинья виновна в измене и сегодня же

познакомится со столичным палачом.

Переваривая новость, Толлер неторопливо спешился и приблизился к Спеннелю.

— Ослит, что я слышу?

— Это клевета, мой господин, — зачастил Спеннель севшим от страха, блеклым голосом. — Клянусь вам, я ни в чем не виноват. Я вовсе не хотел оскорбить барона.

— Ты имеешь в виду Пэнвэрла? Он-то тут при чем?

Прежде чем ответить, Спеннель затравленно оглянулся на солдат.

— Милорд, мой сад примыкает к владениям барона. Воды ручья, что питает мои деревья, стекают на его землю, и… — Спеннель умолк и беспомощно покачал головой.

— Говори смелей. Я не смогу тебе помочь, если не узнаю, что случилось.

Спеннель звучно сглотнул.

— Вода заболачивает низину, где барон объезжает синерогов. Два дня назад он пришел ко мне и приказал завалить источник камнями и залить цементом. Я ответил, что без воды в хозяйстве никак не обойтись, и предложил отвести ручей от его имения. Тогда он разгневался и потребовал, чтобы я немедленно засыпал ключ. Я пытался

доказать ему, что едва ли от этого будет польза, ведь вода обязательно найдет другой путь к поверхности, но барон обвинил меня в оскорблении и уехал, поклявшись добиться у короля моего ареста и казни по обвинению в измене.

— И все это — из-за клочка болотистой земли? — Толлер озадаченно мял пальцами нижнюю губу. — Не иначе, у Пэнвэрла помутился рассудок.

На лице Спеннеля появилась убогая карикатура на улыбку.

— Едва ли, милорд. Да будет вам известно, все остальные фермеры уже лишились своей земли. Их права перешли к барону.

— Так вот оно что! — глухо, но весомо произнес Толлер. Очередная иллюзия рассыпалась в прах — эта вереница разочарований подчас превращала его в затворника. Было время — сразу после перелета на Верхний Мир, — когда он искренне верил, что судьба подарила человечеству шанс начать все заново. В ту горячую пору изучения и обживания зеленого континента, что опоясывал планету, Толлер воображал, будто люди смогут наконец обрести равенство и отказаться от прежнего нелепого и расточительного образа существования. Он цеплялся за эти надежды, даже когда действительность колола глаза, но в конце

концов был вынужден прямо спросить себя: а не зря ли совершен межпланетный перелет и стоит ли это горькое испытание хоть ломаного гроша?

— Не бойся, — ободрил он Спеннеля. — Ты не взойдешь на эшафот ради выгоды Пэнвэрла. Даю слово.

— Спасибо, милорд! Спасибо! Спасибо! — Крестьянин вновь посмотрел на солдат и перешел на шепот: — Но разве в вашей власти немедленно освободить меня из-под стражи?

Толлер был вынужден отрицательно покачать головой.

— У этих солдат — королевский ордер. Освободить тебя сейчас — значит усугубить положение. Кроме того, если вы и дальше будете так тащиться, я вас намного опережу и успею договориться с королем.

— Еще раз благодарю, милорд, благодарю от всего… — Бедняга стушевался, словно пристыженный торговец, понимающий, что товар, который он так горячо расхваливает, — та еще дрянь. — Милорд, если со мной все-таки что-нибудь случится, не откажите в любезности, известите мою жену и дочь и позаботьтесь о них.

— Ничего с тобой не случится. — Толлер едва сдерживал раздражение. — Возьми себя в руки

и позволь мне уладить это досадное недоразумение.

Он повернулся, ровным шагом приблизился к синерогу и забрался в седло, с горечью подумав, что, несмотря на все его уверения, Спеннелю все-таки грозит смерть. «Грядут новые времена, — усмехнулся лорд про себя, — я больше не в фаворе у короля, и об этом, похоже, известно всем». Вообще-то подобные пустяки его мало заботили, но сейчас… Да, стало быть, это не такой уж пустяк… если ты не в силах помочь бесправному крестьянину, попавшему в беду.

Он подъехал к сержанту и спросил:

— Ваше имя?

— А зачем оно вам, — вопросом на вопрос ответил наемник, — милорд?

Неожиданно, к своему удивлению, Толлер обнаружил, что глаза ему застилает багровый свет — тот самый, что в молодости всегда сопутствовал самым безумным вспышкам его ярости. Сверля наглеца взором, он подался вперед и увидел, как с физиономии сержанта сползает дерзкая ухмылка.

— Я спрашиваю в последний раз, сержант, — рявкнул он. — Ваше имя?

Тот помедлил, но лишь мгновение.

— Гнэпперл.

Толлер широко улыбнулся.

— Прекрасно, Гнэпперл. Теперь мы знакомы и даже можем стать добрыми друзьями. Я еду в Прад, где Его Величество удостоит меня аудиенции. И первое, о чем я там позабочусь, — это чтобы с Оуслита Спеннеля были полностью сняты обвинения в измене, которой он не совершал. А пока я беру его под свою защиту, и как ни прискорбно мне говорить об этом — мы же теперь добрые друзья, — но если с ним что-то случится, то пеняй на себя. Надеюсь, ты все понял…

Сержант ответил ненавидящим взглядом. Его губы кривились — на волю рвалась грязная брань. С издевательской ухмылкой Толер кивнул ему и, развернувшись, пустил синерога легким галопом. Столица Колкоррона лежала почти в четырех милях, и если поспешить, можно на час опередить Гнэпперла и его отряд. Толлер поднял глаза на далекую планету-сестру, висящую в зените здоровенной румяной краюхой, — судя по ширине этого залитого солнцем полумесяца, Толлер будет во дворце задолго до назначенного времени и, даже если задержится, чтобы похлопотать за Спеннеля, все равно успеет вернуться домой прежде, чем солнце скроется за Старым

Миром. Конечно, если только король проявит здравомыслие…

«Для начала, — решил Толлер, — попробую-ка я сыграть на его недовольстве тем, что знать то и дело норовит расширить свои владения».

Когда возникло государство Колкоррон, первый в его истории ненаследственный монарх Чаккел постарался утвердить свое положение, жестко ограничив размеры дворянских угодий особым указом. Естественно, это не всем пришлось по вкусу, особенно возмущались члены прежнего августейшего семейства. Но Чаккел твердо настоял на своем, не побрезговав даже пустить кое-кому кровь. В ту пору Толлеру было не до дворцовых интриг, а ныне далекие годы рождения страны казались сном. Он даже почти забыл, как выглядит строй небесных кораблей — этакий стог высотою в сотни миль, медленно падающий из зенита, из зоны соприкосновения планетных атмосфер. Вскоре после приземления большинство кораблей были демонтированы, а льняная оболочка баллонов почти вся пошла на шатры для переселенцев. По прихоти Чаккела несколько воздушных судов оставили в целости и сохранности, заложив тем самым основу музейной коллекции, — однако Толлер давно

уже не видел ни одного из них: громоздкая и заплесневелая вещественность этих кораблей казалась ему несовместимой с вдохновенным динамизмом тех славных дней, высочайшего подъема в его жизни.

Одолев продолговатый холм, Толлер увидел перед собой Прад. По мнению Толлера, выглядел город довольно необычно, ибо совсем не напоминал Ро-Атабри, где прошли его зрелые годы. Строители явно руководствовались некоей абстрактно-стратегической идеей. В излучине реки посреди овражков и рощиц теснились здания административного центра, прочие же строения выглядели весьма убого. Кое-где уже виднелись контуры будущих проспектов и площадей, где-то сохранились клочки леса, но в основном в глаза бросались лишь побеленные известью валуны да сваи. Каменные административные здания напоминали одинокие аванпосты цивилизации, осажденные армией трав и кустарников; почти везде царила неподвижность, и только шары птерты плавно скользили по открытым пустошам или ползали вдоль заборов, будто высматривая лазейки.

Толлер двинулся дальше по прямому тракту, в город, где он бывал довольно редко. Все чаще

встречались пешеходы — мужчины, женщины и дети; мало-помалу он погружался в суетливое кипение жизни, точно такое же, как в торговых городах Старого Мира. Вдоль улицы стояли общественные здания в традиционном колкорронском стиле, с характерными геометрическими узорами каменно-кирпичной кладки — дань суровым условиям этой планеты. Каменщикам не мешало бы облицевать все углы и кромки багровым песчаником, но его залежей на Верхнем Мире еще не обнаружили, а потому в дело шел бурый гранит. Тем не менее львиная доля магазинов и гостиниц имела точно такой же вид, как на Старом Мире; порой Толлеру даже казалось, что он перенесся назад в Ро-Атабри.

И все же незавершенность, «недопеченность» многих домов подтверждали его мнение, что король Чаккел слишком широко размахнулся. На Верхний Мир благополучно переселились всего-навсего двадцать тысяч человек, и хотя население быстро росло, сейчас оно едва достигло пятидесяти тысяч. Многие были еще слишком молоды, и решимость Чаккела создать мировое государство разбросала их крошечными общинами по всей планете. Даже Прад — так называемая столица — едва насчитывал восемь тысяч человек; по

сути, это была деревня, изрядно тяготившаяся своей славой и столичной атрибутикой.

Когда Толлер добрался до северной оконечности города, впереди, между домами, замелькал фасад королевского дворца — прямоугольного сооружения, совсем еще недостроенного, томящегося в ожидании крыльев и башен; при всей своей нетерпеливости Чаккел был вынужден оставить их возведение потомкам. Сквозь ряды молодых деревьев ослепительно сиял белый и красный мрамор кладки. За несколько минут Толлер пересек реку по дивно разукрашенному одинокому мосту и приблизился к воротам из бракковых брусьев. Здесь его узнал начальник стражи и жестом позволил войти без проволочек.

Во дворе стояло десятка два фаэтонов и столько же оседланных синерогов — стало быть, у Его Величества деловой малый день. Толлеру пришло в голову, что аудиенция может быть и отложена, и в душе его зашевелилась тревога за Спеннеля. Как бы угроза, высказанная им сержанту, не утратила силу в присутствии палача и влиятельных вельмож, наделенных правом выносить смертные приговоры.

Толлер спешился, отвязал футляр с мечом и поспешил к арке парадного входа. Его и там по-

чти сразу узнала наружная охрана, но, как он и опасался, у резных створок путь ему преградили два стражника в черных доспехах.

— Прошу прощения, милорд, — сказал один из них. — Его Величество занят, вам придется подождать.

Толлер огляделся: людей в коридоре хватает, среди них парами и тройками стоят придворные с эмблемой «меч и перо» — королевские вестники.

— Но мне назначено в девять.

— Милорд, другие ждут уже с семи часов.

Тревога возросла. Толлер стал выписывать круги по мозаичному полу, набираясь решимости, затем напустил на себя смиренный вид и приблизился к охранникам. Завязалась беседа о пустяках; стражники казались благодарными за развлечение, но не настолько, чтобы утратить бдительность. Они не спускали глаз с двери приемной залы. Через несколько минут, исчерпав все темы для разговора, Толлер уже собрался отойти, но тут за дверью раздались шаги.

Каждый стражник распахнул по створке, и в коридор ступила небольшая группа мужчин, по виду — королевских советников. Они удовлетворенно кивали — очевидно, беседа с Чаккелом принесла желанные плоды. Из толпы ожидаю-

щих вышел светловолосый человек в костюме наместника — он явно надеялся на королевское приглашение.

— Прошу прощения, — шепнул Толлер и устремился мимо него.

Опешившие латники попытались его задержать, но Толлер, хоть и разменял шестой десяток, не утратил былого проворства и беспечной силы, коими славился в молодые солдатские годы. Он без труда растолкал обоих и секундой позже уже шагал по залу с высоким сводом к помосту, где восседал Чаккел. Король поднял голову, настороженный лязгом доспехов стражников, вбежавших в зал следом за Толлером, а затем тревога на его лице сменилась гневом.

— Маракайн! — рявкнул он, поднимаясь на ноги. — Это еще что за наглость?

— Ваше Величество! Вопрос жизни и смерти! — Толлер позволил стражникам схватить себя за руки, но не давал оттащить обратно к двери. — Под угрозой жизнь ни в чем не повинного человека, и я умоляю вас без промедления рассмотреть этот вопрос. А еще я прошу, чтобы ваши привратники оставили меня в покое. От них будет мало проку, если я оторву им кисти.

Эти слова заставили стражников удвоить уси-

лия, но Чаккел ткнул в их сторону пальцем, а затем медленно показал на дверь. Гвардейцы тут же отпустили Толлера и, кланяясь, попятились к выходу. Чаккел стоял, мрачно разглядывая Толлера, пока они не остались вдвоем. Тогда он тяжело опустился на трон и хлопнул себя по лбу.

— Маракайн, я отказываюсь верить своим глазам. Выходит, я напрасно надеялся, что ссылка в поместье Бернор научит тебя держать в узде свой проклятый норов. Значит, я рано радовался.

— Не вижу смысла… — Толлер запнулся, сообразив, что выбрал не тот тон, и внимательно посмотрел на короля, пытаясь определить, не слишком ли он успел навредить Спеннелю. Чаккелу уже стукнуло шестьдесят пять, почти все волосы разлетелись с его загорелой лысины, а тело заплыло жирком. Но при всем при том он ничуть не утратил живости ума. Он славился твердостью характера, упрямством и нетерпимостью и вряд ли желал излечиться от жестокости, которая ему так часто помогала и даже в свое время подарила трон.

— Ну, давай договаривай. — Брови Чаккела сдвинулись, образовав сплошную полоску. — В чем ты не видишь смысла?

— Не важно, Ваше Величество. Самым ис-

кренним образом прошу извинить меня за бесцеремонное вторжение, но повторяю: речь идет о жизни невинного человека и на волокиту нет времени.

— Что еще за невинный?! Какого черта ты лезешь ко мне с пустяками?

Пока Толлер описывал недавнее событие, Чаккел играл с синим алмазом, что носил на груди, и недоверчиво ухмылялся. Дослушав до конца, он спросил:

— Откуда ты знаешь, что этот твой приятель из подлого сословия не оскорблял Пэнвэрла?

— Он поклялся.

Чаккел не расставался с улыбочкой.

— Что значит слово паршивого фермера против слова дворянина?

— Я лично знаю этого фермера, — упорствовал Толлер, — и ручаюсь за его честность.

— Но какой барону резон лгать из-за такой ерунды?

— Земля. — Толлер дал королю время подумать. — Пэнвэрл выживает небогатых соседей и прибирает их участки к рукам. Его намерения совершенно ясны, и смею надеяться, вы их не одобрите.

С широкой ухмылкой Чаккел откинулся на

спинку позолоченного трона.

— Дорогой мой Толлер, я верю тебе на слово, но если барону угодно хапать крестьянские клочки — на здоровье. Пройдет тысяча лет, прежде чем его потомки станут угрозой для монархии. Ты не обидишься, если я вернусь к более насущным проблемам?

— Но… — Толлер растерялся. Внезапное благодушие короля и обращение к подданному по имени не сулили ничего хорошего. Провал! Смертью невинного он, Толлер, будет наказан за прежние и нынешние проступки. Эта мысль превратила тревогу в ледяной ужас.

— Ваше Величество, — пробормотал он, — мне ничего не остается, как воззвать к чувству справедливости самодержца. Одному из ваших подданных, беззащитному труженику, грозят лишением имущества и смертью.

— Но ведь тут все по справедливости, — беспечно парировал Чаккел. — Ему не помешало бы подумать о возможных последствиях, прежде чем оскорблять Пэнвэрла, а значит — косвенно, — и меня. Сдается мне, барон поступил правильно, и я бы не стал сердиться, пришиби он олуха на месте, вместо того чтобы просить суда над ним.

— Это лишь для того, чтобы придать своему

злодейству видимость законности.

— Поосторожнее, Маракайн! — Со смуглого лица короля слетела маска благодушия. — Ты рискуешь слишком далеко зайти.

— Виноват, Ваше Величество! — Отчаявшись, Толлер решил выложить главный козырь. — Мое единственное намерение — спасти жизнь невиновному человеку, а посему я осмеливаюсь напомнить об известной услуге, за которую вы передо мной в долгу.

— Услуге? Услуге?

Толлер кивнул:

— Да, Ваше Величество. Я имею в виду тот случай, когда я спас жизнь не только вам, но и королеве Дасине, а также троим вашим отпрыскам. Прежде я ни разу не затрагивал этой темы, но времена…

— Довольно! — Возмущенный крик Чаккела эхом раскатился под сводами. — Я готов допустить, что ты, спасая собственную шкуру, ненароком выручил мою семью, но ведь это было двадцать с лишним лет назад! Ни разу не затрагивал этой темы, ха! Как только у тебя язык поворачивается! Да ты всякий раз ее касался, когда что-нибудь у меня клянчил. Если хорошенько поразмыслить, то выйдет, что другой темы у тебя

отродясь не бывало! Нет, Маракайн, впредь этот номер не пройдет.

— И все же, Ваше Величество, что значит жизнь простого крестьянина в сравнении с четырьмя августейшими…

— Молчать! Хватит! Все, не лезь ко мне с этой ерундой. И вообще за каким лешим ты сюда явился? — Чаккел схватил с этажерки возле трона стопку бумаг и торопливо перелистал. — Ах да! Ты заявил, что хочешь преподнести мне особый подарок. Ну и где же он?

Сообразив, что перегибать палку не стоит, Толлер открыл кожаный футляр и продемонстрировал его содержимое.

— Именно особый, Ваше Величество.

— Металлический меч! — Чаккел страдальчески вздохнул. — Маракайн, твои навязчивые идеи иногда ужасно надоедают. Ведь мы, кажется, раз и навсегда договорились: в оружейном деле железо браккe не замена.

— Этот клинок — из стали. — Толлер взял меч и уже хотел протянуть его королю, когда ему в голову пришла идея. — Мы открыли, что руда из верхней части печи дает необыкновенно твердый металл. Если затем снизить в нем содержание углерода, можно изготовить идеальный клинок.

— Опустив футляр на пол, Толлер принял первую позицию фехтовальщика.

Чаккел беспокойно заерзал на троне.

— А ты знаешь, Маракайн, что говорится в протоколе о ношении оружия во дворце? Уж не вызвать ли мне стражу…

Толлер ответил с улыбкой:

— Извольте, Ваше Величество. Вы дадите мне желанную возможность доказать ценность подарка. С этой вещицей в руке я одолею любого рубаку из вашей армии.

— Не смеши! Забирай свою блестящую игрушку, а мне позволь заняться более важными делами.

— Я слов на ветер не бросаю. — В голосе Толлера прозвучала жесткая нотка. — Готов сразиться с вашим лучшим фехтовальщиком.

Чаккел недобро прищурился.

— Похоже, годы подточили твой разум. Надеюсь, ты слыхал о Каркаранде. Ты хоть представляешь, во что он может превратить человека твоих лет?

— Пока у меня этот меч, у него ничего не выйдет. — Толлер опустил клинок. — Я настолько уверен в себе, что готов поставить на кон мое единственное поместье. Ваше Величество, всем известно, что вы азартны. — Решайте же. Все мое

имение за жизнь одного простолюдина.

— Вот оно что! — Чаккел отрицательно покачал головой. — Я не расположен…

— Если вам угодно, мы можем драться насмерть.

Чаккел вскочил на ноги.

— Маракайн! Ты приставучий дуралей! Ну, на сей раз ты получишь то, чего так усердно добиваешься с первого дня нашего знакомства! С величайшим удовольствием посмотрю, как в твой толстый череп проникнет луч солнца!

— Спасибо, Ваше Величество, — сухо ответил Толлер. — Ну а пока… как насчет отсрочки казни?

— В этом нет необходимости. Сейчас же все и уладим. — Чаккел воздел руку, и сутулый секретарь, подглядывавший, должно быть, в шпионский глазок, через маленькую дверь вбежал в приемную залу.

— Ваше Величество? — Он так энергично кланялся, будто хотел дать Толлеру понять, что свою осанку выработал за годы усердной службы.

— Во-первых, — сказал Чаккел, — сообщи тем, кто ждет в коридоре, что я отлучился по срочным делам, и пусть им послужит утешением, что мое отсутствие будет недолгим. Во-вторых, передай

коменданту дворца, чтобы ровно через три минуты здесь был Каркаранд, при оружии и готовый к разделке.

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Секретарь опять поклонился, после чего бросил на Толлера долгий изучающий взгляд и двинулся к двустворчатой двери нетерпеливой походкой человека, которому в конце скучного дня выпало запоминающееся приключение.

Толлер проводил его глазами, использовав паузу, чтобы подумать: а не переступил ли он в своем заступничестве границу здравого смысла?

— В чем дело, а, Маракайн? — К Чаккелу возвратилась веселость. — Никак на попятный?

Не ожидая ответа, он поманил Толлера пальцем и направился к занавешенному черному ходу. Ступая за монархом вдоль стен, облицованных деревом, Толлер вдруг вспомнил лицо Джесаллы в момент их расставания и ее глаза, исполненные глубокой тревоги. Он совсем растерялся. Неужто у нее было предчувствие, что во дворце Толлера подстерегает беда? Конечно, встреча со Спеннелем и его конвоирами — чистейшей воды случайность. В обществе, где жил Толлер, насильственная смерть вовсе не считалась редкостью, и в былые годы известия о скором и неправед-

ном суде не лишали его душевного равновесия. Может, все дело в том, что неудовлетворенность, точащая душу, давно ждала случая подвергнуть Толлера смертельной опасности, и такой случай подвернулся по пути в Прад?

Что ж, если Толлер подсознательно стремился к риску, то он здорово преуспел. Он никогда не приглядывался к Каркаранду, однако знал, что это редкая птица: боец на мечах, абсолютно не обремененный моралью или хотя бы почтением к человеческой жизни; по слухам, он обладал такой силищей, что одним ударом кулака валил синерога. Для человека преклонных лет, чем бы он ни вооружился, идти против этой смертоносной машины — безрассудство на грани самоубийства. А ставить на кон все состояние рода — это вообще вершина идиотизма.

«Прости меня, Джесалла. — Толлер съежился под воображаемым взглядом постоянной жены. — Если посчастливится пережить этот эпизод, до конца дней своих буду образцом благоразумного мужа. Обещаю, я стану тем, кем ты хочешь меня видеть».

Король Чаккел дошел до наружной двери, в полном несоответствии с протоколом отворил ее сам и дал Толлеру знак пройти вперед, на плац.

Из чувства приличия тот слегка помедлил, но в следующий миг, заметив улыбку Чаккела, разгадал значение его жеста: король счастлив на время поступиться субординацией ради возможности уложить своего старого советника в гроб.

— Что с тобой, Толлер? — Король веселился от души. — Любой на твоем месте пошел бы на попятный. Неужели ты наконец прислушался к внутреннему голосу? Неужели каешься?

— Напротив. — Толлер ответил королю улыбкой. — Я жду не дождусь легкой разминки. — Он опустил футляр на гравий и достал меч. Отменная балансировка клинка и твердая боевая стойка отчасти вернули ему уверенность в себе. Он посмотрел вверх, на громадный диск Старого Мира. Шел только девятый час, а значит, он еще успеет вернуться домой до наступления малой ночи.

— Это кровосток? — полюбопытствовал Чаккел, пристально разглядывая стальной меч. Он показал на желобок, что тянулся по всему лезвию. — Зачем доводить его до рукояти при таком длинном клинке? Или я не прав?

— Новый материал, новая конструкция. — Толлер, не желая раньше срока открывать секрет, отвернулся и обвел взглядом ряды приземистых складов и казарм, обступавших плац. — Где же

фехтовальщик, Ваше Величество? Надеюсь, в бою он порасторопнее?

— Очень скоро ты в этом убедишься, — невозмутимо отозвался Чаккел.

В ту же секунду в дальней стене отворилась дверь, и на плацу появился человек в походном солдатском мундире. Следом за ним вышли другие солдаты и бесшумно образовали цепочку зрителей по периметру плаца. Толлер понял, что слух о дуэли разлетелся по дворцу моментально и привлек сюда всех, кто был не против, чтобы унылый тон казарменного дня украсился алым мазком.

Он вновь устремил взгляд на бойца, который вышел первым и теперь шагал к нему и королю.

Вопреки ожиданиям Толлера Каркаранд оказался не так уж высок, но зато обладал широченным торсом и колоннообразными ногами такой силы, что она без труда обеспечивала этой живой горе пружинистую поступь. Ручищи были настолько перегружены мускулами, что не могли висеть вертикально и торчали вперед под тупыми углами к бокам, придавая и без того устрашающему облику солдата налет чудовищности. Лицо Каркаранда тоже поражало шириной, хотя заметно уступало могучей шее.

Рыжеватая щетина слегка затушевывала черты его лица. Зрачки у него были такие бледные и ясные, что едва ли не фосфоресцировали в тени браккового шлема.

Толлер сразу понял, что погорячился с вызовом. Перед ним стояло не человеческое существо, а живая машина-убийца; разрушительная сила, которую природа заключила в эту уродливую фигуру, не нуждалась в оружии: даже голыми руками Каркаранд все равно мог довести поединок до победы. Повинуясь рефлексу, Толлер стиснул рукоять меча и, решив, что ждать бессмысленно, нажал кнопку. Он ощутил, как внутри разбился стеклянный пузырек и освободил порцию желтой жидкости.

Каркаранд отдал королю честь.

— Ваше Величество. — Его голос оказался на удивление благозвучным.

— Славный утренний денек, Каркаранд, — пропел Чаккел ему в тон: беспечно, даже буднично. — Наш лорд Толлер Маракайн, о котором ты, несомненно, наслышан, кажется, слегка влюбился в смерть. Не в службу, а в дружбу — доставь ему удовольствие, соедини поскорее с возлюбленной.

— Есть, Ваше Величество. — Каркаранд вновь

отдал честь и, грациозно продолжая это движение, выхватил меч. Вместо обычных королевских эмблем черноту браккового клинка оживляли мазки красной эмали, похожие на кровавые брызги, — знак того, что владелец меча — фаворит Его Величества.

Каркаранд не спеша повернулся к Толлеру; безмятежность на лице фехтовальщика соседствовала с легким любопытством. Он поднял меч. Чаккел отступил на несколько шагов. Толлер принял боевую позицию; сердце тревожно забилось в ожидании атаки. Он рассчитывал на внезапный натиск Каркаранда, но его противник избрал иную тактику. Медленно двинувшись вперед, Каркаранд поднял меч над головой и опустил — самый что ни на есть обыкновенный прямой удар наотмашь, так — понарошку — сражаются мальчишки. Сбитый с толку бесхитростностью противника, Толлер машинально парировал удар — и чуть не крякнул, когда невероятная тяжесть обрушилась на меч, едва не выбив его из руки. Запястье заныло.

Первым же ударом Каркаранд чуть не обезоружил его!

Толлер крепче сдавил отбитыми пальцами все еще вибрирующую рукоять — как раз вовремя,

чтобы отразить второй такой же удар. На сей раз он подготовился лучше, но зато и боль оказалась острее. Она волной хлынула в запястье.

Каркаранд уверенно шел вперед, с каждым шагом нанося немудреные удары, и Толлер разгадал его замысел: убить и опозорить. Каркаранд действительно был наслышан о лорде Толлере Маракайне и, надвигаясь на него, как стенобитная машина, решил поднять собственный престиж, демонстративно сокрушив соперника одной лишь голой силой. Особого искусства в этой дуэли не требуется — вот что должны уяснить очевидцы и рассказать остальным. Встретив настоящего бойца, великий лорд Толлер Маракайн превратился в жалкий кусок мяса.

За миг до того, как очередное соприкосновение с карающим черным клинком должно было завершиться поражением Толлера, он отскочил назад — перевести дух. Он уже заметил, что оружие Каркаранда массивнее обычного боевого меча и скорее годится для показательной казни, чем для долгого поединка. Только сверхчеловеческая сила Каркаранда позволяла ловко орудовать им в бою. Проблема, однако, заключалась в другом: в устаревшем стиле фехтования. Металлический клинок Толлера обладал преиму-

ществами, но Каркаранд, сам о том не подозревая, выбрал против него наилучшее средство — череду неослабевающих ударов в вертикальной плоскости. Чтобы выйти из поединка живым и убедить короля в своей правоте, Толлеру требовалось радикально изменить тактику боя.

Наконец, решившись, он дождался, когда меч Каркаранда опять взлетит над его шлемом, и кинулся вперед, блокируя удар снизу. Клинки сомкнулись у рукоятей. Ничего подобного Каркаранд не ожидал — такой прием годился только для бойца, превосходящего его силой, а это был совершенно не тот случай. Каркаранд моргнул, затем самодовольно хмыкнул и надавил вниз огромной правой ручищей, вынуждая Толлера к бесславному отступлению, которое едва не закончилось падением. Зрители отреагировали на это смешками и аплодисментами; в их голосах Толлер уловил предвкушение. Решив сыграть на этом, он поклонился Чаккелу, но тот лишь нетерпеливо махнул рукой, веля продолжать дуэль. Толлер быстро повернулся к противнику. Теперь он успокоился и даже приободрился, зная, что мечи соприкасались достаточно долго, чтобы клинок Каркаранда хорошенько пропитался желтой жидкостью.

— Хватит шутки шутить, убийца королей. — Здоровяк снова двинулся вперед, и снова засвистел воздух, рассекаемый вертикальными взмахами черного меча.

Вместо того чтобы отражать его контрударами справа налево, Толлер прибег к технике работы с коротким мечом. Стальное лезвие пронеслось над бракковым, описало круг и обрушилось на него сбоку. Черный клинок сломался над самой рукоятью и поскакал прочь по гравию, следом нелепо запрыгал Каркаранд. На плац внезапно опустилась тишина; тем отчетливее прозвучал одинокий крик изумления и гнева.

— Маракайн, что ты наделал? — взревел через секунду король, семеня ему навстречу. Его живот колыхался в такт шагам. — Что еще за фокусы?

— Никаких фокусов. Смотрите сами, Ваше Величество. — Толлер говорил во весь голос, но не глядел на короля, а лишь косился. Если бы здесь действовал дуэльный кодекс, поединок можно было бы считать законченным или приостановленным, но все знали, что для Каркаранда правила чести — пустой звук, он всегда готов на любую подлость, лишь бы разделаться с противником.

Еще секунду Толлер поглядывал на короля,

а затем резко повернулся на каблуках. Его меч описал сверкающий горизонтальный полукруг, и Каркаранд, который уже подбегал, воздев над головой кулак — этакую дубину из плоти и крови, — замер, налетев животом на острие. По грубой серой ткани камзола быстро побежала алая струйка, но он удержался на ногах и даже, сопя, напирал, хотя сталь все глубже погружалась в его солнечное сплетение.

— Выбирай, болван, — ласково произнес Толлер. — Жизнь или смерть.

Не напирая больше, но и не пятясь, Каркаранд безмолвно глядел на. него, и глаза его превратились в бледные щелочки, затянутые кровавыми паутинками. Физиономию Каркаранда пересекли вертикальные складки, и Толлер поймал себя на мысли, что готов к поступку, противоречащему его натуре.

— Каркаранд, пошевели мозгами, — изрек Чаккел, приближаясь к дуэлянтам. — Какой мне прок от фехтовальщика с разрубленным хребтом? Ступай, займись своими обязанностями, а это дельце мы уладим в другой раз.

— Есть, Ваше Величество. — Каркаранд отдал честь и отступил, ни на миг не сводя глаз с лица Толлера. Наконец он повернулся кругом и

строевым шагом направился к казарме. Кольцо зрителей поспешно разомкнулось перед ним. Чаккел, склонный прощать своих помощников (исключая Толлера), дал толпе знак разойтись, и она мигом исполнила королевскую волю. Через несколько секунд Толлер и монарх остались вдвоем на залитой солнцем арене.

— Ну, Маракайн! — Чаккел протянул руку. — Показывай.

— Конечно, Ваше Величество. — Толлер открыл полость в рукояти и продемонстрировал расколотый пузырек, выпачканный в желтой жиже. В теплом воздухе растекся резкий запах, напоминающий зловоние белого папоротника. Держа меч за основание клинка, Толлер протянул его Чаккелу. Тот брезгливо сморщил нос.

— Бракковая слизь?

— Да, только очищенная — так она легче снимается с кожи.

— Не важно. — Чаккел опустил глаза и пнул рукоять Каркарандова меча. На черном обломке клинка в тех местах, где дерево подвергалось разрушительному воздействию жидкости, виднелась пена. — Все-таки я повторяю: это хитрый фокус.

— А я утверждаю, что тут нет никакого фокуса,

— возразил Толлер. — Когда солдату предлагают новое, совершенное оружие, только дурак будет упрямо держаться за прежнее — таково непреложное требование военной логики. С этого дня оружие из бракки можно считать устаревшим. — Он сделал паузу и многозначительно посмотрел на грандиозную выпуклость Старого Мира. — Оно принадлежит прошлому.

Чаккел вернул ему стальной меч и широкими шагами описал по плацу круг, прежде чем пронзил Толлера суровым взглядом.

— Не пойму я тебя, Маракайн. Ну почему ты вечно ищешь неприятностей?

— Необходимо прекратить вырубку бракки. И чем раньше, тем лучше.

— Ага, снова за свое! А если я всем расскажу про твои плутни?

— Слишком поздно. — Толлер быстро обвел большим пальцем ряды казарм. — Многие солдаты видели, как мой стальной меч выдержал самые сильные удары Каркаранда, видели, что произошло с его клинком. Им рот не заткнешь, Ваше Величество. Отныне они будут волноваться и очень неохотно пойдут в бой, зная, что их оружие — не самое лучшее. А потом вспыхнет мятеж… Понимаю, эта мысль кажется вам воз-

мутительной, но изменник, возглавивший его, не постесняется посулить гвардейцам новые стальные мечи. Этого хватит, чтобы с сотней подручных он взбаламутил тыс…

— Довольно! — Чаккел с хлопком прижал к вискам ладони и простоял так, шумно дыша, несколько секунд. — Отдай дюжину своих проклятых мечей Гагрону из Военного Совета. Я его предупрежу.

— Премного благодарен, Ваше Величество! — Толлер постарался заглушить в своем голосе нотку торжества. — А как насчет помилования фермера?

Что-то шевельнулось в коричневых недрах царственных глаз.

— Ты слишком многого требуешь, Маракайн. Ты одолел Каркаранда хитростью, так что твоя ставка прогорела. Скажи спасибо, что я не требую положенной платы.

— Но ведь я четко сформулировал условия. — Толлера обозлила новая уловка короля. — Я сказал, что смогу одолеть любого вашего фехтовальщика, пока в моей руке — этот меч.

— Ну вот, теперь ты юлишь, как дешевый кейлианский стряпчий. — На лице Чаккела потихоньку вырисовывалась ухмылка. — Или забыл,

что считаешься человеком чести?

— Здесь только один человек, в чьей чести можно усомниться.

Эта реплика — смертный приговор самому себе — быстро растаяла в окружающем безмолвии, однако Толлеру казалось, что ее эхо все еще блуждает по галереям его разума. «Наверно, я и впрямь решил покончить с собой, — подумал он. — Ну почему тело опережает разум? Почему оно спешит навстречу смерти? Может быть, знает, что ум робок, и на него нельзя положиться? Неужели каждому самоубийце свойственно колебаться над склянкой яда?»

Охваченный тягостными раздумьями, он заставил себя заткнуться и окаменеть лицом, ибо единственное, что он мог сделать в эти минуты перед королем, — выказать хоть тень раскаяния. Поздно было просить прощения; содеянного не исправишь. В государстве Колкоррон оскорбление правителя неизбежно каралось смертью, и Толлеру оставалось только одно — мысленно проститься с Джесаллой, которая скоро узнает, что ее муж сам себе возвел эшафот.

— Мне всегда это чем-то напоминало игру, — произнес Чаккел скорее укоризненно, нежели гневно. — Раз за разом я прощал тебе выходки,

за которые с любого другого заживо содрал бы шкуру, и даже сегодня, если б ты дрался с Каркарандом как полагается, я бы охотнее остановил его меч под конец, чем увидел твою смерть. По моей личной прихоти, Толлер. По правилам нашей тайной игры. Ты хоть понимаешь?

Толлер отрицательно качнул головой.

— Ваши намеки слишком туманны, чтобы хотелось их разгадывать.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. И еще ты знаешь, что минуту назад игра закончилась, ибо ты нарушил все правила и не оставил мне другого выбора, кроме…

Слова вдруг перестали проникать в сознание Толлера, поскольку через плечо короля он увидел гвардейского офицера, бегущего к ним от дверного проема в северной стене дворца. «Наверно, Чаккел подал тайный знак», — решил он, и сердце его екнуло, а рука сильнее сдавила рукоять меча. На мгновение родился соблазн взять короля в заложники и выторговать себе беспрепятственный выход из города, купить свободу — но упрямая половина его характера взяла верх. К тому же идея бежать от людей, как зачумленное животное, выглядела малопривлекательно. Да и семье злодея, поднявшего руку на короля, пришлось

бы несладко. Лучше всего смириться с мыслью, что настал его последний час, и распрощаться с жизнью, сохранив достоинство и честь.

Протягивая меч, Толлер шагнул к Чаккелу и тут только сообразил, что офицер с оранжевым гребнем на шлеме ведет себя не как стражник, производящий арест. Он был один, выглядел взволнованным и вместо обнаженного меча держал в руке бинокль. Вдалеке на краю плаца появились другие военные и чиновники; запрокинув головы, они смотрели в небо на юг.

— ...Если не окажешь сопротивления, — продолжал Чаккел. — Иначе мне останется только... — Звук приближающихся шагов встревожил его, он оборвал фразу и резко повернулся к офицеру.

— Ваше Величество, — обратился капитан, — по солнечному телеграфу пришла депеша от небесного маршала Еапарда. Чрезвычайно срочная! — Капитан остановился, отдал честь и замер в ожидании.

— Докладывай, — буркнул Чаккел.

— Ваше Величество, к югу от города замечен небесный корабль.

— Небесный корабль? Небесный корабль? — Чаккел осклабился, глядя на капитана. — Не иначе, Еапард рехнулся!

— Ваше Величество, иными сведениями я не располагаю. — Капитан нервным движением протянул бинокль в кожаном футляре. — Маршал сказал, что вы, наверно, захотите взглянуть.

Чаккел схватил бинокль и направил в небо, а Толлер положил меч на землю и полез в карман за подзорной трубой. Вскоре его прищуренный глаз нашел сияющее пятнышко на полпути между южным горизонтом и диском планеты-сестры. Толлер быстро навел резкость и поймал пятнышко в центре ясного круга синевы. Увеличенное изображение всколыхнуло в нем бурю эмоций, да такую мощную, что она вытеснила все мысли о неминуемой смерти.

Даже с такого расстояния шар в форме жемчужины казался огромным. Под ним Толлер увидел прямоугольную гондолу с торчащей кверху горелкой и даже различил едва заметные линии ускорительных стоек, что соединяли гондолу с оболочкой. Именно вид этих стоек, характерных для кораблей, сконструированных специально для Переселения более двадцати лет назад, и подтвердил его интуитивную догадку, отчего сумятица в душе разгулялась еще сильней.

— Ничего не вижу, — проворчал Чаккел, слишком быстро водя биноклем. — Откуда тут взяться

небесному кораблю? Я же никому не позволял их восстанавливать.

— Похоже, как раз на это и намекает небесный маршал, — спокойно заметил Толлер. — К нам пожаловали гости со Старого Мира.

Глава 2

Караван секты Исконного Первородства — тридцать с лишним фургонов — продвигался со всей возможной скоростью. Но деревянные части повозок рассохлись и растрескались, краска почти полностью облупилась, а поломки так участились, что в день едва удавалось преодолеть какой-то жалкий десяток миль. Синероги — тягловая сила переселенцев — отощали и ослабли. Кормили их в пути сносно, но плохая вода и неотвязчивые паразиты брали свое.

Вожжи головного фургона держал Бартан Драмме, проводник. Когда обоз справился с подъемом на невысокую гряду, впереди открылись диковинно расцвеченные топи с преобладанием тошнотворной белизны и чахоточной зелени в крапинах поникших, уродливо асимметричных деревьев и кривых шпилей черного камня — неприглядная картина даже для обычного путешественника, а уж для того, кто взялся довести обнадеженных фермеров до сельскохозяйственного рая, и вовсе гнетущая.

Сопоставив в уме противоречивые факты, Бартан застонал вслух. Потребуется по меньшей мере

пять суток, чтобы добраться до противоположной кромки болотистой низины — вон она, на горизонте, подле цепочки приземистых сине-зеленых холмов. За последние дни Джоп Тринчил, задумавший и возглавивший это переселение, похоже, утратил все иллюзии, и новая неудача Бартана едва ли улучшит их взаимоотношения. Хорошо еще, если хоть кто-нибудь из прочих фермеров согласится впредь иметь с ним дело. Они давно не обращались к проводнику без крайней нужды, и Бартана тяготило предчувствие, что без успеха даже верности Сондевиры, его невесты, хватит ненадолго.

Решив, что прятать глаза от общественного гнева недостойно мужчины, он натянул вожжи, поставил фургон на тормоз и спрыгнул на траву. Выглядел Бартан что надо — высокий черноволосый парень лет тридцати, хорошо сложенный, ловкий, с круглым мальчишеским лицом. Вот оно-то — гладкое, веселое, умное на вид лицо — и служило в основном поводом для трений с фермерами, не склонными (за редкими исключениями) доверять человеку, вылепленному не из их теста. Понимая, что ближайшие несколько минут ничего приятного ему не сулят, Бартан изо всех сил постарался выглядеть человеком-

скалой, знатоком своего дела, и дал обозу сигнал остановиться.

Как он и думал, созывать митинг не понадобилось. Стоило фермерам увидеть впереди убогую равнину, как они со всей родней высыпали из фургонов и столпились вокруг него. Каждый орал что-то свое, внося посильный вклад в общую какофонию, но Бартан смутно догадывался, что их неудовольствие делится поровну между его способностями проводника и последним из череды бесплодных, не стоящих затраченного труда «географических открытий». Даже маленькие дети глядели на него с нескрываемым презрением.

— Ну, Драмме, какую байку ты придумал на сей раз? — Голос Джопа Тринчила не сулил ничего хорошего. Патриарх стоял, сложив руки на мясистой подушке-груди. Он был сед и рыхл, но избыточный вес носил с легкостью; его руки смахивали на лопаты, и было похоже, что в кулачном бою он разделается с Бартаном, даже не запыхавшись.

— Байку? О чем это ты? — Бартан тянул время, напустив на себя оскорбленный вид. — Байки — не по моей части.

— Ну да? А кто мне вкручивал, что знает эти земли, как свои шесть пальцев?

— Я говорил, что несколько раз пролетал над этой местностью с отцом, но это было давным-давно, и вообще есть пределы тому, что способен увидеть и запомнить один человек.

Последние слова Бартан выпалил не подумав и тотчас обругал себя: опять дал старикашке повод блеснуть так называемым остроумием.

— Дивлюсь я, как ты вообще ухитрился запомнить, — изрек Тринчил, лукавым взглядом поощряя аудиторию на смешки, — что струю, когда мочишься, нужно направлять по ветру.

«А сам-то ты не забыл, как вообще мочиться?» — Бартан не без труда удержал при себе эту шпильку; все кругом, особенно дети, покатились со смеху.

Джоп Тринчил был законным опекуном Сондевиры, мог запретить ей брак с чужаком и, проигрывая в словесных дуэлях, имел обыкновение так выходить из себя, что невеста взяла с Бартана клятву никогда не заводить старика.

— Не вижу смысла ехать дальше на запад, — вмешался светловолосый молодой фермер по имени Рэйдран. — Я — за то, чтобы повернуть на север.

— Согласен, — кивнул другой. — Ежели синероги не подкачают, то мы приедем, куда с самого

начала хотели, только с другой стороны.

Бартан отрицательно помотал головой.

— На севере только Новый Кейл, а там и без нас народу хватает. Нам придется рассеяться и занять самые плохие участки. А мне сдается, вы для того и снялись с места, чтобы застолбить хорошие земли и жить общиной.

— Так-то оно так, да вот только дали мы маху — взяли в проводники одного олуха, который ни шиша в этом деле не смыслит, — сказал Джоп Тринчил. — Тебя.

Правда, заключенная в этом обвинении, ужалила Бартана ощутимее, чем язвительный тон патриарха. Вскоре после того, как Бартан познакомился с Сондевирой и влюбился в нее, он с великой досадой узнал, что она вместе с караваном переселенцев уехала из-под Ро-Амасса. В стремлении примкнуть к сподвижникам Тринчила Бартан несколько преувеличил свои познания в географии этой части континента и даже себя наполовину убедил в том, что сможет восстановить в памяти все детали обширнейшего ландшафта. Но чем дальше фургоны пробирались к западу, тем ярче проявлялось несоответствие действительности и тонкой кипы листов с крокаами. Теперь Бартан пожинал плоды авантюры, в

которую он втянул такую уйму народу, и в поведении Тринчила сквозил намек, что среди этих плодов может быть и физическая расправа.

Встревоженный Бартан, прикрыв глаза от солнца ладонью, вновь принялся изучать мерцающую топь, пытаясь выхватить на местности какую-нибудь деталь, способную стимулировать его память. Почти сразу на горизонтальной линии, отмечающей дальнюю границу болотистой равнины, он заметил излом — возможно, там участок топи узким клином вдавался в речное русло. Как бы это выглядело с высоты птичьего полета? Тонкий белый перст, указующий на запад? Неужели он опять обманывает себя, или подобная картинка все же притаилась где-то на задворках его сознания? И не связан ли этот образ с еще более смутным видением — холмистые угодья, обильно поросшие сочной травой и испещренные чистыми водными потоками?

Решившись на последнюю авантюру, Бартан громко расхохотался, используя все свои вокальные способности, чтобы смех его звучал как можно естественней. Покрытая седой щетиной челюсть Тринчила отвисла, демонстрируя крайнюю степень изумления патриарха. Недовольное бормотание остальных членов секты разом пре-

кратилось.

— Не вижу ничего смешного в нашем положении, — процедил Тринчил. — А в твоем — и подавно, — зловеще добавил он.

— Ну, извини, извини. — Бартан фыркнул и картинно зажал себе рот костяшками пальцев, будто человек, борющийся с приступом неподдельного веселья. — Переборщил я, но, знаешь, просто не могу удержаться от невинных шалостей. Да ты бы сам посмотрел на свое лицо, когда решил, что все предприятие пошло коту под хвост! Приношу свои искренние извинения.

— Ты что, совсем спятил? — Тринчил угрожающе подбоченился. — А ну-ка выкладывай!

— С превеликим удовольствием. — Бартан театрально обвел рукой болотистую равнину. — Все вы будете весьма рады услышать, что вон та бадья заплесневелой каши и есть заветный ориентир, к которому я вел вас с самого начала. По другую ее сторону, сразу за теми холмами, вас ожидает вдоволь самой что ни на есть плодородной земли, раскинувшейся на многие мили во всех направлениях, куда ни кинь взгляд. Друзья мои, наше путешествие вот-вот подойдет к триумфальному завершению. Вскоре вашим тяготам и лишениям наступит конец, и вы сможете застолбить себе…

— Хватит трепаться! — прикрикнул Тринчил, взмахом руки обрывая раздавшиеся было среди зрителей восторженные возгласы. — Мы уже вдосталь наслушались твоих россказней в прошлом. С какой стати нам верить тебе на этот раз?

— Вот я и говорю, — выступил вперед Рэйдран, — давайте свернем на север. И чем раньше — тем лучше! Зачем нам транжирить время, кружа по топям, по прихоти какого-то шута горохового?

— Шут — мягко сказано, — вмешалась Фиренда, дородная жена-стажерка Рэйдрана. После секундной заминки она выдала более подходящее, по ее мнению, определение, вызвавшее одобрительный вздох у некоторых ее товарок и бурю восторга у ребятни.

— Ну, знаете, сударыня, — обиделся Бартан. — Если б не то, что вы женщина… — В глубине души он сомневался, что продержится хотя бы несколько секунд в схватке с этой великаншей, и — вот ведь напасть! — она и впрямь принялась энергично мять в своих кулачищах внушительный узел на поясе.

— Значит, тебя останавливают лишь мои юбки? — проскрежетала Фиренда. — Тогда мы быстро…

— Предоставь-ка это мне, женщина! — Тринчил выпрямился во весь рост, наглядно демонстрируя,

кто здесь хозяин. — Мы тут все благоразумные люди, и, стало быть, нужно решать наши споры разумным путем. Согласен со мной, господин Драмме, а?

— Целиком и полностью! — с облегчением воскликнул Бартан, подозревая, правда, что Тринчил вовсе неспроста сменил гнев на милость. Поверх голов собравшихся незадачливый проводник заметил, как златовласая Сондевира приоткрыла полог фургона и занесла ножку над бортом. Похоже, до сих пор она не решалась показаться на глаза, смекнув, что жених попал в новую переделку, и не желая усугублять его замешательство своим присутствием. На ней была зеленая безрукавка и плотно облегающие штаны в темную клетку — вполне обычный наряд для молодой женщины в сельской общине, но Бартан мог поклясться, что Сондевира носит свою одежду с особым вкусом, отличавшим ее от всех остальных девушек секты. И пусть кто-нибудь скажет, что это не есть признак ее редких умственных способностей! Даже в нынешней весьма затруднительной ситуации Бартан не мог не испытать острого удовольствия, краем глаза наблюдая, как его невеста с томной грацией соскальзывает по борту фургона на твердую землю.

— Так вот, господин Драмме, в сложившихся обстоятельствах, — продолжал Тринчил, поворачиваясь лицом к фургону Бартана, — думаю, самое время растолкать твою задремавшую попутчицу и стребовать с нее положенную плату за проезд.

С первых дней экспедиции Бартан из кожи лез, чтобы отдалить сей момент.

— Но… это вызовет уйму хлопот.

— Не больше, чем если бы мы перевалили за те холмы и нашли там очередное болото или пустошь.

— Да, конечно, но…

— Что такое? — Тринчил дернул за грязный полог фургона. — У тебя там воздушный корабль, и ты умеешь им управлять, разве нет? Если окажется, что ты заморочил голову моей племяннице, то я очень рассержусь. Ты еще не знаешь, каким я бываю сердитым. Даже не представляешь.

Бартан взглянул на приближающуюся Сондевиру — и опешил: невеста смотрела на него с откровенным любопытством, если не сказать — сомнением.

— Да, конечно, у меня тут воздушный корабль, — произнес он скороговоркой. — Ну, корабль — слишком громко сказано, это, скорее, лодка, но

могу тебя заверить, что в небе я как рыба в воде.

— Корабль, лодка, корыто — без разницы. Хватит с нас отговорок. — Тринчил принялся расстегивать полог, другие мужчины взялись ему помочь.

Бартан не решился возразить и следил за ними с нарастающим унынием. В свое время тяга к полетам настолько овладела его отцом, что даже погубила старшего Драмме, и в наследство сыну досталась одна-единственная ценная вещь — корабль. Воздухоплавательное искусство Бартана было в высшей степени сомнительным, но он не стал об этом распространяться, когда предлагал Тринчилу свои услуги. Воздушная разведка — великое подспорье для каравана, напирал он, возьмите меня с собой, жалеть не придется, — и Тринчил скрепя сердце выделил для корабля место в фургоне. Как назло, в пути иногда возникали ситуации, когда воздушная разведка была бы не лишней, и всякий раз изобретательность Бартана испытывалась на предельные нагрузки; он ломал голову, выдумывая убедительные причины, чтобы остаться на земле. Но теперь, по всей видимости, его час пробил.

— Глянь, как им не терпится, — сказал он, приблизившись к Сондевире. — Для них это раз-

влечение. Бьюсь об заклад, они не верят в мои пилотские способности.

— Скоро ты покажешь, на что способен. — В голосе девушки было меньше тепла, чем хотелось бы Бартану. — Надеюсь, пилот из тебя получше, чем проводник.

— Сонди!

— А что? — без тени раскаяния откликнулась она. — Ты не можешь отрицать: за что бы ты ни брался, получалась только распрекрасная свиная задница.

Бартан оторопело глянул на нее и залился краской. Наверно, за всю свою жизнь он не видел девичьего лица прелестнее. Эти широко расставленные синие глаза, идеальный носик, изящно очерченные чувственные губки заставляли его сердце трепетать, и инстинкт подсказывал ему, что у Сондевиры есть и другие, скрытые достоинства — под стать внешним. Но то и дело с ее губ срывались словечки, приличествующие только этим грубиянам и неряхам, среди которых она выросла. А что, если она это делает не случайно? Может быть, таким образом Сондевира — на свой манер — предостерегает Бартана, что судьба селянина, которую он себе уготовил, — не для маминых сынков?

В следующее мгновение его мысли вернулись к более насущным проблемам.

— Осторожно! — закричал он, бросаясь к фургону. Один из фермеров вознамерился скинуть за борт зеленый ящик. — Там же кристаллы!

Фермер равнодушно пожал плечами и отдал ящик Бартану.

— Давай заодно и пурпурный. — С двумя ящиками под мышками он отошел в сторонку, к плоскому валуну. Зеленые кристаллы пикона и пурпурные — халвелла (и те, и другие извлекались из почвы корнями браккы) не были опасны, если их не смешивать в замкнутом пространстве. Они стоили дорого и за пределами больших поселений встречались редко, поэтому Бартан пуще глаз берег отцовские припасы.

Понимая, что от полета, как и от связанных с ним опасностей, уже не отвертеться, Бартан взялся руководить распаковкой и сборкой воздушного корабля. Маленькая гондола, несмотря на ее исключительную легкость, тревоги не вызывала, а газовая горелка из древесины браккы практически не знала износа. Больше всего Бартан беспокоился из-за оболочки. Еще до отъезда каравана пропитанная лаком парусина выглядела неважно, и уж явно она не стала лучше, пока

тряслась в задней части фургона. Когда оболочку расстелили на земле, Бартан проверил швы и крепежную тесьму и пришел к неутешительным выводам. На ощупь ткань казалась не прочнее бумаги, а тесьма была так истрепана, что напоминала бахрому.

«Это безумие, — подумал Бартан. — Я не дам себя угробить! Ни за что!»

Но как это сделать — вот вопрос. Выбор был небогат: либо пойти на попятный и тогда иметь дело с Тринчилом, либо тайком испортить шлюпку, продырявив оболочку.

И тут он заметил, что переселенцев будто подменили. Люди спрашивали о конструкции и предназначении разных деталей корабля и с интересом выслушивали его ответы. Присмирели даже самые непослушные дети. Постепенно до Бартана дошло, что переселенцы еще ни разу не прикасались к действующему летательному аппарату и у них возникло предвкушение чуда. Шлюпка с ее загадочными механизмами была прямо перед глазами, доказывая, что ее хозяин — на самом деле воздухоплаватель. В считанные минуты Бартан обрел авторитет, он был уже не фермером-новичком, всеобщей обузой, а хранителем тайного знания, редчайшего искусства,

обладал божественным даром парить среди облаков. Их уважение было весьма отрадным, но, увы, недолговечным. В этом Бартан почти не сомневался.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы добраться на этой хреновине до холмов? — спросил Тринчил без тени обычной снисходительности в голосе.

— Минут тридцать. Что-то около этого.

Тринчил присвистнул.

— Ничего себе! И не страшно?

— Ничуточки. — Бартан вздохнул, жалея, что не может больше откладывать признание. — Видишь ли, в мои намерения совершенно не входит испытывать на прочность это…

— Бартан! — Рядом возникла Сондевира в ореоле золотых кос и обвила рукой его талию. — Молодчина! Я тобой горжусь!

Огромным усилием воли он заставил себя улыбнуться.

— Я должен кое-что…

— Хочу пошептаться. — Она пригнула вниз его голову и прижалась теплой грудью к его ребрам, а лобком — к бедру. — Прости, что я была такая грубая, — выдохнула она ему в ухо. — Испугалась за нас, очень уж дядя Джоп рассердился. Если бы

свадьба сорвалась, я бы этого не пережила. Но теперь снова все в порядке. Бартан, покажи им всем, какой ты молодчина. Хотя бы ради меня.

— Я… — Голос Бартана поблек, когда он поймал на себе инквизиторский взгляд Тринчила.

— Ты хотел что-то сказать. — Казалось, застарелая злоба в глазах фермера вспыхнула с новой силой. — Насчет того, что не собираешься лететь.

— Не собираюсь лететь? — Бартан почувствовал, как рука Сондевиры скользнула по его спине и остановилась на ягодицах. — С чего ты взял? Я имел в виду, что не боюсь, потому что не собираюсь испытывать корабль на прочность. Слетаю на разведку и вернусь, а рекордов скорости или воздушной акробатики от меня не жди. Сам знаешь, для меня воздухоплавание — всего лишь работа.

— Рад слышать, — ухмыльнулся Тринчил. — Провалиться мне на этом месте, если я начну давать советы такому доке. Но все-таки можно я тебе дам один-единственный пустяковый советик?

— Пожалуйста. — Бартан недоумевал, почему его совершенно не успокаивает стариковская улыбка.

Огромными ладонями Тринчил сдавил плечи Бартана и игриво встряхнул его.

— Если там, за холмами, вдруг не окажется хорошей земли, лети-ка прямиком дальше и позаботься, чтобы между мной и тобой было как можно больше лиг.

Шлюпка легко поддавалась управлению, и если бы Бартан не опасался разрыва оболочки, он, как в детстве, вознесся бы над планетой в той же мере духовно, что и телесно. Сконструированный и построенный его отцом корабль — сущая диковина для фермеров — имел всего лишь три основных двигательных узла. Дроссель регулировал подачу пикона и халвелла в камеру сгорания, и производимый там раскаленный газ маглайн выпускался через кормовое сопло, что и делало навигацию возможной. Благодаря румпелю сопло могло поворачиваться в горизонтальной плоскости. А когда требовалось набрать высоту или хотя бы удержаться на прежней, в купол подавался газ. Даже остывший маглайн был легче воздуха, и это позволяло строить небольшие, удобные и надежные воздушные корабли.

Бартан поднял лодку на пятьдесят футов и описал над фургонами круг, чтобы порадовать Сондевиру, но прежде всего — чтобы испытать

соединения и швы добавочными нагрузками поворота. Придя к утешительному открытию, что корабль вполне способен держаться «на плаву» — пока, во всяком случае, — он сдержанно помахал рукой зачарованным переселенцам и двинулся на запад. Был почти полдень, солнце стояло близко к зениту, так что защищенный от ярких лучей тенью шара Бартан с удивительной четкостью видел расстилавшееся внизу болото, похожее на снеговое поле с разводами пастели; с ним резко контрастировали далекие холмы, казавшиеся почти черными. На небосводе любоваться было нечем за исключением редких вспышек ярких сверх обычного метеоров. Сияние солнца затмевало все, кроме самых горячих звезд, и даже Дерево — главное созвездие южного небосклона — едва виднелось слева по курсу.

Спустя несколько минут ровного полета страх начал понемногу таять. Звук сопла быстро угасал в вечном покое. От Бартана почти ничего не требовалось — знай держи курс да подкачивай воздух в резервуар, из которого подаются кристаллы в камеру сгорания. Он бы даже наслаждался полетом, если бы в ушах не звучали прощальные слова Джопа Тринчила. В который раз Бартан пожалел, что так и не убедил Сондеви-

ру расстаться с сектой Исконного Первородства.

Когда случилось Великое Переселение, ему было всего два года — возраст, от которого почти не остается ярких воспоминаний. Но подробные отцовские рассказы восполнили пробелы в памяти и дали четкое представление об исторической подоплеке. Король Прад, чтобы спасти свой народ от птертовой чумы, был вынужден построить эвакуационный флот, способный перекочевать с Мира на Верхний Мир. Идея встретила серьезную оппозицию в лице Церкви. Основной догмат альтернистской религии гласил: душа умершего перелетает на Верхний Мир, там реинкарнируется в младенце, живет до кончины физического тела и возвращается на Мир тем же путем — вечный и неизменный цикл. Идея государя — создать тысячу кораблей для путешествия на Верхний Мир физических тел — глубоко оскорбила тогдашнего лорда-прелата. Он возглавил мятеж и едва не сорвал королевскую затею, но все-таки Прад, надо отдать ему должное, добился своего.

Когда стало ясно, что на Верхнем Мире никаких людей нет, как нет и двойника цивилизации мирцев, колонисты постепенно расстались с религиозными предубеждениями, и если суеверия не искоренились полностью, то в этом, считал

отец Бартана, виноват лишь неистребимый человеческий иррационализм.

«Ладно, мы ошибались, — выкладывали главный козырь последние адепты, — но только оттого, что наши умы слишком ничтожны и не в силах понять и принять всей грандиозности промысла Великого Постоянства. Мы знали: после смерти душа перелетает на другую планету. Но сколь жалки мы были в невежестве своем, полагая, что эта другая планета — Верхний Мир! Теперь мы понимаем, что душа, отделясь от тела, на самом деле переселяется на Дальний Мир. Горний Путь, братие, — это гораздо выше, нежели нам представлялось».

Дальний Мир находился раза в два дальше от солнца, чем пара Мир — Верхний Мир. «Еще не одно столетие пройдет, пока небесные корабли Верхнего Мира смогут преодолеть такое расстояние, — говорил Влодерн Драмме, передавая сыну свой природный цинизм. — Так что первосвященники придумали неплохо. Теперь им долго не придется беспокоиться о куске хлеба…»

Как выяснилось, он заблуждался. Пестуя новорожденное общество Верхнего Мира, король Чаккел — давний враг Церкви — позаботился о том, чтобы свести государственную религию под

корень. Уничтожив духовенство как профессию, он, довольный собой, занялся другими делами, не обращая внимания, что брешь, которую его указы пробили в идеологии, поспешили заполнить проповедники новой формации. Типичным их представителем был Джоп Тринчил. В религию он подался уже в матером возрасте — сорока лет. Он добровольно участвовал в межпланетном перелете, не особо сокрушаясь по поводу осквернения Горнего Пути. Его жизнь на Верхнем Мире большей частью свелась к упорному труду на крошечном участке в районе Ро-Амасса. К шестидесяти годам Тринчил распростился с иллюзиями, свойственными каждому нормальному фермеру, живущему своим горбом, и возжелал стать мирским проповедником. Неграмотный, неряшливый в речах и манерах, склонный к насилию… При всех этих изъянах он обладал суровой внутренней силой — природным задатком лидера — и вскоре обзавелся маленьким приходом, чьи пожертвования оказались приятным довеском к плодам физического труда. В конце концов в голову ему втемяшилась идея увести своих сподвижников в неосвоенные дебри Верхнего Мира, где они смогут отправлять свои обряды без оглядки на посторонних, особенно

на проклятых чиновных хлопотунов, с которых вполне станется накапать в префектуру Ро-Амасса о темных делишках Тринчила.

Он как раз собирал караван, когда повстречал Бартана Драмме, который вполне сносно, хоть и нерегулярно, зарабатывал на жизнь, торгуя дешевой бижутерией собственного изготовления. Обычно его коммерческие предпочтения увязывались со здравым смыслом, но в ту пору он ненадолго потерял голову, увлекшись красотой новооткрытых мягких металлов — золота и серебра, и в итоге остался с носом и кучей безделушек, которые напрочь отказывались покупать на любом приличном рынке, где царило консервативное предпочтение традиционных материалов, таких, как стекло, керамика, мыльный камень и бракка. Упрямо не желая опускать руки, он стал путешествовать по сельским общинам Ро-Амасса в поисках менее разборчивых покупателей — и повстречал Сондевиру. Ее рыжие волосы околдовали его пуще золота, и в считанные минуты он безнадежно влюбился. Бартан мечтал взять ее в постоянные жены и увезти в город, и она благосклонно ответила на его ухаживания, явно обрадованная перспективой выйти замуж за парня, который внешностью и манерами заметно

отличался от молодых фермеров. Тем не менее планы Бартана наткнулись на два существенных препятствия. Во-первых, девичью тягу к новизне вскоре пересилило нежелание менять образ жизни («Только на ферме, и больше нигде», — упрямо твердила Сондевира). А во-вторых, он и сам вдруг открыл в себе потаенную любовь к сельскому хозяйству и пришел к мысли, что обрабатывать собственный клочок земли — не так уж и плохо. «Быть посему», — решил он в конце концов, но очень скоро убедился, что сделаться фермером не так-то просто. Они с Джопом Тринчилом мгновенно прониклись обоюдной неприязнью. Не было нужды в столкновении интересов, даже в пустяковой перебранке, — взаимное отвращение родилось в первую же секунду знакомства и молниеносно пустило глубокие корни. Тринчил сразу записал Бартана в юродивые, — ну, какой из этого городского придурка муж и отец? А Бартан раскусил — сам, без всякой подсказки, — что святости в Тринчиле ни на грош, и религия для него — только способ набить мошну.

Однако племянницу Тринчил любил искренне, этого Бартан не мог не признать. И свадьбе старик не препятствовал, хоть и не упускал малейшего случая подчеркнуть Бартановы недостатки.

Так было вплоть до сегодняшнего дня, и теперь Бартан осознавал, что его будущее висит на волоске. Не лучшим образом влияли на его настроение и мысли о том, как Сондевира вела себя на импровизированном собрании. Создавалось впечатление, что ее любовь дала трещину и она готова порвать с Бартаном, если его последнее обещание окажется пустой болтовней.

Малоприятные эти раздумья заставили Бартана прикипеть взглядом к излому на ровном краю болотистой низины. На сей раз, находясь гораздо ближе, он убедился, что там болото действительно уходит в глубину хребта. А если так, то память, возможно, его все-таки не обманывает. Старательно убеждая себя в этом, он скормил шару несколько порций маглайна, и корабль стал медленно набирать высоту, чтобы перелететь через холмы. Черные зубцы скал внизу, торчащие из бледной поверхности болота, съежились, превращаясь в огарки черных свеч.

Вскоре лодка плавно понеслась над едва различимым краем болота. Бартан убедился, что узкий палец топи тянется прямо на запад мили на две. С растущей уверенностью и волнением он вел корабль вдоль старого речного русла. Когда под лодкой показались травянистые контуры, он

заметил небольшие стада животных, похожих на оленей, — заслышав рев сопла, они разбегались в стороны, и вздрагивающие белые огузки выдавали их страх. С деревьев то и дело слетали потревоженные птицы, как сорванные ветром пучки цветочных лепестков.

Бартан не сводил глаз со склонов. Гряда вздымалась все выше и выше, словно задалась целью ни за что не пропустить его. Затем горизонт внезапно отскочил назад, и под кораблем раскинулось свободное пространство — сложная мозаика из лугов, покатых холмов, озер и редких перелесков.

Бартан испустил восторженный крик, увидев эту роскошь, этот сон переселенца, ставший явью. Первым его порывом было развернуть корабль и поспешить с радостной вестью обратно, к Тринчилу и остальным. Но склон холма полого стелился вперед, словно предлагая лететь дальше, и Бартан решил: худа не будет, если он потратит еще несколько минут на изучение этих земель. Может, удастся найти реку — удобное место, чтобы стать лагерем на первое время. Фермерам это придется по вкусу, и они поймут, что Бартан — человек серьезный и бывалый.

Позволив шару остывать, а лодке — терять вы-

соту, Бартан держал путь на запад. То и дело он заливался радостным смехом, то и дело вздыхал с облегчением — еще бы, ведь он был так близок к позорному изгнанию! Детали ландшафта громоздились друг на друга, прозрачность воздуха приближала горизонты, как в тщательно исполненном рисунке, позволяя за милю увидеть любую черточку скального образования или растения, что с земли, конечно, было невозможно. От белой крапинки на холме Бартана отделяли добрые пять миль, однако он сразу понял, что это такое.

Сельский дом!

Острая боль разочарования, казалось, затмила солнце и остудила воздух. С губ сорвался невольный стон. Бартан знал, что Чаккел, взойдя на престол, одним из первых указов закрепил за Колкорроном статус единственного государства в мире. Поэтому флот больших воздушных кораблей долгое время был занят исключительно тем, что развозил иммигрантов по всему Верхнему Миру. Ростки общин служили затем отправными точками для энергичной экспансии. Но эту часть континента Бартан считал почти не тронутой. Чтобы держать под контролем стремительный рост числа населенных пунктов, фермеры, что

осваивали новые земли, имели право столбить большие участки, чем те, которыми наделялись жители относительно густонаселенных мест. Именно это и послужило одним из мотивов, которые заставили Тринчила сняться с места, и оно же, вероятно, теперь разрушит все его планы — а заодно и планы Бартана, если только он не обнаружит, что заселение этих краев началось совсем недавно и здесь хватит земли для вновь прибывших.

Короче говоря, необходимо добыть точные сведения, прежде чем вернуться к каравану.

Согреваемый искоркой надежды Бартан взял курс чуть севернее, прямо на прямоугольную белую микроскульптуру. Прошло совсем немного времени, и вот он уже в пределах мили от дома и способен различить неряшливую покраску хозяйственных строений. Он готов был сбросить высоту и приземлиться, когда заметил нечто странное во всем облике фермы: ни животных, ни повозок, да и землю, ныряющую под нос шлюпки, едва ли можно назвать обработанной. Робкая игра цветовых тонов говорила о том, что некогда здесь растили злаки в общепринятом шестипольном севообороте, но края полей были нечеткими, и вторжение туземных сорняков казалось наплы-

вом всепоглощающего зеленого тумана.

Догадка, что ферма брошена, застигла Бартана врасплох. Неужели по этим краям прошлась какая-то эпидемия? Или владельцы были новичками — разочаровались и вернулись в город? Но в таком случае непременно бы нашлись охотники занять местечко, где уже проделана вся черная работа.

Любопытство разгоралось. Бартан погасил горелку, и шлюпка поплыла вниз, навстречу голой земле, которая окружала дом и пристройки. Легкий ветерок помог аккуратно посадить шлюпку в считанных ярдах от запущенных лоз кровяники. Едва пилот выбрался из гондолы, корабль сделался легче воздуха и рванулся вверх, но Бартан удерживал его за один из полозьев, пока не накинул швартов на ближайшую лозу. Летательный аппарат плавно взмыл на всю длину каната и присмирел, чуть покачиваясь в слабых воздушных потоках.

Бартан направился к дому. Его недоумение возросло, когда он увидел плуг, лежащий на боку и покрытый слоем пыли. Тут и там он замечал другие мелкие сельскохозяйственные орудия — в основном из бракки, но встречались и железные, этот металл становился общедоступен. По

налету ржавчины он определил, что инструменты как минимум год пролежали нетронутыми. Прикинув цену брошенного инвентаря, Бартан нахмурился. Похоже, хозяева просто взяли и ушли с фермы. По прихоти. Или по какой-то неизвестной причине.

Странные мысли посещали Бартана, пока он стоял под лучами солнца в разгаре вечернего дня. Тем более странные, что прежде он ничего, кроме презрения, не испытывал к легковерным, охочим до баек о сверхъестественном людям. Откуда взялось это болезненное осознание факта, что его народ всего лишь двадцать четыре года живет на Верхнем Мире и успел изучить только малую часть планеты? Прежде Бартана всегда вдохновляла идея, что он — колонист на новой, почти неосвоенной планете, но сейчас те же мысли почему-то вызывали гнетущее чувство…

— Кончай дурака валять, — приказал он себе. — Ты же не ребенок. Чего тут бояться?

Он повернулся к дому — добротному строению из пиловочника, утепленному паклей и побеленному известью. На совесть сработано. Таким домом можно гордиться, особенно если сам его построил. Бартан снова нахмурился, заметив желтые шторы за стеклами, поблескивающими

в тени широких карнизов. Сорвать занавески — минутное дело. И совершенно естественное для человека, покидающего любимый дом. Что за спешка, спрашивается? А может, никто и не уезжал? Может, вся семья осталась здесь, вымерла от какой-нибудь заразы? Или… перебита злодеями?

— До меня бы сюда наведались соседи, — вымолвил он вслух, чтобы поставить заслон косяку вопросов. — И не посмотрели бы, что ферма на отшибе. Явились бы как миленькие за инвентарем и унесли все подчистую. Фермеры — народ бережливый.

Успокоенный этим простым доводом, он подошел к одноэтажному дому, снял щеколду с зеленой входной двери и распахнул ее. Внутри царил полумрак, и глазам, привыкшим к яркому солнечному свету, понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть невиданного зверя, который подстерегал его за порогом.

Захлебываясь криком, Бартан отпрянул и споткнулся. Жуткая картина заполнила его сознание… Высокая — со взрослого человека — прямая и темная пирамида туловища медленно колыхалась, мешковатая физиономия с ранами на месте глаз расплывалась… Единственная конечность — скользкое щупальце — неторопливо тянулась

вперед…

Бартан шлепнулся в пыль на спину и локти, кувыркнулся назад. Еще бы мгновение, и он, вскочив на ноги, ринулся бы сломя голову прочь от дома, но тут картина перед его глазами заколебалась и изменилась. Вместо кошмарного чудовища он увидел бесформенный ворох изношенной одежды на стенном крюке: темная накидка, рваный жакет, шляпа и грязный передник с одной лямкой — она взметнулась на сквозняке, когда Бартан распахнул дверь.

Он медленно встал и стряхнул пыль, неотрывно глядя в темный прямоугольник входа. В прихожей виднелось старое тряпье — виновник наваждения, — и Бартану стало стыдно; тем не менее входить в дом как-то не тянуло.

«А почему я раньше хотел войти? — поинтересовался он у себя. — Это же чужая собственность, с какой стати я должен…»

Бартан повернулся и сделал шаг к лодке, но тут его остановила новая мысль. Он убегает, вот что он делает. Драпает, потому что боится до полусмерти. А коли так, он не мужчина. Стало быть, Тринчил прав.

Бормоча под нос проклятия, Бартан повернулся на каблуках и твердым шагом вошел в дом.

Быстрый осмотр заплесневелых комнат убедил, что наихудшие из его опасений — беспочвенны. Людей на ферме не осталось, мебель в основном была вывезена. Но он нашел еще одно подтверждение тому, что жильцы съезжали в превеликой спешке. В двух комнатах лежали забытые циновки, а в кухне, в нише над каменным очагом, стоял керамический горшок, полный соли. В нормальных обстоятельствах фермеры таким добром не разбрасываются. Бартан не мог отделаться от подозрения, что в недалеком прошлом на этой уединенной ферме разыгралась какая-то страшная драма.

Приободренный соображением, что больше нет причин задерживаться в этой тяжкой атмосфере, он вернулся в прихожую, проскочил мимо покачивающейся на сквозняке одежды и двинулся прямиком к воздушной шлюпке. За это время газ в оболочке успел остыть, корабль опустился и легко касался полозьями земли. Бартан отвязал швартов, расположился в гондоле и поднял шлюпку в воздух. Полдень миновал совсем недавно, и после недолгих раздумий он решил лететь дальше на запад, над линией дороги, слабо прочерченной в пышной зелени ландшафта. Когда-то в незапамятные времена по

равнине прошелся ледник, основательно покрыв ее маленькими, горбатыми, овальными холмиками. Лежали они так аккуратно, что напоминали гигантские яйца в корзине. «Вот и название для этой плодородной долины, — подумал Бартан. — Корзина Яиц». Вскоре он увидел еще одну ферму, приютившуюся на склоне овального холма. Он сделал вираж и направился к ней и на этот раз — поскольку был настороже — сразу понял, что и это жилье безлюдно. Чтобы убедиться в этом, он описал над фермой круг на небольшой высоте, однако не заметил ни инструментов, ни иного пригодного скарба. Ферма выглядела разграбленной подчистую. Значит, съезжали отсюда не так поспешно, собирались основательно. Но все-таки — почему?

Теряясь в догадках, Бартан вел корабль дальше, теперь уже зигзагами, что серьезно замедляло продвижение к западу. За час он обнаружил еще восемь ферм, все — на отменных, просто идеальных угодьях, и на всех — ни души. Наделы были слишком велики для одиноких семей; видимо, люди, застолбившие их, думали о процветании своего потомства. Со временем народу на Верхнем Мире поприбавится, и тогда пионеры смогут выгодно продать земельные излишки. С таким

богатством нелегко расставаться, но что-то же вынудило твердолобых крестьян собрать пожитки и сняться с насиженного места?

Вдалеке показалось слабое мерцание. Присмотревшись, Бартан различил внушительной ширины реку и подумал: «Долечу до нее, и хватит на сегодня». Над северным концом одной из петель лениво покачивался столб дыма — первый признак человеческого присутствия, замеченный им за десять с лишним дней пути. Он еще больше заинтриговал и обнадежил Бартана — наверно, там можно кое-что разузнать об этих пустующих землях. Он изменил курс, и шлюпка полетела с предельной скоростью, которую допускал ветхий бодрюш. Вскоре Бартан понял: впереди — не очередная ферма, а целый городок.

Возле него в реку впадал приток, отчего она напоминала двузубую вилку. Когда воздушная лодка поднесла Бартана поближе, он насчитал около полусотни домов; некоторые из них, довольно большие, видимо, служили складами. Белые квадраты и треугольники парусов наводили на мысль, что река отсюда и до южного океана судоходна. Очевидно, перед ним был торговый центр, имеющий шансы на богатство и процветание, отчего загадка покинутых ферм выглядела

еще таинственнее.

Задолго до того, как шлюпка достигла окраины, рев сопла привлек внимание жителей. Навстречу галопом вылетели двое верхом на синерогах. Бартан направил лодку вниз, к ровной площадке возле моста через приток, и всадники, энергично размахивая руками, поскакали вдогон. Мигом из окружающих домов высыпали мужчины и женщины и образовали кольцо зрителей. Не дожидаясь просьбы Бартана, несколько юношей ухватили полозья и удерживали корабль на месте, пока пилот швартовал его к крепкому молодому дереву.

К Бартану приблизился полноватый человек с красным лицом и рано поседевшими волосами; держался он уверенно — видимо, не впервой было выступать от лица общественности. Короткий меч на его боку вызвал у Бартана недоумение — насколько он знал, в таких поселениях было не принято носить оружие.

— Я — Мэджин Кэрродалл, мэр города Новый Миннетт, — дружелюбно сообщил краснолицый. — Не так уж часто в наши края залетают воздушные корабли.

— А я — разведчик каравана переселенцев, — ответил Бартан на немой вопрос. — Зовут меня

Бартан Драмме, и я был бы очень признателен за глоток воды. Я нынче не собирался так далеко залетать, а эта работенка, надо сказать, сушит горло.

— Пожалуйста, выпивай хоть всю реку, но, может быть, ты не откажешься от доброго коричневого эля? Что скажешь?

— Скажу: лучше уж доброго коричневого эля. — Бартан заулыбался — он с первого дня пути не брал в рот хмельного. Раздался гул одобрения, толпа повалила к дому, похожему на сарай без фасада, по всей видимости, здешнему клубу и таверне. Тут Бартана усадили за длинный стол, а вокруг него расположились Кэрродалл и еще десяток мужчин, в основном — хозяева складов и матросы-речники, как они сами представились. Оживленный гомон позволял предположить, что неурочные собрания вроде этого случаются здесь довольно редко и что прибытие воздушного гостя — хороший повод развеять скуку.

На стол перед Бартаном водрузили объемистый кувшин с двумя ручками; он отхлебнул и нашел, что эль прохладен, крепок и не чересчур сладок — не эль, а мечта. Неожиданное гостеприимство успокоило его; он утолял жажду и отвечал на вопросы о себе, о воздушном корабле и о целях

сподвижников Тринчила.

— Что ж, парень, боюсь, ты вовсе не это хочешь от нас услышать, — сказал Кэрродалл, — но думаю, придется тебе повернуть на север. К западу отсюда — сплошь горы, и на юге, у океана, горы, и все хорошие земли в этих краях давно застолблены и зарегистрированы. На севере, в Новом Кейле, лакомые куски тоже расхватаны, но я слыхал, одна-две тихие долинки по ту сторону хребта Преграда еще не тронуты.

— Видел я те долины, — вмешался толстяк по имени Отлер. — Там, коли захочешь прямо стоять, изволь отрастить одну ногу длиннее другой.

Грянул смех. Бартан подождал, пока он утихнет.

— Только что я пролетел над отменными пахотными землями к востоку от реки. Я, конечно, понимаю, что мы опоздали, но вот вопрос: почему там нет людей на фермах?

— Никогда не поздно занять это проклятое место, — пробормотал Отлер, уткнувшись взглядом в кувшин.

У Бартана мигом проснулось любопытство.

— Это ты к чему?..

— Не слушай его, — поторопился вмешаться Кэрродалл. — Это все пьяные бредни.

Отлер выпрямил спину, на круглой физиономии появилась оскорбленная мина.

— Пьяные бредни?! Ты что, думаешь, я пьян? Я не пьян…

— Он пьян, — уверил Кэрродалл гостя.

— И все-таки мне интересно, что он имеет в виду. — Бартан видел, что его настойчивость раздражает мэра, но загадочная фраза Отлера все еще звучала в ушах. — Мне очень важно это знать.

— Мэджин, да скажи ты ему, — попросил один из речников. — Он же все равно докопается.

Кэрродалл вздохнул и метнул в доброхота зловещий взгляд, а когда заговорил, в его голосе уже не было легкости.

— Землю, о которой ты толкуешь, у нас прозвали Логовищем. И с той поры, как ей дали это имя, все заявки на нее потеряли силу. Теперь ты знаешь об этом, но никакого проку в том нет. Твои люди никогда там не приживутся.

— Почему?

— А почему, по-твоему, мы зовем этот край Логовищем? Потому, дружище, что там обитает зло. И тот, кто туда сунется, попадет в беду.

— Из-за духов? Из-за привидений? — Бартан даже не пытался скрыть недоверие и насмешку.

— Значит, если я правильно понял, только гоблины имеют право на эти земли?

Кэрродалл помрачнел, взгляд его стал колючим.

— Плохим бы я был советчиком, если бы предложил тебе там осесть.

— Спасибо за предупреждение. — Бартан осушил кувшин, поставил на стол и демонстративно поднялся. — И за гостеприимство спасибо, господа. Премного благодарен, и обещаю: я в долгу не останусь.

Он вышел из-за стола и, покинув таверну, утонул в сиянии вечернего дня. Ему не терпелось подняться в небо и вернуться к каравану с хорошими новостями.

Глава 3

Легкий ветерок нес воздушный корабль на восток. Он плыл над оврагами и кустарниками, и преследователям нелегко было держаться с ним вровень.

Полковник Мандль Гартазьян, скакавший во главе кавалькады, не сводил глаз с корабля, доверив синерогу самому преодолевать препятствия. Вид огромного шара и гондолы величиной с хижину разбудил поблекшие воспоминания и вызвал душевную боль, которую он не испытывал с первых лет жизни на Верхнем Мире. И все-таки он не мог отвести взор от корабля…

Полковник был мощного телосложения — типичного для военного сословия Колкоррона, — и мало что в его облике указывало на то, что ему уже минуло пятьдесят. С тех пор, как он спешно покинул Ро-Атабри, только пепельный налет появился на коротко подстриженных черных волосах да несколько глубоких складок пролегло на квадратном лице, а в остальном он оставался тем же молодым романтиком, что в звании лейтенанта без рассуждений занял свой пост на одном из военных кораблей, которые первыми

покидали обреченный город. С тех пор он тысячи раз проклял себя за наивную веру в командиров, навсегда разлучивших его с женой и маленьким сыном.

Рономе и мальчику достались места на гражданском транспорте, и Гартазьян расстался с ними, не сомневаясь, что армия вполне владеет ситуацией, что график переселения будет соблюдаться и разлука не затянется надолго. И лишь когда бинокль открыл ему хаос, растущий далеко внизу, он испытал первый приступ страха, но было уже слишком поздно.

— Сэр, поглядите! — раздался голос лейтенанта Киро, скакавшего рядом. — Кажется, они решили садиться.

Гартазьян кивнул.

— Похоже, ты прав. Напоминаю: когда корабль коснется земли, попридержи людей. Ближе, чем на двести шагов, не подходить, даже если возникнут затруднения с посадкой. Откуда нам знать, что у них на уме? Не исключено, что на корабле мощное вооружение.

— Понимаю, сэр, но все же с трудом верится… Неужели они действительно могли пролететь весь путь от Мира?

Неуместные замечания и вопросы вредили

дисциплине, но розовощекое лицо Киро светилось таким возбуждением, что полковник решил посмотреть на это сквозь пальцы. Будь ситуация попроще, Гартазьян не дал бы ему спуску.

— Они со Старого Мира, тут сомневаться не приходится, — сказал он. — Но зачем пожаловали — вот первый вопрос, который мы должны себе задать. Что им от нас понадобилось столько лет спустя? И кто они? Горстка бедолаг, которым посчастливилось выдержать все натиски птерты и в конце концов бежать? Или… — Гартазьян не договорил. Идея была притянута за уши. Да мыслимо ли, что птертовую чуму одолели, или она отступила сама, пощадив достаточное количество людей для восстановления цивилизованного общества? Нет, этого не стоит высказывать вслух. Ибо это абсурд, фантазия из тех, которые младшему офицеру слушать ни к чему, особенно если в ней таятся семена гораздо более дикого вымысла. Ронода и Гэлли… а вдруг они все-таки выжили? И тогда эти страшные годы, полные угрызений совести и горя, пропали зря? И напрасны все попытки самооправдания? Почему он — дальновидный, смелый и предприимчивый — за все это время не добился разведывательного полета на Мир?

Лавина вопросов, фейерверк страстных фантастических грез… Во всем этом Гартазьян не нуждался, если собирался и дальше руководить операцией. Мысленно он закатил себе оплеуху и усилием воли сосредоточился на реалиях сложившейся ситуации.

Прошло уже больше минуты, как он услышал гулкий, раскатистый рев горизонтальной дюзы: стало быть, экипаж выбрал подходящее место для осадки. Гондола плыла всего футах в двадцати над землей, у ее борта Гартазьян видел несколько человеческих силуэтов — похоже, матросы разворачивали пушку, установленную на планшире. Он встревожился: достаточно ли безопасна дистанция в двести шагов? — и тут пушка бабахнула. В землю вонзились четыре гарпунных якоря на канатах. Не теряя времени даром, матросы стали выбирать канаты, и гондола послушно двинулась вниз. Над ней тяжело раскачивался шар — он остался неспущенным.

— Теперь ясно одно, — сказал Гартазьян лейтенанту. — У наших гостей нет намерения задерживаться, иначе бы они открыли клапан.

В ответ лейтенант лишь поспешно отдал честь. В сопровождении сержанта Киро отъехал прочь, чтобы развернуть отряд в кольцо вокруг корабля.

Гартазьян достал из седельной сумки бинокль, направил на гондолу и навел резкость. В поле зрения попали четверо членов экипажа — все они занимались швартовкой, — но его внимание привлекла иная деталь. Конструкция гондолы почти не изменилась со времен Переселения, однако на корабле не имелось противоптертовых орудий. При всей их тяжести они были крайне необходимы для прохождения нижнего слоя атмосферы Мира, поэтому Гартазьяна заинтриговало их отсутствие. Неужели нашлось подтверждение тому, что птерты — летучие шары, практически подчистую выморившие Колкоррон, — оставили человечество в покое? У Гартазьяна подпрыгнуло сердце, стоило ему вообразить цивилизацию двух планет: все те, кто разочаровался в Верхнем Мире, вольны вернуться на Мир… где их ждет чудесное воссоединение с любимыми, которые считались давно почившими…

— Дурак! — обругал он себя шепотом, опуская бинокль. — Опять бредовые мечты! Или ты такой выдающийся военачальник, что можешь безбоязненно тратить время на хмельные грезы? — Прежде чем двинуться вперед, он напомнил себе о двух важных обстоятельствах. Его служебной карьере мешала амбивалентность, проистекав-

шая из чувства вины, и ныне судьба, приведя его к месту посадки инопланетного корабля, сулила прекрасное вознаграждение за все неприятности. Из Прада сообщили по солнечному телеграфу: «Король Чаккел скачет к вам во весь опор. Полковник Гартазьян наделяется полномочиями выяснить обстановку и принять любые меры, какие сочтет необходимыми». Выгодно показать себя в таком деле — значит получить в будущем неисчислимые блага.

— Оставайтесь здесь, — приказал он лейтенанту, только что вернувшемуся назад, и нарочно умерил шаг синерога, давая гостям понять, что намерения у него не враждебные. Полковник подъезжал к кораблю, терзаясь неприятной мыслью: кираса из вываренной кожи — слабоватая защита от огневого залпа. Но в седле он держался прямо, излучая уверенность в себе и готовность к любым неожиданностям.

Заметив его приближение, незваные гости бросили работу и столпились у борта гондолы. Гартазьян высматривал капитана, но весь экипаж казался на одно лицо: всем лет по двадцать, на каждом — форменные коричневые рубашка и камзол. Правда, кружки на лацканах камзолов различались по цвету, но Гартазьяну это ровным

счетом ничего не говорило.

К удивлению полковника, посланники Мира оказались настолько похожи друг на друга, то их можно было принять за братьев: одинаково узкие лбы, близко посаженные, выпуклые миндалинки глаз и острые, торчащие вперед подбородки. Въехав в тень шара, он с тревогой разглядел у всех четверых желтушную кожу со странным металлическим отливом, будто к ним совсем недавно прикасалась некая жестокая хворь. С этим никак не вязалось высокомерие новоприбывших; на Гартазьяна они взирали с выражением, которое показалось ему насмешливо-презрительным.

— Я — полковник Гартазьян, — представился он, остановив синерога в нескольких ярдах от гондолы. — От имени короля Чаккела, владетеля планеты, приветствую вас на Верхнем Мире. Мы были в высшей степени удивлены, увидев ваш корабль, и нас беспокоит масса вопросов.

— Приветствия и вопросы оставьте при себе, — с незнакомым Гартазьяну акцентом произнес самый высокий из четверки, стоявший с правого края. — Мое имя — Орракоульд, я командир корабля и прибыл на эту планету с посланием от короля Рассамардена.

Нескрываемая враждебность в голосе пришель-

ца поразила Гартазьяна, но он решил держать себя в руках.

— От короля Рассамардена? Никогда не слышал о таком.

— Это неудивительно, учитывая все обстоятельства. — Орракоульд презрительно улыбнулся. — Вообще-то я предполагал, что к этому времени Прад умрет, но как удалось Чаккелу занять трон? А какова судьба принца Леддравора? И Пауча?

— Тоже мертвы. — Гартазьяну нелегко было пропускать мимо ушей вызывающий тон пришельца, но он старался — ради чести гвардейского офицера. — Чтобы еще лучше прояснить ситуацию, я намерен изменить форму нашего диалога. Теперь я буду спрашивать, а вы — отвечать.

— А что, если я решу иначе, а, старый вояка?

— Ваш корабль окружен моими людьми.

— Это не ускользнуло от моего внимания, — ухмыльнулся Орракоульд, — но так как ваши блохастые скакуны не способны воспарить, подобно орлам, нам на все наплевать. Мы можем взлететь в любое мгновение. — Он отвернулся от борта, и секундой позже в подбрюшье шара ударила струя раскаленного газа, отчего корабль дернулся вверх.

Напуганный хлопком синерог полковника вскинулся на дыбы, и, к великому удовольствию зрителей, Гартазьяну понадобилось применить всю свою сноровку, чтобы удержаться в седле. Тут он понял, что «гости» и правда в гораздо более выгодном положении и выбранная им тактика оставляет желать лучшего. Если так пойдет и дальше, он станет посмешищем. Полковник обвел взором широкий круг всадников, показавшийся теперь таким далеким, и попробовал действовать по-другому.

— Никто из нас не видит смысла в ссоре, — спокойно произнес он. — Упомянутое вами послание королю могу передать я, или, если угодно, сами дождитесь прибытия Его Величества.

Орракоульд склонил голову набок.

— И сколько это займет времени?

— Король уже в пути и может появиться здесь с часу на час.

— Но уж не раньше, чем будут подтянуты дальнобойные пушки. — Орракоульд окинул взглядом заросшую кустами равнину, будто выискивал признаки передвижения войск.

— С какой стати мы должны подозревать вас в злом умысле? — запротестовал Гартазьян, раздраженный отсутствием логики у собеседника.

Ну, какой из него посланник? И чего стоит правитель, возложивший на такого олуха столь важную миссию?

— Послушай, старик, не принимай меня за идиота. Послание короля Рассамардена я передам безотлагательно. — Орракоульд наклонился, скрылся на миг за бортом гондолы и появился вновь, доставая из кожаной тубы желтоватый свиток.

Пока длилась пауза, Гартазьян поймал себя на том, что мысль его ухватилась за сущую, казалось бы, мелочь. Орракоульд унижал его каждой фразой, но с особенной брезгливостью он произносил слово «старик», как будто в его запасе не было эпитета оскорбительнее. Впрочем, эта загадка по сравнению с прочими его странностями была пустяковой, и Гартазьян, хоть и не считал себя стариком, сознательно выбросил ее из головы, наблюдая, как Орракоульд разворачивает желтый бумажный квадрат.

— Я — орудие короля Рассамардена, и сейчас Он говорит моими устами, — торжественно произнес Орракоульд. — Я, король Рассамарден — полноправный сюзерен всех людей мужеского и женского пола, уродившихся на планете Мир, и их потомков, где бы они ни обитали, а посему

все наново освоенные земли на планете Верхний Мир считаются Моими владениями, и следовательно, Я — государь Мира и Верхнего Мира. Да будет вам известно, что Я намерен взыскать с вас всю дань, коя Мне принадлежит по праву.

Орракоульд опустил лист и бросил на Гартазьяна зловещий взгляд, ожидая его отклика.

Несколько секунд Гартазьян смотрел на него с открытым ртом, а потом расхохотался. Дикая нелепость послания вкупе с кичливостью герольда неожиданно превратила все в фарс. Напряжение разом отпустило Гартазьяна, сменившись весельем, и он не без труда восстановил дыхание.

— Старик, ты что, утратил рассудок? — Орракоульд согнулся над планширом, вытянул бронзовую шею, как змея, готовая плюнуть ядом. — Я не вижу ничего смешного!

— Только потому, что не видишь себя со стороны, — объяснил Гартазьян. — Не возьму в толк, кто из вас двоих глупее: Рассамарден, сочинивший это «послание», или ты, совершивший такой дальний и опасный перелет, чтобы его передать.

— За оскорбление Его Величества тебя ждет смертная казнь.

— Я трепещу.

Орракоульда передернуло.

— Гартазьян, я тебя не забуду. Но пока у меня есть дела поважнее. Скоро малая ночь. Как только стемнеет, я подниму корабль, дабы не соблазнять тебя возможностью совершить подлое нападение. Но на высоте тысячи футов я задержусь до полудня. К этому сроку Чаккел наверняка уже приедет, и ты по солнечному телеграфу передашь мне его ответ.

— Ответ?

— Да. Либо Чаккел добровольно преклонит колени перед королем Рассамарденом, либо его заставят это сделать.

— Воистину ты — безумец, пересказывающий бред другого безумца. — Один из матросов пустил в шар новую порцию газа, и Гартазьяну опять пришлось удерживать синерога на месте. — Ты что, намекаешь на войну двух планет?

— Совершенно недвусмысленно.

Борясь с растущим изумлением, Гартазьян спросил:

— И как же она будет выглядеть, эта война?

— Мы уже строим небесную флотилию.

— И большую?

Тонкие губы Оррокоульда сложились в улыбку.

— На вас хватит.

— Нет, не хватит, — спокойно возразил Гартазьян. — Каждому кораблю наши солдаты приготовят теплую встречу.

— Старый вояка, надеюсь, ты не рассчитываешь, что я на это куплюсь. — Улыбка заметно расползлась по лицу Орракоульда. — Я-то знаю, как распылено ваше население. Умело маневрируя, мы сможем приземлиться практически где угодно. Мы могли бы сажать наши корабли под покровом ночи, но вряд ли нам понадобится скрытность, ведь мы располагаем таким оружием, которого у вас нет даже в мыслях. И помимо всего прочего… — Орракоульд сделал паузу, чтобы окинуть взглядом своих спутников и дождаться трех подтверждающих кивков, — Новые Люди имеют еще одно несомненное преимущество.

— Люди — они и есть люди. — На Гартазьяна слова Орракоульда не произвели впечатления. — Откуда взяться новым?

— А вот об этом позаботились природа и птерта. Мы родились с надежным иммунитетом к птертовой чуме.

— Так вот оно что! — Глаза Гартазьяна обежали четыре удлиненных лица — с этим неестественным металлическим отливом они вполне могли

бы принадлежать статуям, вышедшим из одной изложницы. — Значит… значит, я не ошибся, птерта отступила.

— Птерта не отступила, но ее атаки тщетны.

— А как насчет таких, как я? Кто-нибудь выжил?

— Нет! — Орракоульд не скрывал самодовольного торжества. — Все старые — сметены!

Несколько секунд Гартазьян безмолвствовал, прощаясь в душе с женой и сыном, затем его мысли вернулись в настоящее, к необходимости выведать все, что можно, у инопланетных «гостей». В подтексте немногих уже высказанных Орракоульдом слов легко угадывалась жуткая картина: смертные судороги цивилизации Мира, летучие шары птерты, кишащие в небесах, тесня человечество к грани исчезновения…

«Желудок! Горит!»

Жжение было столь резким, что Гартазьян сложился чуть ли не пополам. За считанные мгновения жаркий ком под грудью распустил щупальца по всему торсу — а вместе с тем воздух вокруг, казалось, слегка остыл. Не желая выдавать недомогания, Гартазьян выпрямился в седле и стал ждать, когда минует спазм. Но тот никак не хотел утихать, и полковник решил не обра-

щать на него внимания, пока не соберет точных сведений.

— Сметены? Все? Это значит, ваше поколение родилось уже после Переселения?

— После Бегства — ибо никак иначе мы не можем называть этот акт малодушия и измены.

— Но как удалось выжить детям? Без родителей? Неужели такое…

— Наши родители обладали частичным иммунитетом, — резко перебил Орракоульд. — Многие из них прожили достаточно долго.

Гартазьян сокрушенно покачал головой, обдумывая эту новость и силясь не замечать пламени, разгорающегося во внутренностях.

— Но, должно быть, многие и погибли. Какова численность вашего населения?

— Нет, ты явно держишь меня за дурака. — Темная физиономия Орракоульда скорчилась в глумливую мину. — Я прилетел на эту планету, чтобы разузнать о ней побольше, а не за тем, чтобы разбрасываться секретами моей родины. В общем, все, что нужно, я увидел, и поскольку малая ночь уже наступила…

— Нежелание отвечать на мой вопрос само по себе достаточно красноречиво. Вас очень мало, наверно, даже меньше, чем нас. — Гартазьян

вздрогнул всем телом от контраста жара внутри и липкого холода снаружи. Он тронул скользкий от пота лоб, и тут в глубине его мозга родилась жуткая идея — родилась и зашевелилась, как червяк. С тех пор, как он юношей покинул Мир, Гартазьян ни разу не видел больного птертозом, но в память его поколения накрепко въелись симптомы… Сильный жар в желудке, обильное потовыделение, боль в груди и быстро растущее чувство подавленности…

— Я вижу, ты побледнел, старик, — сказал Орракоульд. — Что-нибудь болит?

Гартазьян заставил себя ответить спокойно:

— Ничего у меня не болит.

— Но ты вспотел и дрожишь… — Орракоульд перегнулся через борт, обшаривая взглядом лицо Гартазьяна, а у того расширились зрачки. На мгновение возникло нечто вроде телепатического контакта, а затем Орракоульд выпрямился и шепнул своим матросам краткий приказ. Один из них скрылся из виду, и корабельная горелка испустила протяжный рев; двое остальных тем временем торопливо отвязывали швартовы от глядящей вниз пушки.

С холодной ясностью Гартазьян осознал прочитанное в глазах собеседника, и в этот миг — миг

смирения со своим приговором — разум его простерся далеко за узкие пределы настоящего. Совсем недавно Орракоульд хвастался оружием, которого на Верхнем Мире никто даже вообразить не в силах, и при этом сам не отдавал себе отчета, сколько в его словах жуткой истины. Орракоульд и его экипаж — сами по себе оружие, разносчики столь заразной формы птертоза, что способны убить незащищенного человека, даже не дотронувшись до него.

Их королю — на взгляд Гартазьяна явному безумцу — все же достало расчетливости послать разведывательный корабль, чтобы оценить силы будущего противника, но когда он узнает, что его армия почти не встретит сопротивления, ибо защитников Верхнего Мира можно выморить птертозом, его алчность разгорится еще пуще.

«Нельзя отпускать корабль!»

Мысль эта пришпорила Гартазьяна. Его люди слишком далеко — не подоспеют. А корабль уже идет вверх, и вся ответственность ложится на его, Гартазьяна, плечи. Остается только одно: бросить меч в огромный шар, проделать в нем дыру. Он обнажил клинок, замахиваясь, повернулся в седле и хрипло вскрикнул, когда в груди взорвалась боль и парализовала поднятую руку. Он опустил

меч в позицию для броска снизу и увидел, что Орракоульд целится в него из диковинного на вид мушкета.

Рассчитывая на задержку, без которой не обходится ни один выстрел пиконо-халвеллового оружия, Гартазьян повел рукой вверх. Послышался непривычный сухой треск, и его развернуло ударом в левое плечо, а слабо брошенный меч пролетел далеко от цели. Полковник соскочил с перепуганного синерога и кинулся к своему оружию, но боль в плече и груди превратила быстрый бег в походку пьяного калеки. Когда меч вновь оказался в руке, гондола уже качалась в добрых тридцати футах над его головой, а несущий ее шар — и того выше.

Гартазьян стоял, провожая чужаков беспомощным взглядом; личная катастрофа выглядела для него пустяком по сравнению с чудовищной участью планеты. Небесный корабль быстро набирал высоту и, хоть и находился почти в центре мутно-голубой тарелки Мира, терялся из виду, так как дальше, почти на этой же прямой, висело солнце, уже серебря восточную кромку планеты-сестры. Гартазьян оставил попытки проникнуть взором за головокружительно-слепящий хоровод лучей и иголок света и, опустив голову, уставился

себе под ноги, размышляя о бездарном провале, что подвел черту и его карьере, и жизни. Только близкие шаги синерога отвлекли его от переживаний, напомнив про ответственность, которую никто с него не снимал.

— Стойте на месте! — крикнул он лейтенанту Киро. — Не приближайтесь ко мне!

— Сэр! — Киро натянул поводья, но все-таки не остановил синерога.

Гартазьян наставил на него меч.

— Лейтенант, это приказ! Не приближайтесь! Я заражен.

— Заражены?

— Птертоз. Думаю, вам знакомо это слово.

Верхняя половина лица Киро пряталась под козырьком шлема, но Гартазьян увидел, как рот юноши исказила гримаса ужаса. Чуть позже под призматическими лучами солнца замерцали холмы западного горизонта и потемнели, когда по безлюдным землям на орбитальной скорости заскользила тень Мира. Ее краешек затмил сцену трагедии, вызвав краткую — сумеречную — фазу малой ночи, и стало видно, как на меркнущем небосводе раскручивается гигантская спираль размытого свечения; рукава ее искрились белыми, голубыми и желтыми звездами. Мысль, что

он последний раз в жизни глядит на ночное небо, наполнила Гартазьяна желанием запомнить его со всеми подробностями, до мельчайшего смерчика звездной пыли, до последней кометы, — и унести это сияние туда, где света нет и в помине.

Очнувшись от раздумий, он крикнул лейтенанту, ожидавшему ярдах в двадцати:

— Киро, слушайте внимательно. До исхода малой ночи я умру, и вы должны…

Крик раздул в легких неистовое пламя, и Гартазьян расстался с намерением передать драгоценные сведения на словах.

— Я постараюсь написать рапорт королю. Вам же приказываю во что бы то ни стало сделать так, чтобы король его получил. Достаньте ваш журнал для приказов. Убедитесь, что карандаш не сломан, и оставьте его на земле вместе с книгой. Сразу после этого возвращайтесь к солдатам и ждите Его Величество. Расскажите ему о том, что со мной произошло, и напомните, что минимум пять дней никто не должен приближаться к моему телу.

Долгая и болезненная речь вытянула из Гартазьяна последние силы, но он держал спину по-военному прямо, пока Киро спешивался и клал журнал на землю.

Лейтенант выпрямился, вернулся в седло, но отъезжать не спешил.

— Сэр, мне так жаль…

— Ничего, — перебил Гартазьян, тронутый человечностью юноши. — Не горюйте обо мне. Езжайте и заберите моего синерога. Мне он больше ни к чему.

Киро неловко отдал честь, взял под уздцы осиротевшее животное и исчез в сумерках. Гартазьян двинулся к журналу. С каждым шагом ноги подкашивались все сильнее; возле журнала он мешком осел на землю, и пока вытаскивал карандаш из кожаного кармашка, последний отблеск солнца исчез за изгибом Мира. Но и в полутьме Гартазьян видел достаточно, чтобы писать, — выручали гало Мира и причудливые блестки, собранные кое-где в плотные круглые грозди.

Он попробовал опереться на левую руку и тут же рывком выпрямился — в раненом плече вспыхнула боль. Потрогав пальцами входное отверстие, полковник слегка утешился тем, что бракковый цилиндрик почти всю свою силу растратил на пробивание кожаного валика на краю кирасы: он засел в плоти, но кости не повредил. Гартазьян напомнил себе: надо записать, что оружие чужаков стреляет без обычной задерж-

ки. Он сел, положил журнал на колени и начал составлять подробный рапорт тем, кому вскоре предстояло столкновение с чудовищными пришельцами.

Работа дисциплинировала разум, помогая не думать о близком конце, но тело, сопротивляясь яду птерты, то и дело напоминало о проигранной схватке. Казалось, в желудок и легкие насыпали раскаленных угольев, грудь сжималась в мучительных спазмах, и судороги временами вынуждали руку сбиваться на едва разборчивые каракули. Смерть подступала так быстро, что, закончив рапорт, Гартазьян с тупым удивлением понял: от сознания и сил остались жалкие крохи.

«Если я уйду отсюда, — подумал он, — то журнал можно будет забрать без промедления и риска для жизни».

Он положил журнал, а на него — чтобы легче было найти — свой шлем с красным плюмажем. Встать на ноги оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Борясь с головокружением, полковник обвел взглядом окрестности — в глазах рябило, и казалось, что они покрыты огромной скатертью, по которой бегут медлительные волны. Киро уже собрал людей, они разбили лагерь и разожгли

большой костер — ориентир для Чаккела. Сумерки превратили солдат и животных в аморфную массу; все вокруг было неподвижно, кроме беспрестанно мерцающих метеоритов на фоне звезд и густых туманностей.

Гартазьян догадался, что большинство глаз в лагере смотрит на него. Он повернулся и побрел прочь, по-клоунски шатаясь. С пальцев левой руки на траву капала кровь. Шагов через двадцать ноги запутались в папоротниках, он рухнул ничком, да так и остался — лицом в щетинистых листьях.

Бессмысленно вставать. Бессмысленно цепляться за остатки сознания.

«Ронода и Хэлли, малыш, я возвращаюсь к вам, — подумал он, когда в его глазах начала угасать вселенная. — Скоро мы…»

Глава 4

Услышав скрежет отодвигаемого засова, Толлер Маракайн прежде всего испытал облегчение. В камере ему разрешалось писать, и хотя он всю малую ночь просидел с блокнотом на коленях, пытаясь сочинить письмо Джесалле и как-то объяснить свой поступок, на бумаге осталась одна-единственная покаянная фраза:

«Мне очень жаль».

Три слова погребальным колоколом звучали в мозгу, словно мрачная эпитафия жизни, выброшенной на свалку, и он желал — искренне и глубоко, — чтобы поскорее истекли ее последние мучительные секунды.

Толлер встал и повернулся к отворяющейся двери, ничуть не сомневаясь, что сейчас перед ним возникнет палач в сопровождении наряда тюремной стражи. Но вместо этого в расширяющемся прямоугольнике дверного проема появилась упитанная фигура короля Чаккела, а по бокам его — гвардейцы с каменными физиономиями.

— Воистину, я должен гордиться собой, — сказал Толлер. — Сам король провожает меня к эшафоту.

Чаккел поднял журнал в кожаном переплете — армейский журнал для приказов.

— Маракайн, твое поразительное везение не оставило тебя и на этот раз. Пойдем, ты мне нужен. — Он вцепился в руку Толлера с силой, которой позавидовал бы палач, и вытащил его в коридор, где зловонно чадили фитили в недавно расставленных плошках.

— Я вам нужен? Неужели это означает?..

Как ни парадоксально, в этот миг, когда к нему вернулась надежда, Толлер испытал страх такой сильный, что на лбу выступил холодный пот, а голос сел.

— Это означает, что я готов простить тебе дурацкую выходку в нынешний утренний день.

— О, Ваше Величество! Я вам так благодарен… От всей души! — сбивчиво отвечал Толлер, а про себя клялся Джесалле, что больше никогда в жизни не подведет ее.

— Ну еще бы! — Чаккел вывел его из тюремного корпуса, а после — за ворота, где охранники вытянулись перед ним в струнку; и вот Толлер снова на плацу — казалось, после поединка прошло целое тысячелетие.

— Наверно, все дело в том небесном корабле, — вслух предположил Толлер. — Он на самом

деле с Мира?

— Поговорим об этом наедине.

Толлер и Чаккел с гвардейцами, не отстающими ни на шаг, вошли во дворец через заднюю дверь. Следуя за монархом по коридорам, Толлер ощутил мыльный запах пота синерога, идущий от его одежды. Значит, король долго ехал верхом. Очень интересно. Наконец они добрались до потайного входа в кабинет, где из мебели был только круглый стол с шестью скромными стульями.

— Прочти. — Чаккел вручил Толлеру журнал для приказов, а сам уселся за стол и уставился на свои крепко сжатые кулаки. На его медной от загара лысине блестели капельки пота. Было заметно, что он очень взволнован.

Рассудив, что едва ли стоит задавать вопросы раньше времени, Толлер сел напротив короля и раскрыл журнал. В молодости чтение давалось ему нелегко, но с годами это прошло, и теперь он за считанные минуты пробежал глазами несколько страниц, исписанных карандашом, хотя буквы кое-где дико плясали. Дочитав до конца, он закрыл журнал, положил его на стол и только потом заметил кровавые пятна на обложке.

Король, не поднимая головы, глянул из-под

бровей; глаза его превратились в желтые полумесяцы.

— Ну?

— Полковник Гартазьян умер?

— Разумеется. И если судить по этому рапорту, мертвецов будет еще много. Вопрос в другом: что мы можем сделать, как защититься от этих заразных выскочек?

— Вы считаете, Рассамарден не шутит насчет вторжения? Очень уж нелепо это выглядит, ведь в его распоряжении — целая пустая планета.

Чаккел показал на книгу.

— Ты же сам читал. Мы имеем дело с ненормальными. Гартазьян уверен, что все они чокнутые, а больше всех — их правитель.

Толлер кивнул.

— Обычное дело.

— Ты говори, да не заговаривайся, — предостерег Чаккел. — По части небесных кораблей у тебя больше опыта, чем у любого другого, поэтому я хочу услышать твои соображения.

— Ну… — На несколько секунд Толлером овладело нечто вроде веселья, но оно тут же сменилось стыдом и раскаянием. Ну что он за человек?! Давно ли клятвенно обещал себе никогда ничего не ставить выше блаженного покоя, милого

домашнего уюта, — и вот его сердце бьется чаще при мысли о приключении, о новой, необыкновенной войне. А может быть, это просто реакция на неожиданное спасение, на то, что жизнь продолжается? Или в душе у него — фатальный изъян, как у давно усопшего принца Леддравора? Последнее допущение выглядело слишком серьезным — но сейчас не время рассуждать об этом.

— Я жду, — нетерпеливо произнес Чаккел. — Только не лги, что от страха лишился дара речи.

Толлер глубоко вздохнул и начал:

— Ваше Величество, если враг действительно замышляет нападение, надо принимать меры, которые диктует обстановка. По известной причине в открытом столкновении мы обречены, поэтому нельзя допустить, чтобы нога так называемого Нового Человека ступила на нашу планету. Следовательно, нам остается только один выход.

— Какой?

— Не подпускать! Выставить заслон! Подстеречь неприятельский флот в зоне невесомости, на полпути между планетами, и уничтожить. Это единственный способ.

Чаккел вгляделся в лицо собеседника и остался доволен его искренностью.

— Насколько мне помнится, там слишком холодно — долго не протянешь.

— Потребуются корабли принципиально иной конструкции. Гондолы — больших размеров и абсолютно герметичные. Возможно, удастся сгущать воздух при помощи огненной соли. И еще много чего понадобится, чтобы подолгу жить в зоне невесомости.

— Мыслимое ли это дело? — спросил Чаккел. — Если я правильно понял, ты имеешь в виду надежные крепости, висящие в небе? А как же вес?

— Старый небесный корабль поднимает двадцать пассажиров плюс необходимые припасы, а если удлинить гондолу и поставить на нее два шара, это увеличит грузоподъемность.

— Неплохая мысль. — Чаккел встал и зашагал вокруг стола, время от времени бросая на Толлера хмурый взгляд. — Я намерен учредить новую должность — специально для тебя. Будешь отвечать за противовоздушную оборону Верхнего Мира. Отчитываться — только передо мной. Получать любые ресурсы, какие только понадобятся для успешного выполнения задачи, в том числе и людские.

Жизнь вновь обрела цель и смысл. Толлер приободрился и с удивлением поймал себя на том, что

не очень хочет плыть по течению Чаккеловых идей. Когда тебя то обрекают на казнь, то через мгновение возносят на вершину власти — ты не кто иной, как пешка, кукла без чести и достоинства, начисто лишенная индивидуальности.

— Если я решу принять ваше предложение, — сказал он, — то у меня будут некоторые…

— Если решишь принять?! Если?! — Чаккел вскочил на ноги, пинком отшвырнул стул, хлопнул ладонями по столу и наклонился через него. — Да что с тобой творится, Маракайн? Где твоя преданность королю?

— Не далее, как в нынешний утренний день мой король приговорил меня к смерти.

— Ну, ты же знаешь, что я бы не зашел так далеко.

— Правда? — Толлер не скрывал недоверия. — Когда я один-единственный раз обратился к вам с просьбой, вы отказали…

Чаккела его слова явно озадачили.

— О чем это ты?

— О жизни фермера Спеннеля.

— А, вот оно что! — На миг Чаккел поднял глаза к потолку, выказывая раздражение. — Ладно, Маракайн, будь по-твоему. Из-за всей этой суматохи в городе казнь могла и не состояться. Я

велю скороходу бежать со всех ног, и если твой драгоценный приятель еще жив, ни один волос не упадет с его головы. Доволен? Надеюсь, что доволен, ибо не знаю, чем еще могу тебе угодить.

Толлер неуверенно кивнул, удивляясь, как все-таки легко можно заткнуть рот совести.

— Скороход должен отправиться незамедлительно.

— Сказано — сделано. — Чаккел повернулся к обшитой панелями стене, в которой Толлер не различил ни одного отверстия, и кивнул, после чего рухнул на стул рядом с перевернутым. — Теперь надо прикинуть, с чего начинать. Ты сможешь сделать чертеж небесной крепости?

— Думаю, смогу, но мне понадобится Завотл. — Толлер имел в виду человека, с которым летал еще в составе Экспериментальной Эскадрильи Небесных Кораблей и который позднее, во времена Переселения, служил одним из четырех королевских пилотов. — Ваше Величество, по моим сведениям, он водит один из ваших курьерских кораблей, так что отыскать его будет несложно.

— Завотл? Это не тот ли тип с такими потешными ушами? А почему именно он?

— Он очень умен, и мы долго работали вместе,

— ответил Толлер. — Без него мне не справиться.

Завотлу было далеко за сорок, но он выглядел совсем молодым — трудно поверить, что во времена массового бегства с Мира он командовал кораблем Его Величества. С годами он лишь чуть-чуть пополнел, но волосы остались темными, а короткая стрижка по-прежнему подчеркивала диковинность его ушей — крошечных, свернутых в трубочки. Он предстал перед Чаккелом и Толлером через десять минут, будучи вызван с летного поля, которое соседствовало с дворцом. Желтый мундир воздушного капитана сидел на нем неаккуратно — видно было, что Завотлу пришлось в спешке покинуть сортир.

Он напряженно выслушал рассказ об угрозе вторжения Новых Людей, то и дело, по своему обыкновению, записывая что-то в блокноте изящным убористым почерком. Манеры его тоже не изменились ни на йоту; дотошность бросалась в глаза, и по-прежнему от каждого его слова и движения веяло уверенностью в том, что нет проблем, которых нельзя одолеть с помощью логики.

— Теперь ты все знаешь, — сказал ему Чаккел. — Так что будь любезен, поделись, какие у тебя соображения насчет обитаемых крепостей в зоне

невесомости.

Его отнюдь не восхитила идея взять в советники какого-то безродного капитана, но он выполнил просьбу Толлера и даже, демонстрируя серьезное отношение к делу, усадил Завотла рядом с собой. Задав вопрос, король критически воззрился на вновь прибывшего и чем-то похож был в этот миг на школьного наставника, которому не терпится «срезать» выскочку-ученика.

Завотл выпрямился и, видимо, понимая, что от его слов сейчас зависит очень многое, твердо ответил:

— Это возможно, Ваше Величество. Собственно говоря, это необходимо. Другого способа нам не изобрести.

— Понимаю. А как насчет длинной гондолы с двумя шарами?

— Ваше Величество, при всем моем уважении к лорду Толлеру вынужден сказать, что эта мысль мне не по душе. — Завотл покосился на Толлера. — Гондола получится слишком длинной. Думаю, возникнут серьезные проблемы с управлением.

— Так ты — за один огромный шар?

— Нет, Ваше Величество. С этим связаны совершенно новые, незнакомые нам затруднения. Несомненно, мы их рано или поздно преодолеем,

но ведь у нас нет времени.

Было заметно, что король начинает злиться.

— Тогда что же ты предлагаешь, капитан? Есть у тебя что-нибудь на уме, или одни только «нельзя»?

— Мне кажется, следует использовать обычные шары, к которым мы привыкли, — ответил Завотл, не теряя хладнокровия. — Надо строить и поднимать небесные крепости по частям и монтировать уже в зоне невесомости.

Чаккел уставился на Завотла, и сердитое выражение лица сменилось изумленно-почтительным.

— Ну конечно! Конечно! И впрямь другого способа нет.

А Толлер испытал прилив гордости за своего протеже.

Идея Завотла вызвала у лорда цепочку головокружительных образов.

— Илвен, ты молодчина! — воскликнул он. — Я знал, что ты пригодишься. Хотя работенку ты нам подсунул — аж кишки леденеют! Когда под тобой тысячи миль пустоты, как ни привязывайся, все равно чуть-чуть не по себе.

— Да, для многих это вовсе непосильная задача, — кивнул Завотл. — Но сложности можно свести

к абсолютному минимуму. Осмелюсь предложить цилиндрические секции, соединенные друг с другом обычными захватами и герметизированные замазкой. Для одной крепости понадобятся три такие секции.

— Пока мы не начали забивать себе головы деталями, я хочу узнать, сколько всего требуется небесных крепостей, — сказал Чаккел. — И чем больше я об этом думаю, тем больше у меня сомнений в целесообразности этого плана. Даже если забыть про объем и рассматривать зону невесомости как плоскость, диск — это все-таки миллионы квадратных миль. Шутка ли? Будь у меня даже ресурсы старого Колкоррона, я бы и то не смог наделать столько крепостей… Кстати, сколько? Тысячу? Пять тысяч?

Завотл посмотрел на Толлера — мол, твоя очередь отвечать, — но тот отрицательно качнул головой. Толлеру показались дельными возражения короля, и хотя по невозмутимому выражению лица друга он определил, что ответ существует, сам он пока не мог до него додуматься.

— Ваше Величество, нам не обязательно защищать всю зону, — заговорил Завотл. — Действительно, у наших планет общая атмосфера, но она имеет форму водяных часов с очень узкой

перемычкой. Небесным кораблям пришельцев с Мира придется держаться середины, узкого воздушного мостика, если можно так выразиться. Там мы и приготовим им теплую встречу. Не знаю, насколько решительно они настроены, однако, если мы уничтожим первые ряды кораблей, остальные, вероятно, постараются обойти нас на безопасной дистанции. Но это очень рискованно — на таком расстоянии от воздушного моста экипажи могут потерять сознание и задохнуться.

— Завотл, ты начинаешь мне нравиться. — Чаккел улыбнулся краем рта. — Так сколько понадобится крепостей?

— Немного, Ваше Величество. Думаю, не больше десятка или дюжины. И сотня — потом, когда исчезнет фактор внезапности, а пришельцы придумают эффективные контрмеры. — Завотл снова посмотрел на Толлера, видимо, все еще надеясь втянуть его в разговор. — На этом этапе планирования я не могу назвать точные цифры. Очень многое будет зависеть от дальности обнаружения вражеских кораблей… Впрочем, лорд Толлер подтвердит, что на большой высоте глаз становится удивительно остер. Важна также дальнобойность нашего оружия, но в этом отношении мой опыт ничтожно мал по сравнению с

опытом лорда Толлера. Возможно, он скажет…

— Пока продолжай без меня, — благодушно произнес Толлер, оценив дружеские старания Завотла. — Я нахожу твои рассуждения интересными и полезными.

— Твой приятель Толлер, — шепнул Чаккел Завотлу, — настолько уверен в себе, что не боится даровитых и многообещающих заместителей. Ладно, — он повысил голос, — есть еще одна закавыка, более прозаичная, но боюсь, тебе не так-то просто будет ее разрешить.

— Ваше Величество?

— Я лично курировал строительство миграционного флота и хорошо усвоил, что для оболочек небесных кораблей годится только один материал, легкий и прочный, — лен. — Чаккел нахмурился и покачал головой, давая понять, что ему не по нраву оттенок легкомыслия, закравшийся в разговор. — Возможно, вы знаете, что льняное семя, которое мы привезли с собой на Верхний Мир, почти не прижилось. Несколько акров тут, несколько акров там — вот и все земли, которые дали приличный урожай, да и тот почти без остатка уже летает по небу. Многоопытные советники, я позволю себе вопрос: можно ли сшить новые шары из оболочек кораблей, кото-

рые уже служат?

— Нет! — в один голос ответили Толлер и Завотл, но Толлер — чисто машинально, поскольку ему опять нечего было предложить. А напрасно, ведь ему следовало бы помнить, что монархом Чаккела сделал не каприз генеалогии — он имел феноменально глубокие познания в тех областях сельского хозяйства, промышленного производства и торговли, которые служили опорами государственной власти. Но Толлер снова предпочел переложить всю ответственность на плечи Завотла и удивился, если не сказать — восхитился, когда тот со спокойной улыбкой произнес:

— Ваше Величество, оболочки необходимо сделать из нового, первосортного материала. Но его потребуется немного. Идея лорда Толлера насчет засады великолепна, и нам тем более на руку, что шары в этом случае будут только помехой, причем серьезной.

Чаккел нахмурился еще пуще.

— Похоже, мы расходимся во мнениях. Завотл, к чему ты клонишь?

— Ваше Величество, я говорю о новой стратегии, в основе которой, впрочем, лежат давно известные принципы. Важно, чтобы противник

как можно позже обнаружил нас, и совершенно очевидно, что шары, из-за своей величины заметные в сверхпрозрачной зоне невесомости с расстояния многих миль, в данном случае сослужили бы нам плохую службу. Без них крепости будут действовать гораздо эффективнее…

Толлер начал постигать замысел Завотла и, казалось, ощутил на миг стужу высокого неба, просачивающуюся в его тело.

— Ты хочешь отсоединить шары и…

Завотл кивнул.

— И вернуть на землю, чтобы поднять другие секции крепостей. Не вижу причины, по которой нельзя использовать оболочки многократно.

— Я это вовсе не так себе представлял, — произнес Толлер. — Ты хочешь оставить в небе совершенно беспомощных людей? Не способных предотвратить падение корабля?

Лицо Завотла обрело абсолютное, нечеловеческое спокойствие.

— Милорд, речь идет о зоне невесомости. Вы сами однажды задали вопрос: как можно упасть, не имея веса?

— Да, конечно, но… — аргументы Толлера иссякли, — но мне это не нравится.

— А мне нравится! — воскликнул Чаккел и

улыбнулся Завотлу; было видно, что его приязнь к небесному капитану уже достигла полного расцвета. — Еще как нравится!

— Да, Ваше Величество, — сухо вымолвил Толлер, — но ведь вы там сидеть не станете.

— И ты, Маракайн, — парировал Чаккел. — Я тебя назначил маршалом за прекрасное знание небесных кораблей, а не за болтливый язык и драчливый норов. Нет уж, голубчик, ты у меня останешься на твердой почве. Будешь командовать снизу.

Толлер помотал головой.

— Это не в моих правилах. Я командую в строю. Если людям прикажут доверить свои жизни… бескрылым птицам, то я хочу быть среди первых.

Чаккел заметно рассердился, но, когда он посмотрел на Завотла, выражение его лица стало хитрым.

— Поступай как знаешь, — сказал он Толлеру. — Наделяю тебя властью рекрутировать любого из моих подданных, кого сочтешь нужным. Смею предположить, что твой друг Завотл займет важный пост советника.

— Это с самого начала входило в мои намерения.

— Отлично. Я рассчитываю, что вы оба пожи-

вете во дворце, пока мы не обсудим все основные аспекты обороны. И поскольку на это уйдет немало времени…

Чаккел умолк. В кабинет, усердно кланяясь, вошел сутулый секретарь и приблизился к столу.

— Зачем ты прервал меня, Пелсо?

— Нижайше прошу Ваше Величество простить меня, — ответил Пелсо дрожащим голосом. — Но вы приказали безотлагательно сообщить вам насчет казни.

— Казни? Какой еще… ах да. Ну, выкладывай.

— Ваше Величество, я отправил гонца, велев передать, что исполнение приговора откладывается.

— В этом не было особой нужды. Я просто хотел узнать, сделано ли дело. Ну, так где твой человек?

— Ждет в восточном коридоре, Ваше Величество.

— Да на черта он мне нужен в коридоре? Сюда его веди, старый болван!

Пока секретарь, отвешивая поклоны, пятился к выходу, Чаккел барабанил пальцами по столу. Толлер, хоть и не хотел отвлекаться от важного разговора, посмотрел в сторону двери. Там возникла коренастая фигура Гнэпперла. Сержант

не выказывал ни малейшего беспокойства, хотя скорее всего впервые в жизни явился пред очи короля. Он приблизился к Чаккелу строевым шагом, отточенным движением отдал честь и застыл, ожидая позволения говорить. Но его глаза уже встретили взгляд Толлера, и было в них зловещее торжество, которое делало слова излишними.

Толлер потупился от печали и стыда. Словно наяву он увидел перед собой несчастного фермера, встреченного по дороге утренним днем. Неужели это было так недавно? Он обещал Спеннелю помочь, но не сдержал слова. И тем острее была его мука, что он помнил: Спеннель на него не надеялся.

Как же он спасет целый мир, если даже одного человека не сумел защитить?

— Ваше Величество, предатель Спеннель казнен во исполнение законного приговора, — доложил Гнэпперл, когда Чаккел жестом позволил ему говорить.

Король пожал плечами и повернулся к Толлеру:

— Я сделал все, что мог. Ты удовлетворен?

— У меня к этому человеку пара вопросов. — Толлер поднял голову и сцепился взглядом с Гнэпперлом. — Я надеялся на отсрочку казни.

Разве появление небесного корабля не вызвало в городе суматохи?

— Суматохи было предостаточно, милорд, но мне это не помешало исполнить свой долг. — Сержант говорил с нескрываемым злорадством, изощренно глумясь над Толлером. — Даже палач убежал за кораблем с толпой зевак, и я был вынужден проскакать несколько миль, чтобы найти его и вернуть в город.

«Это первый палач, которого ты нынче встретил, — подумал Толлер. — Я — второй».

— Сержант, это весьма похвально, — сказал он вслух. — Вы, похоже, из тех солдат, для которых долг — превыше всего.

— Так оно и есть, милорд.

— В чем дело, Маракайн? — вмешался Чаккел. — Только не говори, что собираешься мстить обыкновенному солдату.

Толлер улыбнулся.

— Совсем напротив, Ваше Величество. Я так ценю этого сержанта, что хочу взять его в свои войска. Не правда ли, вы сами дали мне такое право?

— Да, я сказал, что ты можешь брать кого угодно, — проворчал Чаккел.

— Я хотел, чтобы сержант услышал это из ва-

ших уст. Произнося эти слова, Толлер посмотрел на Гнэпперла, и тот встревожился, с опозданием сообразив, что его рвение оборачивается против него же.

— Скоро нам предстоит испытывать новые небесные корабли, и у меня будет много опасных поручений. Сержант, вас ждут полеты в высоком небе, полеты без шаров. Для такого дела необходимы люди, которые превыше всего ставят воинский долг. Отошлите ваших помощников к Пэнвэрлу с моими поздравлениями, а затем обратитесь к коменданту.

Побледневший, охваченный тяжелыми предчувствиями Гнэпперл отдал честь и покинул кабинет; по пятам за ним удалился согбенный секретарь.

— Ты с ним чересчур разоткровенничался, — недовольно сказал Чаккел.

— Чем быстрее разлетится новость, тем лучше. Кроме того, я хочу, чтобы сержант уже сейчас представлял свое будущее.

Чаккел укоризненно покачал головой и вздохнул.

— Если ты решил его прикончить, то поспеши. Нечего тратить драгоценное время на пустяки.

— Ваше Величество, мне никак не удается по-

нять одну вещь, — заявил Завотл. Пока Толлер пикировался с сержантом, он рассеянно потирал живот, склонив продолговатую голову над журналом Гартазьяна. Его уши торчали, как крошечные кулачки, а лицо было озадаченным.

— Ты насчет мушкета?

— Нет, Ваше Величество, насчет самих мирцев. Если эти удивительные Новые Люди — всего лишь потомки мужчин и женщин с частичным иммунитетом к птертозу, не будет ли логичным допустить, что и среди наших детей есть такие?

— Может, и есть, — отозвался Чаккел без особой заинтересованности. — Вероятно, родители поспешили от них избавиться, не слишком о том распространяясь. Впрочем, если иммунитет — скрытый, он никак себя не проявит, покамест на этих выродков не подействуют яды. А на Верхнем Мире птерта не ядовита.

— Пока, — напомнил Толлер. — Но если мы и дальше будем изводить бракку, шары обязательно изменятся.

— Ну, насчет этого пускай беспокоятся потомки. — Чаккел, точно кувалдой, постучал по столу кулаком. — А перед нами — другая проблема, и решить ее надо в ближайшие дни, а не в грядущие столетия. Ты понял? В ближайшие дни.

«Да, я тебя понимаю». — Мысленно Толлер уже поднимался в зону невесомости, в чертог хрустальной пустоты, рассекаемой искрами метеоритов, — туда, где он побывал всего два раза в жизни. И не надеялся, что побывает еще.

Глава 5

Сон возвращался снова и снова, унося Бартана обратно в день полета.

Только что он привязал лодку и направился к побеленному известью дому. Внутренний голос исходил криком, умоляя остановиться, но Бартан не мог повернуть назад. Сняв с зеленой двери щеколду, он распахнул ее, и там, за порогом, поджидавшая его тварь неспешно тянула к нему единственное щупальце. Как и наяву, он отскочил назад и упал, а когда вновь заглянул в дверной проем, чудовище превратилось в ворох старой одежды на стенной вешалке. С реальностью сон расходился лишь в том, что передник продолжал апатично подманивать лямкой, и это шевеление, которое не мог вызвать мимолетный сквозняк, почему-то нагоняло больше жути, чем встреча с самим чудовищем.

На этом моменте Бартан всегда просыпался от собственного тревожного стона и с невыразимым облегчением узнавал вокруг себя обычный ночной мир. Но стоило опять заснуть, как все начиналось сызнова.

Вскоре он привык радоваться наступлению

дня, хоть и вставал с закисшей усталостью во всем теле. По воле Тринчила он застолбил себе целый надел и каждый день работал до упада, готовя ферму к приезду Сондевиры.

Но когда на подновленном фургоне он ехал во владения семьи Форатере, солнечные краски утра, столь несхожие с мрачными тонами ночных страхов, взбодрили душу и начисто вытравили усталость.

Ночью прошел дождь, и воздух теперь был свеж, густ и сладок; дыша полной грудью, Бартан испытывал странное возбуждение, словно он вновь стал мальчишкой с мечтательным взором, когда будущее кажется озаренным вот таким же золотистым сиянием. И радость эта подогревалась мыслью, что будущее не обмануло его, оправдало врожденный юношеский оптимизм.

Жизнь — хороша!

Позволив синерогу брести не спеша, Бартан вспоминал обстоятельства, сделавшие этот день особенным. От мэра Кэрродалла пришло известие, что все заявки Тринчила благополучно зарегистрированы в главном городе провинции. Фермеры счастливы были занять готовые дома и расчищенные земли, и в Бартане видели благодетеля. Через двадцать дней он женится на

Сондевире — дату назначил сам Джоп Тринчил. А сегодня вечером — праздник, поселенцы хотят отметить утверждение заявок, будет пир горой и танцы до глубокой ночи.

Вряд ли гулянка начнется в назначенный час, но обязательно разойдется, когда с окрестных наделов подтянется семейный народ. Бартан выехал из дому загодя, надеясь, что Сондевира поступит точно так же и у них будет несколько лишних часов. Они уже тринадцать дней не виделись, и Бартан истосковался по красоте ее лица, по нежности голоса, по головокружительным прикосновениям к ее телу. А может, она уже у Форатере? Едва подумав об этом, он подхлестнул синерога и вскоре достиг вершины небольшого холма, откуда глазам предстал широкий простор пасторальной безмятежности — картина, прекрасно подходящая его настроению. Ночной дождь оттенил синеву неба — тем яснее в нем виднелись несколько светлых завитков вдобавок к щедрому сиянию звезд. На горизонте проглядывали девственные луга, где ничто не шевелилось, кроме случайных отблесков от почти невидимых отсюда шаров птерты, кочующих по воле ветров. На полпути к ним, в бахроме вспаханных полей, расположилось поместье Форатере — несколько

белых и серых прямоугольничков. Ферма эта стояла в центре поселения, поэтому Харро и Эннда Форатере предложили устроить гулянку у них.

Насвистывая, Бартан скатил фургон с холма по подсохшим дорожным колеям. Подъехав к самому большому — жилому — дому Форатере, он увидел возле хлева несколько фургонов, но повозки Тринчилов, в которой всегда ездила Сондевира, среди них не было. Пока, видимо, собрались лишь те семьи, чьи женщины вызвались помочь с приготовлениями к пирушке.

Уже был сооружен длинный стол, и возле него, праздно беседуя, стояла небольшая группа гостей. Поблизости с криками и смехом играла разновозрастная стайка детей, и взрослые не обращали на них внимания. Остановив фургон около хлева, Бартан понял, что они чем-то встревожены.

— Здорово, Бартан. Чего-то ты рано. — От толпы отделился краснощекий парень с жесткой щеткой соломенных волос на голове.

— Здравствуй… Крэйн. — Бартан не без труда припомнил имя этого молодца — у Харро Форатере было много домочадцев, в том числе несколько племянников, схожих возрастом и обличьем. — Рано, говоришь? Может, мне уехать и вернуться попозже?

— Да нет, все в порядке. Тут, понимаешь, стряслось кое-что, и маленько нам подпортило обедню.

— Что-то серьезное?

Крэйн, похоже, пребывал в замешательстве.

— Ты… зайди в дом, ладно? Харро просил. Мы уж было собрались за тобой верхового посылать, ан глядь — твой фургон с холма катит. — Он повернулся и отошел, прежде чем Бартан успел задать хоть один вопрос.

С растущим интересом Бартан поднялся на крыльцо. Харро Форатере был типичным крестьянином, обремененным большим семейством, — хитроватый неразговорчивый мужик сорока лет. В отличие от других поселенцев он не проникся симпатией к Бартану и если уж попросил его зайти в дом, значит, и впрямь случилось что-то из ряда вон выходящее. Бартан постучал в дверь, обитую рейками, переступил порог и оказался в большой квадратной кухне. Там, у другой двери, что вела, должно быть, в спальню, стоял Харро. К щеке он прижимал тряпку, и его лицу недоставало густого румянца — родовой черты всех Форатере.

— Ага, Бартан, вот и ты, — сдержанно произнес он. — Хорошо, что так рано. Тут без тебя никак

не обойтись. Я, конечно, виноват, до сих пор не шибко жаловал тебя, но…

— Не бери в голову, — сказал Бартан, подходя ближе. — Так чем я могу помочь?

— Говори потише, ладно? — Харро прижал к губам указательный палец. — Помнишь, ты нам показывал чудные такие инструментики, ну, эти, для ремонта побрякушек. Они у тебя с собой?

Удивление Бартана сменилось растерянностью.

— Да, у меня всегда кое-что с собой… В фургоне.

— Можешь отпереть эту дверь? Даже если с той стороны в замке ключ?

Бартан осмотрел дверь — необычайно добротную для крестьянского дома, с замком вместо засова — свидетельством того, что прежний владелец был не из простолюдинов. Впрочем, сам замок был дешевым, очень примитивной конструкции.

— Дело нехитрое, — прошептал Бартан. — У тебя там жена, да? Она что, заболела?

— Да, там Эннда, только я боюсь, у нее с головой неладно. Вот почему я не выломал дверь. Стоит только до ручки дотронуться, как она — в крик.

Бартан вспомнил Эннду Форатере — красивую, хорошо сложенную женщину лет тридцати, луч-

ше воспитанную и более сдержанную на язык, чем жены остальных фермеров. Она славилась практичностью и редким чувством юмора, и уж от нее-то Бартан никак не ожидал душевного недомогания.

— С головой неладно? С чего ты взял?

— Это ночью началось. Просыпаюсь, гляжу — Эннда ко мне жмется… ну, ты понимаешь — в любовном смысле. Настойчиво так подбирается да еще постанывает, я, конечно, пошел навстречу. Да и выбирать-то не приходилось, ежели правду сказать. — Харро помолчал, вперив в Бартана жесткий взгляд. — Но это — между нами, ладно?

— Конечно. — Бартан давно заметил, что фермеры, хоть и сыплют напропалую сальными словечками, весьма неохотно рассказывают о своих интимных отношениях с женами.

Харро кивнул.

— Так вот, как дошли мы до этой, ну, как ее…

— Вершины блаженства, — подсказал Бартан.

— Ага… Эннда как цапнет зубами!

— Но… — Бартан замялся, удивляясь, сколь велика, оказывается, разница в любовных играх горожан и селян. — В порыве страсти… разве это редко бывает?

— Вот так вот? — Харро отнял тряпку от щеки,

и Бартан содрогнулся, увидев рану в форме открытого рта — почти замкнутый круг, зашитый внахлест черной ниткой и щедро припудренный толченым перечным цветом — излюбленным кровоостанавливающим снадобьем колкорронцев, — но все же кое-где сочилась кровь. Кожа вокруг укуса сильно потемнела, и было ясно, что шрам останется на всю жизнь.

— Извини, — промямлил Бартан. — Ничего не понимаю.

— А после как накинется! Как начнет вопить и дубасить меня кулаками по голове! Убирайся, кричит, из комнаты! Я так растерялся, что пулей оттуда вылетел, а когда спохватился, Эннда уже заперлась. И все время выкрикивала что-то вроде: «Не сон! Не сон!» А потом умолкла, и уже несколько часов — ни звука. Только если кто-то пытается отпереть дверь… Бартан, я за нее боюсь. Надо к ней попасть, а то как бы она чего с собой не сотворила. Как она кричала! Как…

— Жди здесь. — Бартан вышел из дома и, не реагируя на вопросительные взгляды гостей, быстро зашагал к своему фургону. Там он открыл ящик и вытащил сверток с ювелирными инструментами. Рядом появился Крэйн Форатере.

— Сможешь, — осведомился он, — с дверью

справиться?

— Надеюсь.

— Молодчина. Знаешь, Бартан, когда она развопилась, мы все побросали и — в дом. Глядим, а он — голый и в кровище. Напялили на него тряпье какое-то, рану заштопали, в кухне прибрали… Он ничего не рассказывает — стесняется, наверно. Думали, может, не стоит нынче гулянку устраивать, дела-то вон какие…

— Посмотрим, когда в спальню войдем, — сказал Бартан, торопясь назад. — Держись рядом. Понадобится помощь, я тебя кликну.

— Молодчина, Бартан! — пылко повторил Крэйн.

Харро сидел на корточках около двери в спальню. Бартан опустился рядом с ним на колени, хорошенько рассмотрел замок и удовлетворенно хмыкнул. Затем выбрал подходящий инструмент и поднял голову.

— Сейчас надо действовать быстро, чтобы она не успела ничего сообразить, — произнес он. — Когда открою, сразу вбегай, понял?

Харро кивнул.

Одним движением Бартан провернул ключ в замочной скважине и отпрянул. Харро кинулся на дверь плечом. Через дверной проем в свете из

разбитого окна Бартан увидел Эннду Форатере — она забилась в дальний угол, дико взлохмаченные черные волосы падали ей на лицо, в котором не осталось почти ничего человеческого. Зрачков не было видно, одни белки, а на подбородке запеклась кровь, и на груди, на ночной рубашке, тоже багровели потеки.

— Ты кто?! — визгливо крикнула она мужу. — Убирайся! Не подходи!

— Эннда! — Харро метнулся вперед и обхватил жену за плечи, не замечая града ударов. — Разве не узнаешь? Это же я! Я только помочь хочу! Только помочь! Эннда, пожалуйста!

— Ты — не Харро! Ты… — Она умолкла, прижав ладонь ко рту. — Харро? Харро?

— У тебя был кошмар, но все уже позади. Успокойся, милая. — Харро подвел жену к постели и заставил сесть, многозначительно косясь на Бартана и кивая на окно — мол, постереги.

Бартан подошел к окну, распахнул ставни, превратив полоску сияния в поток солнечного света. Эннда непонимающе оглядела комнату и повернулась к мужу.

— Лицо! Посмотри, что я сделала с твоим лицом! — Послышался всхлип, жалобнее которого Бартану не доводилось слышать, после чего Энн-

да опустила голову и, увидев кровавые пятна на тонком хлопке ночной рубашки, стала рвать ее с себя.

— Пойду воды принесу. — Бартан двинулся к выходу.

Крэйн переминался у порога, и Бартан махнул ему рукой, чтобы пока не входил. Затем окинул взглядом кухню и обнаружил на буфете кувшин из зеленого стекла и таз. Как можно неторопливее налил в таз воды, взял мочалку, мыло и полотенце и постучался в спальню. Там уже лежала на полу ночная рубашка, а ее хозяйка куталась в простыню, сдернутую с кровати.

— Все в порядке, дружище, — сказал Харро. — Входи.

Бартан вошел в комнату и держал таз, пока Харро смывал кровь с лица жены. По мере исчезновения безобразного струпа Харро заметно веселел, и Бартан подумал, что уход за страждущими в равной степени полезен и ухаживающему. У него тоже полегчало на душе, хоть и было совестно за свой эгоизм — как-никак особенный, долгожданный праздник едва не сорвался. Эннде Форатере приснился очень плохой сон с довольно тяжелыми последствиями, но жизнь возвращается в свою привычную колею,

и вскоре Бартан будет отплясывать с Сондевирой — живот к животу, бедра к бедрам.

— Вот так-то лучше, — сказал Харро, вытирая полотенцем лицо жены. — Всего-то навсего кошмар приснился… Скоро все позабудешь и…

— Это не кошмар. — Голос Эннды звучал надломленно, плачуще, что слегка ослабило оптимизм Бартана. — Все было на самом деле.

— Да что ты несешь! — возразил трезвомыслящий Харро.

— А как же твое лицо? — Эннда принялась ритмично раскачиваться вперед-назад. — На сон это было не похоже. Как наяву. И мне казалось, так будет всегда… Всегда-всегда…

Харро решил пошутить:

— Разве это могло быть хуже, чем мои сны после твоей стряпни — особенно пирогов на нутряном сале?

— Я ела твое лицо. — Эннда спокойно — и оттого жутко — улыбнулась мужу. — Харро, я не просто укусила тебя за щеку. Я съела все твое лицо. За несколько часов… Я отхватывала тебе губы и пережевывала их. Оттягивала зубами ноздри и тоже пережевывала. Прокусывала глаза и высасывала жидкость. Когда я закончила, у тебя не осталось лица. Ничего не осталось, даже

ушей… Только красный череп с клочком волос на макушке. Вот что я с тобой сделала сегодня ночью, мой любимый. Так что не рассказывай мне про кошмары.

— Все уже позади, — произнес Харро с тревогой в голосе.

— Ты так думаешь? — Эннда закачалась энергичнее, точно под воздействием невидимого двигателя, который вдруг прибавил обороты. — Но ведь это еще не все. Я тебе не рассказала про черный подземный ход… Про кишащих во мгле гадов… которые льнули ко мне плоскими чешуйчатыми телами…

— Я, пожалуй, лучше пойду. — С тазом в руках Бартан повернулся к двери.

— Э, нет, парень, не уходи. — Харро поспешно вскинул руку. — В компании ей легче.

— У них много ног… и у меня… у меня было много ног… и туловище… и щупальца… Они росли прямо из горла. — Эннда перестала раскачиваться, подперла щеку плечом, вытянула руку перед собой и начала ею плавно покачивать. Она явно кому-то подражала, и этот «кто-то» жил в глубинах сознания Бартана, порождая безотчетный страх.

— Ну, я только таз вынесу. — Он сам себе казался

предателем: знал, что ни секунды не задержится в доме, и пускай эта злосчастная парочка улаживает свои проблемы без него. А он тут вообще случайный человек, и чужие дела его совершенно не касаются. Бартан увернулся от руки Харро, торопливо вышел на кухню и поставил таз с хлюпающей в нем мочалкой на каминную полку. Он уже повернулся и двинулся к выходу, но тут хозяйка дома, не заметив, что с ее нагого тела соскользнула простыня, поднялась на ноги и пустилась в диковинный танец, раскачивая и дергая перед собою рукой.

— Начиналось это странно, — шептала она. — Правда очень странно. И негоже говорить «начиналось», ведь я возвращалась в дом… в обыкновенный крестьянский дом… белый, с зеленой дверью… Но входить было страшно… и все-таки пришлось… Когда отворила дверь, за ней не было ничего… только какие-то тряпки на стенной вешалке… Старая шляпа, старая накидка, старый фартук… Я понимала: надо сейчас же бежать, иначе быть беде, но что-то заставило войти…

Похолодев, Бартан замер в дверях спальни. Эннда глядела прямо на него. Сквозь него.

— Знаешь, а ведь я ошиблась. Не было там ста-

рой одежды. Это был один из них… Он тянул ко мне щупальце… Так медленно…

Харро шагнул к жене и схватил ее за плечи.

— Прекрати! Эннда! Прекрати!

— Но ты же не понимаешь. — Она улыбнулась, обвивая рукой шею мужа. Простыня снова упала на пол. — Дорогой, на меня не нападали… Это было приглашение… приглашение к любви… И мне ее хотелось… Я вошла в дом и обнялась с ужасом… и была счастлива, когда в меня вошел его сизый член… — Эннда рывком прижалась к Харро, ее голые груди набухали и сокращались.

Кинув на Бартана умоляющий взгляд, дородный Харро мигом повалил жену на кровать, а Бартан шагнул в комнату, захлопнул за собой дверь и, бросившись к семейной чете, схватил Эннду за ноги. Зубы ее щелкали, кусая воздух, бедра двигались вверх-вниз, но движения эти уже ослабевали. Устало смежились веки, расслабились мускулы. К ней вернулся покой.

Захватив инициативу, Бартан накрыл женщину простыней, а мысли его между тем были далеко, блуждая в незнакомом континууме сомнений и головоломок. Возможны ли такие совпадения, когда двум людям в разных местах снится одно и то же? Наверно, если обоим очень

близко знаком предмет сновидения, но это же не тот случай… «И прежде всего, со мною это было не во сне!» У Бартана проступила на лбу холодная испарина, едва он вспомнил, как входил в тот дом через зеленую дверь… Но его чудовище в реальности оказалось иллюзорным, а в иллюзии Эннды оно было реальным.

«В нашей вселенной так не бывает, — сказал себе Бартан. — Что-то неладно с нашей вселенной».

— Кажись, ей полегче. — Харро гладил супругу по лбу. — Еще поспит нормально часок-другой, и совсем отпустит. Вообще-то я знаю, что ей нужно.

Бартан встал, силясь привязать мысли к действительности.

— Ну а как праздник? Может, нам разъехаться?

— Нет, я хочу, чтобы все остались. Будет лучше, ежели Эннда проснется среди друзей. — Харро встал на ноги и поглядел Бартану в глаза. — Ни к чему об этом распространяться, верно, дружище? Не хочу, чтобы ее считали помешанной, особенно Джоп.

— Я ничего не скажу.

— Спасибо тебе. — Харро подался вперед, чтобы

пожать Бартану руку. — Джопу не по нутру вся эта болтовня про ночные кошмары. Он говорит, тому, кто трудится не покладая рук, ничего по ночам не снится.

Бартан заставил себя улыбнуться.

— А что, еще кому-то снятся дурные сны?

Не об этом ли предупреждал мэр Кэрродалл? Может быть, это лишь начало ужаса, который сгонит с земли новых поселенцев, как уже случилось с их предшественниками?

— Сам-то я, когда кладу голову на подушку, — уныло произнес он, отбрасывая воспоминания о сегодняшнем мучительном кошмаре, — точно помираю до зари. Хоть бы что-нибудь приснилось.

— Еще бы, ты же за целый надел взялся в одиночку. Нелегкая работенка, особенно с непривычки.

— Мне соседи помогают. — Бартан говорил, что на ум взбредет, стараясь свыкнуться с новой картиной мира. — А когда женюсь…

— Надо бы мне перевязать боевую рану, — перебил Харро, бережно ощупывая щеку. — Ты выйди, скажи, что мне невдомек, почему это все стоят сложа руки, вместо того чтобы готовиться к празднику. Передай, что нынешний день всем должен запомниться.

Вскоре пришла весть, что Джоп Тринчил и его семейство появятся не раньше середины дня, поэтому Бартан мыкался, предлагая где только можно свои услуги. Это воспринималось с добродушием, но вскоре женщины дали понять, что он больше путается под ногами, чем помогает. Он и правда был рассеян; все валилось из рук. В конце концов Бартан отошел к скамье перед фруктовым садиком, где несколько фермеров млели на солнышке, распивая кувшин зеленого вина.

— Вот и правильно, парень. — Корад Ферчер с дружелюбной улыбкой вручил Бартану полную чашку. — Оставь баб в покое, они сами распрекрасно управятся. — Ферчер был средних лет, и его желтоватые волосы выдавали близкое родство с Форатере.

— Спасибо. — Бартан отхлебнул сладкой жидкости. — Столько суеты, ну я и подумал: без меня пока обойдутся.

— Вон из-за чего вся суматоха. — Фермер махнул рукой в сторону ярко-синего небосвода. — На старой планете с наступлением малой ночи в самый раз бывало начинать гулянку, а тут солнце все жарит и жарит, никак не приноровиться. Неправильно это, чтоб ты знал, жить на отшибе. Я — верноподданный, как и любой другой, да

только думается мне, наш король зря задумал расселить нас по всему шару. Ты глянь-ка, глянь на небо! Пустота! Так и мерещится, будто за тобой следят.

Его соседи по скамье дружно закивали и затеяли спор о неудобствах жизни на этом полушарии Верхнего Мира, с которого никогда не увидишь планету-сестру. Некоторые их гипотезы о воздействии непрерывного дня на рост сельскохозяйственных культур и повадки животных показались Бартану довольно сомнительными. Он поймал себя на том, что остро истосковался по обществу Сондевиры; временами в голову лезли мысли об Эннде Форатере и ее ужасном сне наяву. Он был вынужден исключить совпадение, однако, быть может, ключ к тайне лежал в самой природе снов. Неужели есть зерно истины в слухах о том, что в часы сна разум отделяется от тела? Если это так, то две души способны ненароком повстречаться во время своих ночных блужданий и повлиять на сны друг друга.

Бартану не хотелось расставаться с картиной идеального будущего, и новая схема мироздания, казалось, сулила выход. Когда крепкое вино ударило в голову, в мозгу забрезжило малоприятное, но полное и четкое объяснение некоторых

сложностей и тонкостей природы. Возвращению бодрости духа поспособствовала и вышедшая во двор Эннда, желающая принять участие в донельзя затянувшихся приготовлениях к вечеринке. Поначалу она выглядела несколько заторможенной, но вскоре уже смеялась вместе с подругами, давая понять Бартану, что черный юмор минувшей ночи предан забвению, а впереди — радостный день.

К тому моменту, когда вдали показался фургон Джопа Тринчила, непривычный к вину Бартан обрел веселую пустоту в голове, и воодушевление, которое он уже познал этим утром, вернулось к нему. Первым импульсом было пойти прямиком навстречу Сондевире, но тут возник игривый замысел удивить ее внезапным появлением. Он направился туда, где стояли фургоны, притаился между двумя высокими повозками и стал ждать, когда неподалеку остановится вновь прибывший экипаж. Оттуда высыпало больше дюжины Тринчилов, наполнив двор жизнерадостным гамом; дети состязались со взрослыми, окликая знакомых и друзей. Внушительный вес не помешал Джопу Тринчилу первым оказаться на земле. Настроен он был, по всей видимости, на знатную гульбу и тотчас рванул к праздничным

столам, предоставив своим женщинам вытаскивать из фургона детей и корзинки со съестным. Бартан сомлел, увидев на Сондевире ее самое лучшее платье светло-зеленого цвета с оливковым филигранным рисунком — наряд идеально гармонировал с цветом ее кожи и волос и лишний раз утвердил Бартана во мнении, что перед ней все остальные женщины общины — серые замухрышки. Из фургона Сондевира спускалась последней. Когда она с томной грацией поднялась на ноги, у Бартана чаще забилось сердце, и он едва не бросился к ней, но тут заметил возле кибитки одного из сыновей Джопа, семнадцатилетнего молодца с преждевременно развитой мускулатурой, — он приглашающе тянул к Сондевире руки. Она улыбнулась и свесила ноги за борт, позволив огромным ручищам обхватить ее за талию. Парень легко поднял ее и осторожно поставил на землю, но отпускать не спешил. Они так и простояли несколько секунд, прижимаясь телами и глядя друг другу в глаза, и в поведении Сондевиры не было и намека на неудовольствие. Затем она слегка качнула головой, и Глэйв тотчас убрал руки, сказал что-то, чего Бартану не удалось расслышать, и побежал вслед за остальной родней.

Бартан, осерчав, покинул свое укрытие и подошел к Сондевире.

— Милости просим на вечеринку.

Вопреки его ожиданиям она нисколько не смутилась, сообразив, что за ней следили.

— Бартан! — С лучезарной улыбкой Сондевира подбежала к нему, обняла за талию и прижалась губами к его щеке. — Я тебя целый век не видела!

— Да неужели? — буркнул он, не отвечая на объятия. — Разве ты не нашла приятный способ убить время?

— Ну что ты?! — Ощутив напряженность в его теле, она шагнула назад и изумленно посмотрела на него. — Бартан, да что с тобой?

— Я тебя видел с Глэйвом.

У Сондевиры дрогнул подбородок, затем она расхохоталась.

— Бартан! Да ведь Глэйв — всего-навсего мальчишка! И к тому же мой родственник.

— Настоящее родство? По крови?

— У меня с ним ничего нет. И вовсе не за что меня ревновать. — Она подняла левую руку и показала бракковое кольцо на шестом пальце. — Любимый, я его никогда не снимаю.

— Это не доказательство… — Бартан не смог

договорить — перехватило горло.

— Почему мы ведем себя, как чужие? — Сондевира устремила на него нежный, но твердый взгляд, после чего снова обняла — на этот раз за шею — и привлекла к себе.

Бартан еще ни разу не ложился с ней в постель, но, прежде чем закончился поцелуй, ему отчетливо представилось, как это будет выглядеть, и мысли о соперничестве — да и обо всем остальном — разом вылетели из головы. Он отвечал ей с ненасытной страстью, пока она не оторвалась от него.

— Работа в поле сделала тебя силачом, — прошептала она. — Вижу, мне надо быть осторожной и завести побольше подруг.

Бартан повеселел и был польщен.

— А детей завести ты разве не хочешь?

— Хочу, и много, но не сразу. Сначала надо хорошенько потрудиться.

— Сегодня — праздник, и давай забудем о работе. — Бартан взял Сондевиру за руки и потянул прочь со двора, в солнечный покой беспределья, где блестели и сужались, уходя в даль, полосы спелых и неспелых злаков. Добрый час прошагали они бок о бок, наслаждаясь близостью друг друга, любовно болтая о пустяках и считая метеориты,

которые иногда прочерчивали в небе серебряные штрихи. Бартан рад был гулять с Сондевирой хоть ночь напролет, но рыцарски уступил, когда она решила возвратиться к началу танцев.

К тому времени, когда они подошли к дому Форатере, Бартана разобрала жажда. Рассудив, что от вина лучше воздержаться, он в поисках напитка послабее набрел на компанию возле бочонка с пивом. Пропустив мимо ушей сальные шуточки насчет их с Сондевирой отсутствия, он выбрался из толпы с увесистым кувшином в руке. Под навесом снова заиграло трио скрипачей, и несколько молодых женщин, в том числе и Сондевира, переплели руки и начали первый танец.

В блаженной отрешенности Бартан прихлебывал пиво и смотрел, как растет толпа танцоров, как фермеры один за другим забывают всю свою степенность и пускаются в пляс. Он осушил кувшин, поставил его на ближайший стол и шагнул к Сондевире… и тут его взгляд упал на стайку малышей, играющих на траве возле огорода. Им было по три-четыре года, и они, образовав круг, танцевали на свой манер — бесшумно, медленнее, чем взрослые. Их подбородки уткнулись во вздернутые правые плечи, а правые руки тянулись вперед, плавно извиваясь и покачиваясь,

как змеи.

В танце не было ничего человеческого, он вызывал омерзение и в точности совпадал с движениями Эннды Форатере, когда она описывала свои ночные ужасы.

Бартан отвернулся и нахмурил лоб. Неожиданно он почувствовал себя одиноким, и невинное веселье испарилось без следа.

Часть II
СТУДЕНАЯ АРЕНА

Глава 6

Приближаясь к парадному входу дворца, Джесалла Маракайн вела разговор только о домашних пустяках. Толлера это смущало и раздражало — уж лучше бы она вооружилась зловещим молчанием.

За двенадцать дней, что промелькнули после «визита» небесного корабля, он ни разу не был дома и потому обрадовался, когда Джесалла приехала сама, чтобы провести с ним ночь. Но напрасно он рассчитывал на привычные радости семейной жизни: супруга держалась с загадочной прохладцей, а когда узнала, что он добился разрешения улететь с первой небесной крепостью, стала язвительной.

Позже, в постели, она отвечала на его ласки с покорством статуи — наверно, резкий отпор не был бы для него столь мучителен. В конце концов он выбросил из головы мысли об интимной близости, но долго не мог сомкнуть глаз, лежа в полном изнеможении души и тела. А к утру провалился в бездну, и было это не просто падение, а долгий, в целый день, полет из зоны невесомости…

— Тебя ждет Кассилл, — отрывисто произнес Толлер. — Хорошо, что домой ты поедешь не одна.

Джесалла кивнула.

— Не просто хорошо, а очень хорошо. А то тебе неровен час взбрело бы в голову и его забрать в небо.

— Что за глупости? Мальчик не увлекается полетами.

— Он и ружьями не увлекался, пока ты его не заставил мастерить эти проклятые мушкеты. Теперь я вижусь с ним едва ли чаще, чем с тобой.

— А, так ты из-за этого? — Толлер остановил ее в многолюдном коридоре с высоким потолком и дождался, когда группа чиновников отойдет на солидное расстояние. — Что же ты ночью не сказала?

— Разве это бы изменило твои планы?

— Нет.

Джесалла поморщилась.

— Тогда что толку было говорить?

— А что толку вообще приезжать во дворец? Чтобы причинить мне боль?

— Боль? Ты сказал — боль? — Джесалла недоверчиво рассмеялась. — До меня дошли слухи о твоей безумной выходке, о дуэли с этой бестией

Каркарандом или как там его…

Толлер растерянно заморгал — он не ожидал, что жена сменит тему.

— У меня не было другого выхода…

— А теперь тебя за каким демоном тянет в небо? Знаешь, Толлер, каково женщине, чей муж скорее готов погибнуть, чем с нею жить?

Толлер искал подходящий ответ, делая вид, будто ему мешают говорить двое чиновников с конторскими книгами, подошедшие слишком близко. Чиновники с нескрываемым интересом глядели на них. Возникла одна из тех ситуаций, когда жене удавалось вызвать у Толлера почти сверхъестественный страх. На красивом бледном овале ее лица застыло хмурое выражение, в серых глазах светился ум, с которым Толлер вряд ли мог тягаться. Толлер не помнил случая, когда бы он ухитрился ее переспорить, особенно если речь шла о чем-нибудь важном.

— Понимаю, у меня пока мало доказательств, но времена наступают тяжелые, — медленно проговорил он. — Я делаю лишь то, что должен, и особой радости от этого не испытываю… — Видя, что Джесалла недоверчиво качает головой, он не закончил фразу.

— Не лги мне, Толлер. И себе не лги. Ты же про-

сто счастлив.

— Чепуха.

— Ответь мне на один-единственный вопрос. Ты часто вспоминаешь Леддравора?

Толлер снова был сбит с толку. Он вызвал в памяти, а затем изгнал из нее облик военного принца, с которым сошелся в смертельном поединке, когда их корабли совершили посадку на Верхнем Мире. Если бы не Леддравор, жизнь Толлера сложилась бы совершенно иначе.

— Леддравора? А почему я должен его вспоминать?

Джесалла улыбнулась той приторной улыбкой, которая часто предшествовала ее самым коварным и жестоким ударам.

— Потому что ты — из того же теста. — Она отвернулась и быстро зашагала по коридору, лавируя в толпе с грациозной легкостью, которой Толлер мог только завидовать.

«Никто не вправе говорить мне такие слова», — с тревогой подумал он, бросаясь вдогонку, но успел поравняться с женой лишь на переднем дворе, в ослепительном сиянии солнца. Кассилл уже вывел синерогов из стойла.

Сын Маракайнов ростом пошел в отца, но материнские черты бросались в глаза. Он был

долговяз и мускулист и мог, как довелось узнать Толлеру, без передышек и видимой усталости бежать по два-три часа. От матери ему достались изящно очерченный овал лица и задумчивые серые глаза под пышной черной шевелюрой.

— Добрый утренний день, мама, — сказал он, и тотчас все его внимание переключилось на Толлера. — Я привез образцы новых зарядных шариков. На испытаниях ни один ствол не подвел, все остались целы и невредимы, так что можем хоть сейчас делать надежные мушкеты. Хочешь посмотреть? Они в седельной сумке.

Толлер поймал холодный пристальный взгляд Джесаллы.

— После, сынок. Не сегодня. Поручаю это вам с Роблем. Подумайте насчет промышленного изготовления. А у меня сейчас другие дела.

— Ах, ну да! — Кассилл поднял брови и посмотрел на отца, не скрывая обожания. — Так это правда? Ты летишь на первой крепости?

— Приходится. — Толлер вздохнул — ему бы хотелось, чтобы сын отреагировал как-нибудь иначе. Но что поделаешь, если почти вся твоя жизнь прошла в разъездах по поручениям короля, и мальчик вырос, можно сказать, без отца. Толлер часто корил себя за это, но корил молча.

Сын видел в нем знаменитого искателя приключений и считал, что таким отцом можно только гордиться. Даже после того, как мальчик всерьез увлекся новой наукой, металлургией, между Толлером и Джесаллой не возникло соперничества за сыновнюю душу, но теперь взаимоотношения сторон в треугольнике изменились, и далеко не самым простым образом. И вдобавок именно тогда, когда Толлер был по горло в делах. Первые две небесные крепости построили в считанные дни; за такой срок невозможно предусмотреть весь риск намеченного старта, а тот уже заполнил все мысли Толлера, и оттого остальное казалось ему слегка нереальным. Душой он уже несся ввысь, в опасные синие просторы, и досадовал, когда дела земные прерывали его полет.

— Я еще сегодня успею поговорить с Роблем, — сказал Кассилл. — Тебя долго не будет?

— В первый раз — дней семь, наверно. Многое зависит от того, насколько гладко пройдут испытания.

— Желаю удачи, папа. — Кассилл пожал Толлеру руку, затем придержал на поводу синерога матери. Она взлетела в седло, как заправская наездница, даже юбка на ней была с разрезом, чтобы не стеснять движений.

— А ты не хочешь пожелать мне удачи?

Джесалла смотрела на Толлера сверху, и гнев на ее лице уживался с печалью. В прическе точно кокарда поблескивала серебряная прядь.

— С какой стати? Разве ты не уверял, что полет будет совершенно безопасен?

— Да, но при чем тут это?

— До свидания, Толлер. — Джесалла развернула синерога и поехала к воротам. Кассилл недоуменно посмотрел ей вслед.

— Папа, что-нибудь не так?

— Ничего такого, чего мы не сможем исправить, сынок. Хорошенько заботься о матери.

Кассилл вскочил в седло и двинулся следом за Джесаллой. Толлер проводил их взглядом и, как слепой, побрел обратно во дворец, навстречу людскому потоку. Он не прошел и десятка ярдов, когда услышал за спиной торопливые женские шаги. Ему тут же взбрела в голову сущая нелепица: это Джесалла решила вернуться, чтобы помириться прямо сейчас. Он повернулся на каблуках, и радость мигом сменилась разочарованием: к нему спешила невысокая брюнетка лет двадцати пяти, в шафрановом мундире небесного капитана, на плечах — синие полоски, эмблема наспех сформированной Небесной Службы. Лицо

— приметное, с волевым подбородком, пухлыми тубами и густыми не по моде бровями, которые как будто собирались нахмуриться.

— Лорд Толлер, — выпалила она, — можно с вами поговорить? Я — небесный капитан Бериза Нэрриндер. Мне уже несколько дней не удается с вами встретиться.

— Простите, капитан, — сказал Толлер. — Вы выбрали самое неподходящее время.

— Милорд, это отнимет всего минуту. А дело весьма серьезное.

Толлер пристально взглянул на женщину, которую не смутил его отказ. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что она довольно привлекательна, вот только мундир на ней выглядит дико. Тотчас он спохватился и рассердился на себя, а еще — на королеву Дасину, у которой вошло в привычку лезть в дела мужа. Это по ее настоянию в Небесную Службу стали зачислять женщин, а еще она убедила короля, чтобы добровольцев женского пола набирали в экипажи боевых небесных кораблей и крепостей.

— Хорошо, капитан. В чем суть этого весьма серьезного дела?

— Мне сказали, что вы лично запретили участие женщин в первых двенадцати подъемах.

Это правда?

— Да, правда. И что с того?

Брови небесного капитана свелись в непрерывную линию над суровыми зелеными глазами.

— Милорд, при всем моем уважении к вам я вынуждена напомнить о праве на протест, которое мне гарантировано служебным контрактом.

— В военное время контракты недействительны. — Толлер, не моргая, глядел на нее сверху вниз. — Ладно, оставим эту тему. По поводу чего вы хотите протестовать?

— Я добровольно вызвалась лететь и получила отказ. Всего лишь по той причине, что я — женщина.

— Ошибаетесь, капитан. Если бы вы, женщина, имели опыт пилотирования в зоне невесомости, владели бы инверсионным маневром, вас бы приняли или по крайней мере зачислили в резерв. Будь вы, женщина, хорошим стрелком или обладай вы физической силой, чтобы передвигать секции крепостей, вас бы приняли или зачислили в резерв. Причина отказа в вашем случае — недостаточная квалификация. А теперь не лучше ли будет, если мы оба займемся выполнением служебных обязанностей?

Толлер резко повернулся и двинулся прочь,

но тут неподдельное огорчение на лице Беризы проникло-таки в его душу. Сколько раз в молодости он вот так же злился и горевал, натыкаясь на бюрократические препоны? И все-таки женщина на переднем крае… Ему это совершенно не по нутру, но жизнь в браке с Джесаллой кое-чему его научила. Например, тому, что смелость — не исключительно мужское достоинство.

— Капитан, — произнес он, укорачивая шаг, — прежде чем мы простимся, ответьте, почему вам именно сейчас понадобилось в зону невесомости?

— Другой возможности уже не появится, милорд, а ведь у меня те же права, что и у любого мужчины.

— И давно вы водите небесные корабли?

— Три года, милорд. — Нэрриндер отвечала строго по уставной форме, но суровая нотка в голосе и сгустившийся румянец ясно говорили о том, что она злится. И Толлеру это нравилось. Он ощущал духовное родство с теми, кто не умел скрывать свои чувства.

— Мои указания насчет полетов для сборки останутся неизменными. — Толлер решил показать ей, что с годами он не растерял гуманности и симпатии к честолюбию молодости. — Но когда

поставим крепости, понадобится много рейсов для их снабжения, да и команды будут меняться на регулярной основе. Если вы ненадолго сумеете обуздать свое рвение, то вам представится возможность показать, чего вы стоите в срединной синеве.

— Милорд, вы очень добры. — Бериза поклонилась ниже, чем требовалось, и на ее лице показалась не то благодарная улыбка, не то усмешка.

«Неужели я изъясняюсь слишком высокопарно? — подумал он, глядя ей вслед. — Она что, смеется надо мной?»

Толлер с минуту размышлял над этим, а затем раздраженно щелкнул языком — что это он в самом деле, проблема-то пустяковая, разве мало у него настоящих забот?

Плацу за дворцом досталась роль летного поля — во-первых, он был укрыт со всех сторон, а во-вторых, это упрощало для короля Чаккела надзор за каждым нюансом сооружения небесных крепостей.

Они представляли собой деревянные цилиндры. Длина — двенадцать ярдов, диаметр поперечного сечения — четыре. Крепость взятого на вооружение образца состояла из трех

секций — огромных барабанов; такие барабаны — части двух прототипов небесной цитадели — лежали на западном краю плаца, и гигантские шары, которым надлежало поднять секции в зону невесомости, уже принайтованные, ждали на спекшейся глине. Наземные бригады держали нижние отверстия шаров открытыми, и вентиляторы с ручным приводом нагнетали в них разогретый воздух. Такая технология, придуманная еще для Переселения, уменьшала риск повреждения льняного бодрюша газовыми горелками.

— И все-таки я считаю, что в небе тебе пока делать нечего, — сказал Завотл, когда они с Толлером пересекали плац. — Это форменное безумие. Одумайся! Даже сейчас еще не поздно назначить заместителя.

Толлер отрицательно качнул головой и положил руку ему на плечо.

— Спасибо, Илвен, приятно, когда о тебе заботятся. Но ты же понимаешь, тут я ничего не могу поделать. Матросы робеют, и от них вообще не будет толку, если они подумают, что мне тоже страшно.

— А разве не страшно?

— Мы с тобой уже побывали в зоне невесомости

и знаем, что там к чему.

— Обстоятельства тогда были другие, — мрачно произнес Завотл. — Особенно во второй раз.

Толлер успокаивающе похлопал его по плечу.

— Твоя техника не подведет. Ставлю на это свою жизнь.

— Избавь меня, пожалуйста, от таких шуток.

Завотл, не сбавляя шага, свернул к группе своих подчиненных — техников, томящихся в ожидании старта. Едва началась постройка крепостей, Завотл доказал, что ему поистине нет цены, в чем очень скоро убедился и Чаккел, назначив его главным инженером. Толлеру это было только на руку — он освободился от многих забот и добился участия в первом полете. Сам же Завотл день ото дня все больше мрачнел, считая, что из-за него старый друг подвергнется неведомым опасностям.

Толлер устремил взор в небо, на огромный диск Мира, крадущийся к зениту, и снова на задворках сознания шевельнулась мысль, что ведь там, между двумя мирами, можно и сгинуть без следа. Он прислушался к своим чувствам: настоящего страха нет, зато налицо решимость избежать смерти и успешно выполнить задачу. Отчего же он не в силах позавидовать Толлеру Маракайну,

творцу истории? Отчего гнетет душу мечта о судьбе простого обывателя, о спокойной жизни с Джесаллой? Неужели он и вправду фанатик войны, как давно почивший принц Леддравор? Не этим ли проще всего объяснить неуемное беспокойство, мучившее его последние годы?

Эти мысли только портили настроение, и Толлер выбросил их из головы. Весь день вокруг шести крепостных секций кипела работа: загружались и крепились припасы и снаряжение, устранялись последние неполадки в двигателях. Но сейчас люди уже разошлись, остались только бригады наземного обслуживания, и экипажи стояли возле своих необычных на вид кораблей. Заметив Толлера, некоторые из матросов и офицеров обменялись многозначительными взглядами — они знали, что в любую минуту могут получить сигнал к взлету, что им предстоит подъем на две с половиной тысячи миль. Среди них были взрослые мужчины, набравшиеся летного опыта еще во времена Переселения, что и послужило критерием отбора. Были и молодые парни с отличными физическими данными — их явно тревожили раздумья о ближайшем будущем. Сочувствуя им, Толлер старался выглядеть весело и беспечно, приближаясь к шеренге раз-

меренно покачивающихся шаров.

— Все параметры ветра — как по заказу, так что не буду вас задерживать, — сообщил он, перекрывая голосом щелканье и урчание вентиляторов. — Я хочу сказать только одно. Вы уже слышали это много раз, но хуже не будет, если я повторю, ибо это очень важно. Вы должны быть всегда привязанными к кораблю и носить парашюты. Вот самые важные правила. Не забывайте их, и тогда в небе будет не опаснее, чем на земле. А теперь давайте приступим к выполнению миссии, которую возложил на нас Его Величество.

Заключительная фраза подействовала не так вдохновляюще, как ему бы хотелось, но в контексте самой необыкновенной войны за всю историю человеческой расы традиционная речь колкорронского вельможи звучала бы неуместно. В былые времена война так или иначе затрагивала всех, хотя бы страхом за родных и близких, — но сейчас основное население Верхнего Мира не ощущало никакой угрозы. Нереальная война, соперничество двух правителей — и лишь несколько гладиаторов брошены на арену. Точно кости жребия. Прыгающие кости. И все зависит от их мужества и выносливости да еще от живучести политической идеи. Как можно оправдывать

и прославлять такое перед горсткой несчастных, которые нанимались на королевскую службу ради хорошего жалованья и спокойной жизни?

Толлер прошел к флагманскому кораблю и жестом велел пяти остальным пилотам следовать его примеру. Лететь он предпочел в средней секции крепости — по части воздухонепроницаемости она уступала двум торцевым, и ее экипаж нуждался в моральной поддержке. Чуть ниже верхнего края находилась временная палуба с наблюдательными постами и шкафами для различных припасов. В центре секции была установлена горелка времен Переселения, двадцать лет с лишним пролежавшая на складе. Ее главной деталью был цельный ствол браккового деревца; луковицеобразный комель служил резервуаром пикона, который под давлением воздуха поступал через клапан в камеру сгорания. На другом конце ствола аналогичный механизм регулировал подачу халвелла, и оба клапана перекрывались одним рычагом. Клапан для халвелла был чуть пошире — преобладание этого вещества в камере сгорания увеличивало продолжительность газового выброса.

Так как секция «лежала на боку», палубы стояли вертикально, и Толлеру пришлось откинуться

на спинку кресла, чтобы взяться за рычаги горелки. Меч, который он даже не подумал снять, мешал чрезвычайно. Толлер подкачал воздуха в резервуар, затем дал сигнал старшему механику, что готов зажигать. Обслуга вентилятора остановила и отодвинула в сторону свою громоздкую машину с широким раструбом, и Толлер повернул рычаг кристаллоподачи. Примерно секунду длились шипение и рев — это соединялись горючие кристаллы, и струя раскаленного маглайна била в отверстую пасть шара. Удовлетворенный работой горелки, Толлер дал еще несколько струй покороче, чтобы не повредить лакированную ткань; огромный пузырь стал раздуваться и вскоре оторвался от земли. Обслуга подняла его еще выше с помощью четырех ускорительных стоек — главной особенности небесного корабля; на судах для обычных атмосферных полетов такие детали отсутствовали. Наполненный на три четверти шар оседал между стойками; лакированный лен ритмично вздувался и подрагивал, точно легкое великана.

Пока шар медленно «вставал», его обслуга перебралась на палубу и закрепила тросы, что тянулись от макушки шара, на палубных кнехтах; другие матросы осторожно ставили секцию

вертикально. Как только они это сделали, уже ничто не удерживало корабль, кроме нескольких мужчин, сжимавших в руках швартовы. Остальные воздухоплаватели взобрались по скобам на палубу и заняли свои места.

Толлер удовлетворенно кивнул, поглядев на шеренгу кораблей и увидев, что ни один экипаж не замешкался. Одновременный взлет группы кораблей противоречил уставу, но Завотл доказывал, что очень многое будет зависеть от подъема тесным строем по точно рассчитанному курсу. Это позволит людям быстрее освоить технику и вскрыть неизвестные пока проблемы. На пробные подъемы нет времени, и летчикам придется учиться новому ремеслу у самого сурового наставника, никогда не прощающего ошибок.

Убедившись, что остальные пять капитанов готовы к взлету, Толлер помахал им рукой и выпустил большую порцию маглайна. Корабль оторвался от земли; шар усиливал рев топки словно огромный рупор. Едва горелка умолкла, руководитель старта дал команду, и швартовы упали на плац. Корабль пошел вверх, прямо в зенит, ибо стоял полный штиль и ничто не мешало ему двигаться точно вертикальным курсом. Толлер встал и посмотрел за борт на постепенно

уменьшающийся плац. В одном из маленьких силуэтов он узнал Илвена Завотла и помахал ему. Завотл не ответил, но Толлер знал, что главный инженер видит его и страстно мечтает поменяться с ним местами.

— Сэр, прикажете закрепить стойки? — обратился к Толлеру такелажник Типп Готлон, долговязый и щербатый, совсем еще мальчишка, но один из немногочисленных добровольцев.

Толлер кивнул, и Готлон двинулся вдоль борта, чтобы притянуть за канаты к борту и закрепить свободные концы ускорительных стоек. Кривоногий механик Миллят Эсседелл, прослуживший на небесных кораблях несколько лет, судя по всему, знал свое дело. На этой стадии полета от него ничего не требовалось, но он, склонясь над своим сундуком, деловито сортировал и проверял инструменты. Команда средней секции состояла из трех человек; торцевую же обслуживали пять летчиков, так как она несла добавочный вес — оружие, которое могло понадобиться крепости для отражения вражеской атаки.

Убедившись, что на спутников можно положиться, Толлер сосредоточился на расчете нормы подачи горючего для подъема со скоростью примерно двадцать четыре мили в час. В конце

концов он выбрал ритм, знакомый еще с первого межпланетного перелета: четыре секунды — подача, двадцать секунд — пауза. Следующие десять минут остальные пилоты приноравливались к тому, чтобы вести свои корабли точно вровень с флагманом. Зрелище было поистине впечатляющим: такие огромные корабли и так близко — в чистом сиянии солнца видна каждая деталь, тогда как планета, покинутая ими, тонет в сумрачной синей дали. Иной реальности, кроме этих кораблей, для Толлера не осталось. Глядя вниз, на штриховой набросок города Прада, он почти не чувствовал родства с его обитателями. Он вновь стал небожителем; и дела его, и помыслы уже не имели ничего общего с делами и помыслами прикованных к земле существ. Интересы государств и амбиции монархов казались сущей ерундой по сравнению с надежностью заклепки, или прочностью натянутого каната, или с задумчивым голосом шара — странными звуками, порой раздающимися без видимой причины.

Пока экипажи осваивались, корабли достигли высоты две мили; в этот момент Толлер дал сигнал рассеяться по вертикали. Маневр был выполнен быстро и четко; плотная стая растянулась в петлю, чтобы встретить наступление ночи с

минимальным риском столкновений.

Еще до отлета Толлер довел себя до изнеможения. В иные ночи он спал не больше двух часов, и когда наконец настало время вынужденного безделья, организм потребовал возместить ущерб. Даже на вахте, управляя горелкой, Толлер то и дело погружался в дрему, хотя мозг рефлекторно держал ритм. В сонном оцепенении он провел и большинство периодов отдыха. Часто, пробудившись, он долго не мог сообразить, где находится, и в страхе и смятении глядел вверх, на спокойные изгибы шара. Бывало — особенно по ночам, когда вокруг буйствовали метеоритные сполохи, — сон не улетучивался до конца, и тогда Толлеру грезилось, будто в полете его окружают люди, которые давно умерли или стали для него чужими. Все они путешествовали в будущее, и всех — кого сильнее, кого слабее — мучила тревога и подбадривала надежда.

В это временное помутнение рассудка внесла свою лепту и меняющаяся продолжительность дня и ночи. Чем выше поднимались корабли, тем короче становились ночи Верхнего Мира и длиннее — малые ночи. На полпути до планеты-сестры им предстояло сровняться, и Толлеру казалось, что мир сходит с ума, а физические за-

коны рушатся. Судить о времени позволял только бортовой альтиметр, простейшее устройство: вертикальная шкала с грузиком, подвешенным к ее верхнему концу на тонкой пружинке. В момент старта груз доходил до самой нижней риски, а по мере того как слабело притяжение Верхнего Мира, гирька ползла вверх. Полная аналогия полета: крошечный кораблик, плывущий в миниатюрный космос.

Впрочем, было еще одно надежное мерило высоты: свирепеющий холод. Когда Толлер впервые поднялся в небо, команда его корабля удивилась и испугалась, столкнувшись с этим явлением, но теперь в распоряжении воздухоплавателей были теплые, похожие на коконы костюмы на толстой ватной подбивке. Сидя возле горелки, можно было даже сомлеть — во всяком случае, Толлера почти не покидала сонливость, и он мог часами глядеть в сумеречную синеву, где яростно полыхали звезды и переплетались друг с другом туманности, где блуждали ведьмины огни комет и маячил вдали зеленый фонарик Дальнего Мира.

В первую очередь экспедиции было необходимо определить точное местонахождение центра зоны невесомости. Толлер знал, что такой зоны

на самом деле не существует, это чисто математическое понятие, плоскость нулевой гравитации, и если поместить крепость хоть на десяток ярдов выше или ниже, она непременно начнет падать к планете. Но была надежда, что практика окажется милостивее теории и допустит отклонения, пусть даже ничтожные, от расчетной величины. Этим-то и занялся Толлер прежде всего. Взялся доказать, что такое предположение справедливо.

Несколькими днями раньше все шесть кораблей переключились на реактивную тягу — горячий воздух уже не действовал. А теперь двигатели и вовсе молчали, так как корабли зависли на нейтральной полосе гравитационных полей. Толлеру казалось сверхъестественным, что матросам из разных экипажей удается общаться криком; хотя окружающее беспределье мигом поглощало голоса, они разносились на сотни ярдов.

Не один час он провозился с изобретением Завотла для отслеживания вертикального дрейфа корабля. Прибор этот представлял собой небольшой резервуар для смеси химикалий и жира, дающих при горении густой дым, нечто вроде кузнечных мехов и длинной трубки, которая выступала за борт и выстреливала дымовые

шарики. В неподвижном воздухе они удивительно долго сохраняли свою форму и плотность. Завотл полагал, что дымовые шарики, будучи не тяжелее воздуха, послужат неподвижными вехами. По всей видимости, идея оказалась стоящей. Запретив Эсседеллу и Готлону ходить, чтобы не накренять палубу, Толлер смотрел над планширом на черные клубки, пока не убедился, что корабль относительно них неподвижен.

— Я бы сказал, что мы держимся, — прокричал он Даасу, пилоту второй средней секции, проводившему точно такие же наблюдения. — А ты как считаешь?

— Согласен с вами, сэр. — В подкрепление своих слов Даас — крошечный бесформенный силуэт у фальшборта — помахал рукой.

Утренний день только что наступил, и солнце висело под шестым летательным аппаратом, у самого восточного края Верхнего Мира. Восходящие лучи озарили днища крепостных секций; на нижние половины шаров легли тени, от чего вся картина выглядела неестественно, словно театральная декорация. Любуясь ею, Толлер вдруг понял, что взволнован. Он чувствовал себя прекрасно отдохнувшим, окрепшим — кратковременная «спячка» явно пошла на пользу. Он

был готов к бою на непривычной арене, и в душе его поселилось новое чувство — такое яркое, что Толлер даже замер, сосредоточившись на нем.

Казалось, в нем возникло какое-то ядро легкости, не имеющей ничего общего с нулевой гравитацией, — и от этого ядра исходят разноцветные лучи. Метафору эту — чересчур простую, но единственно доступную Толлеру, — оттеняли радость, бодрость, предчувствие удачи и ощущение своего могущества; их пламя горело в каждой частичке его души, в каждой клетке тела. И было во всем этом что-то странно знакомое… Что? Лишь через несколько секунд Толлер понял: он чувствует себя молодым. Не больше и не меньше!

Сознание отреагировало почти тотчас же.

«Наверно, многим показалось бы странным, что в такие минуты человек способен испытывать счастье. — Руки Толлера, сжимавшие планшир, чуть расслабились, он позволил ногам оторваться от палубы и поплыл вверх, а из-под корабля навстречу ему двинулся сонный диск Верхнего Мира в полукольце солнечного огня. — Вот почему Джесалла сравнила меня с Леддравором. От нее не укрылось, что моя жизнь вновь обрела смысл, когда меня призвали защищать

народ. Но она не способна разделить мое счастье и оттого завидует. Конечно, она тревожится за меня, но не в ее привычках произносить вслух слова, которых она после будет стыдиться в тишине опочивальни».

— Сэр, я готов. — Голос Готлона вернул Толлера в обыденный мир. Толлер опустил ноги на палубу, повернулся и увидел, что молодой такелажник, не дожидаясь приказа, надел индивидуальный воздухоструй. Толстые слои ткани и ваты, меховые рукавицы и сапоги изменили долговязую фигуру Готлона почти до неузнаваемости, а нижнюю половину его лица скрывало кашне; через вязаную шерсть просачивались струйки выдыхаемого пара. Заплечный ранец с парашютом и воздухоструй на груди тоже не придавали изящества облику Готлона.

— Сэр, можно начинать? — Готлон теребил на поясе карабин; от него к планширу тянулся страховочный трос. — Я уже собрался.

— Вижу, что собрался, но не спеши геройствовать, — сказал Толлер. — Публика еще не собралась.

Помимо честолюбия, Готлон отличался редким равнодушием к высоте — черта прирожденного воздухоплавателя, — и для Толлера было

настоящей удачей найти его в короткие сроки подготовки к полету. Шесть крепостных секций достаточно долго парили, точно птерта, в небесах, чтобы их экипажи смогли пообвыкнуть, но впереди еще стоял огромный психологический барьер. Люди не смогут приступить к сборке крепостей, пока им не продемонстрируют, что корабль можно покинуть без страховочного каната и благополучно вернуться на борт с помощью воздухоструя. Толлер, к стыду своему, обрадовался, что не ему придется испытывать это наспех сконструированное устройство. Он однажды наяву (и с тех пор много раз в кошмарных снах) видел, как начинается падение человека с высоты двух с половиной тысяч миль, из срединной синевы. Вначале он движется почти незаметно, однако постепенно гравитационная хватка планеты крепнет, и человечек все уменьшается, уменьшается… чтобы через сутки с лишним разбиться в лепешку.

В разреженном воздухе легкие работали с натугой, и в груди кололо стужей, когда Толлер выкрикивал необходимые приказы пяти пилотам. Остальные члены экипажей замерли у лееров, не сводя глаз с Готлона. Он помахал им рукой, как мальчишка — друзьям по детской

площадке, мол, смотрите, какой я молодец, сейчас такое покажу! Толлер не стал его осаживать, — пускай порисуется, может, поднимет у других боевой дух. Его взор скользнул по команде ближайшей торцевой секции и не без труда (из-за бесформенного воздухоплавательного костюма) выделил из пяти человек Гнэпперла — сержанта, переусердствовавшего с наказанием Оуслита Спеннеля. Когда Толлер зачислил его в состав первого эшелона, Гнэпперл, разжалованный до простого небесного матроса, даже не пытался протестовать и стоически выдержал несколько дней обучения. Толлер был не из тех, кто способен хладнокровно копать недругу могилу, но Гнэпперл этого знать не мог и исполнился самых черных предчувствий. В таком расположении духа Толлер готов был его держать хоть до скончания века.

— Ладно, — сказал он Готлону, когда решил, что настал подходящий момент. — Поди прогуляйся, только вернуться не забудь.

— Спасибо, сэр. — Толлер мог бы поклясться, что это прозвучало с искренней радостью и благодарностью. Готлон отстегнул трос, схватился обеими руками за планшир, перевел тело в горизонтальное положение, кувырком нырнул

за борт и чересчур сильно, по мнению Толлера, оттолкнулся ногами от секции. Между ним и кораблем разверзлась ярко-синяя бездна, и Толлер отчетливо услышал, как на другом корабле кого-то стошнило.

Готлон уплывал прочь, к звездам, покачиваясь в солнечном свете, словно в люльке. Мало-помалу сопротивление воздуха потушило первоначальный импульс, и он остановился в вертикальном положении. Внезапно он стал извиваться точно угорь и быстро задвигал правой рукой. Накачивает воздухоструй, сообразил Толлер. Через несколько секунд зашипело сопло, и поначалу казалось, что ничего не происходит, но через некоторое время дистанция между Готлоном и кораблем заметно сократилась. Двигался он не совсем прямо и несколько раз был вынужден оглядываться через плечо и поправлять сопло, но вскоре оказался возле секции и ухватился за протянутый Эсседеллом багор. Уперевшись ногами в леер, Эсседелл потянул багор на себя, и Готлон взмыл над палубой, как воздушный шар в виде человеческой фигуры.

— Отличная работа, Готлон. — Как ни в чем не бывало Толлер протянул руку навстречу невесомой фигуре и с удивлением ощутил болез-

ненный толчок. Его развернуло кругом, и прошло несколько секунд, прежде чем они с Готлоном смогли окончательно остановиться, схватившись за фальшборт. Поразмыслить над этой загадкой Толлер не успел, ее вымело из головы взрывом ликующих голосов на других кораблях.

Толлер и сам не мог скрыть — даже от себя — облегчения и радости. Ведь одно дело — сидеть в уютной палате дворца и выслушивать идеи всяких умников насчет небесной механики, и совсем другое — расстаться с кораблем и пройти меж двух бездн, точно по канату меж двумя мирами, доверив свою жизнь каким-то убогим кузнечным мехам. Но ведь получилось! То, что до сего дня казалось чудом, стало одним из ремесел воздухоплавателя. А еще — и это было важно — удача сняла камень с души Толлера, и он уже не думал о суровом испытании, которое предстояло ему в конце экспедиции.

Он дал сигнал всем отрабатывать свободный полет. Времени, чтобы приспособиться к совершенно неестественным условиям службы, им дали до смешного мало, поскольку король Чаккел, состязаясь по части идей с Завотлом, рассудил, что время — главный фактор в приготовлениях к войне с Миром. Крошечный Чрезвычайный

Кабинет исходил из самого неблагоприятного прогноза: через десять дней разведывательный корабль вернется на Мир, за двое суток Рассамарден переварит новости, а затем, если допустить, что его флот частично построен и только ждет приказа, еще через пять дней вражеский авангард достигнет зоны невесомости.

Семнадцать дней.

Чаккел распорядился, чтобы к концу этого срока как минимум шесть крепостей были готовы к бою. Толлера это потрясло: сама стратегия новой войны выглядела, мягко говоря, дерзкой, но спроектировать, построить и оснастить шесть небесных крепостей за какие-то семнадцать дней — это же верх абсурда! Но он забыл об уникальном честолюбии Чаккела, которое вкупе с организаторским талантом возвело его на трон, — благодаря ему Чаккел некогда собрал армаду в тысячу небесных кораблей. Не следовало упускать из виду и безжалостную решимость короля — он мог сокрушить любое препятствие и, если надо, перешагнуть через любой труп. В мирные годы Чаккел показал себя умелым правителем, но его родной стихией все-таки оставались всякие передряги. Крепости были построены в срок, и теперь предстояло только выяснить, способны

ли люди из плоти и крови выдерживать те же лютые нагрузки, что и неживая материя.

Когда настал черед Толлера, он каждой клеточкой мозга сознавал, что за ним наблюдают. Он изо всех сил постарался сохранить вертикальное положение, то есть параллельное оси шара и его цилиндрического груза, и вроде бы преуспел, но вдруг заметил, что огромный диск в синих и белых разводах — Мир, который с самого старта прятался за шаром, — вовсю двигается. Мир плыл вниз и вскоре исчез под ногами Толлера, и тотчас Верхний Мир, как две капли воды похожий на него, величаво низринулся в бездну. Но Толлеру вовсе не казалось, что он кувыркается; наоборот, он был единственным неподвижным небесным телом в вертящейся вселенной, а планеты-сестры и строй небесных кораблей то быстрее, то медленнее гнались друг за другом, и Толлер несказанно обрадовался, когда они наконец образумились и остановились. Приободрило его и открытие, что висеть в синей пустоте не так уж и плохо. Если забыть ощущение падения, донимавшее всякого, кто забирался в зону невесомости, можно вполне спокойно работать.

— Если кого-то веселит моя акробатика, — крикнул он безмолвным зрителям, — советую

отсмеяться побыстрее. Еще несколько минут, и начнем серьезное дело. И тогда, могу вас уверить, будет мало поводов скалить зубы.

Люди ответили одобрительным смехом и зашевелились. То один, то другой, обезображенные костюмами воздухоплавателей, совершали вылазку в пустоту. Толлер был среди них, успевал следить за их телодвижениями, по большей части неловкими, и вскоре пришел к выводу, что лучше всех, лучше даже его самого, в свободном полете держится молодой Готлон. Однако Толлер упорно осваивал воздухоструй и в конце концов научился двигаться в любом направлении. Наука эта, несомненно, далась бы ему легче, будь сопло у него за спиной, но из-за нехватки времени мастерские воздушной службы изготовили воздухоструй самой простой конструкции.

Едва Толлер мало-мальски приноровился к индивидуальному летательному аппарату, он созвал остальных пилотов, чтобы в последний раз обсудить предстоящую сборку крепостей.

Из всех совещаний, выпавших на его долю, это, пожалуй, было самым необычным. В нем участвовали шестеро мужчин средних лет, все — ветераны Переселения. Образовав круг, они повисли на звездном фоне, ежесекундно прон-

заемом огненными стрелами метеоритов. Трех пилотов — Дааса, Хишкелла и Юмола — Толлер знал еще по службе в Экспериментальной Эскадрилье Небесных Кораблей и целиком полагался на их рекомендации, когда брал в отряд двух других, Фамаржа и Бринча.

— Прежде всего, господа, — сказал он, — что мы узнали нового, то есть способного повлиять на график сборки крепостей?

— Только то, что нам надо закончить как можно раньше, Толлер, — ответил Юмол, не пренебрегая дозволенной фамильярностью. — Клянусь, нынче в этой треклятой зоне холоднее, чем в последний раз, когда я тут порхал. Ты глянь. — Он опустил шарф, чтобы показать основательно посиневший нос.

— Да брось, старик, тут всегда так, — сказал ему Даас. — Просто у тебя в яичках огонек притух, вот и все дела.

— Я вижу, что зря сказал «господа», — произнес Толлер, прежде чем Юмол придумал достойный ответ. — Детки, нам работать надо, и я больше всех хочу закончить побыстрее, а потому хватит валять дурака, давайте лучше подумаем, что и как надо делать. — Он говорил мягко, видя по глазам, не скрытым под шарфами, что пилоты

довольны испытаниями воздухоструев и у них значительно прибавилось уверенности в себе.

Прежде всего предстояло развернуть каждый из шести кораблей на девяносто градусов, в исходное положение для сборки, так чтобы горизонтальные иллюминаторы будущей крепости смотрели на обе планеты. Для этого требовалось открепить ложные палубы и вместе с шарами, подавая газ малыми порциями, отвести их на небольшое расстояние от секций. После того как секции будут освобождены, их соединят канатами, притянут друг к другу и смонтируют два цилиндра, закрытых с обеих сторон.

Затем их обслуга разобьется на две команды. Те, кому предстоит нести первую вахту, займут свои посты и приготовятся к долгому пребыванию в зоне невесомости. Тем временем шесть пар — пилоты с такелажниками — поведут драгоценные шары к Верхнему Миру за следующей партией груза. Первый этап спуска казался несложным и не вызывал у опытных пилотов дурных предчувствий. Предстояло, как обычно, еще раз перевернуть корабли — уже облегченные — на девяносто градусов и толчками газа вогнать их в гравитационное поле Верхнего Мира. Понятно, никакому капитану не нравится вести корабль

«вниз головой», но ведь это продлится считанные часы, пока летательный аппарат не наберет достаточно тяжести для устойчивого равновесия, столь желанного сердцу воздухоплавателя. И тогда — последний разворот, и Верхний Мир займет положенное место под ногами экипажа.

Пока все шло по колее, знакомой любому пилоту, который участвовал в Переселении и дожил до этих дней. Каждую из операций, требуемых на этой стадии, он бы выполнил за считанные минуты. Но критическая ситуация не позволяла ходить с козырей. Толлер хорошо помнил все, что говорилось в его первую встречу с Чаккелом и Завотлом. А еще — те слова, которые нашептал ему внутренний голос. Что он и небо еще не познали друг друга в полной мере…

— По мне, так хуже всего спуск, — говорил Толлер. — И не только из-за зверского холода. Ты сидишь на открытой платформе, а под тобой — тысячи миль пустоты. Только вообрази! Споткнешься о канат — и вниз. Обычные гондолы — тоже, конечно, не подарок, но у них — борта, хоть какая-то иллюзия безопасности. Нет, Илвен, не нравится мне это… — Он умолк, с удивлением заметив, что Завотл согласно кивает.

— Ты абсолютно прав, и я бы еще добавил, что

пять дней на возвращение — слишком большая роскошь, — произнес Завотл. — Ты, да и остальные пилоты, понадобитесь на Верхнем Мире гораздо раньше. Я уже не говорю о шарах и двигателях.

— Ну и?..

Завотл безмятежно улыбнулся.

— Надеюсь, тебе знакомо слово «парашют».

— Еще бы, — обеспокоился Толлер. — Воздушная Служба ими уже лет десять пользуется, а то и больше. К чему ты клонишь?

— Пусть люди возвращаются на парашютах.

— Гениально. — Толлер хлопнул себя по лбу — на тот случай, если сарказм остался незамеченным. — Но просвети меня, невежду, разве парашютист не будет спускаться примерно с той же скоростью, что и небесный корабль?

Улыбка Завотла стала прямо-таки блаженной.

— Будет, но только при раскрытом парашюте.

— Только при… — Глядя под ноги, Толлер обошел тесный кабинет и снова уселся в кресло. — Ты имеешь в виду, что пилот выиграет время, если пролетит изрядное расстояние, не раскрывая парашюта. А на какой высоте надо раскрыть?

— Ну… как насчет тысячи футов?

— Нет! — выкрикнул Толлер не рассуждая, а

лишь подчиняясь инстинктивному страху. — Ты не посмеешь!

— Почему?

Толлер угрюмо поглядел в лицо собеседника и увидел на нем знакомое выражение.

— Илвен, ты помнишь наш первый полет? Помнишь, как мы все стояли у борта и смотрели, как гибнет Фленн? Он падал дольше суток.

— У него не было парашюта.

— Но он падал дольше суток, — с мольбой повторил Толлер, страшась того, что годы сделали с Завотлом. — Это слишком долго.

— Маракайн, да что с тобой? — вмешался в разговор король, на чьем широком коричневом лице проглядывало раздражение. — Что день падать, что минуту — итог один. Есть парашют — ты живой, нет парашюта — мертвец.

— Ваше Величество, а вам бы не хотелось самому пережить такое падение?

Чаккел посмотрел на Толлера с откровенным недоумением.

— Куда девался почтительный тон?

Завотл опередил Толлера с ответом:

— Ваше Величество, лорду Толлеру, бесспорно, есть из-за чего беспокоиться. Мы совершенно не представляем, как может падение отразиться на

человеке. Нельзя исключить, что он замерзнет насмерть… или задохнется… Возможны и другие неприятные явления. Мало проку в пилоте, который здоров телом, но хвор рассудком. — Завотл на несколько секунд умолк, и его карандаш забегал по бумаге, выводя непонятный рисунок. — Раз уж только я отстаиваю этот способ, полагаю, мне и надлежит его испытать.

«Ах ты, хитрюга, провел-таки меня, — подумал Толлер, вновь проникаясь признательностью и уважением к старому другу. — Уж я-то позабочусь, чтобы ты остался на своем месте. Тут, на планете».

Было трудно отличить тех, кто сам вызвался на это задание, от тех, кого просто поставили перед фактом. И те, и другие очень хорошо понимали, что противиться королевскому приказу на войне равносильно гибели, и кое-кто из добровольцев попросту выдавал нужду за добродетель. Как бы то ни было, все воспряли духом, узнав, что могут, ничем не рискуя, летать без кораблей. «Живы будем — не помрем», — все чаще слышал от них Толлер, и самым ярким проявлением всеобщего оптимизма служил оживленный гомон, когда команда, хорошенько освоив новые навыки, бралась за очередную задачу.

Но на этот раз, заметил Толлер, они вновь погрузились в молчание.

От крепостных секций отделились последние оболочки и, отягощенные только круглыми ложными палубами и двигательными узлами, отошли на небольшое расстояние. И хотя эти наполненные газом пузыри казались нереальными, они господствовали над всем небесным окружением. Для снующих в воздухе людей они были дружелюбными великанами, способными благополучно переносить их с планеты на планету, — и вот эти великаны бросили своих подопечных на произвол судьбы во враждебной синей пустоте.

Даже Толлер, командированный сюда на время монтажа крепостей, ощутил в кишечнике хрусткий ледок, когда заметил, как малы ничем не поддерживаемые секции в туманной бесконечности, со всех сторон обступившей эту точку пространства. Казалось, для человека не может быть ничего страшнее долгого падения к поверхности планеты, но сейчас Толлер был, пожалуй, в гораздо более выгодном положении, чем те, кому предстояло остаться в зоне невесомости.

Мысль эта встряхнула его, и он почувствовал себя обманутым. Разве он хотел такой приви-

легии?

«Да что это со мной?» — подумал Толлер, начиная волноваться. Он редко анализировал свои чувства, считая это пустой тратой времени, но с некоторых пор его эмоциональная реакция на события стала такой противоречивой, что просто вынуждала заглядывать в собственное сознание. К примеру, он жалел экипажи крепостей, а в следующее мгновение почти завидовал им. Лучше любого другого он знал истинную цену боевой славе и потому не мог утешиться видом очередного выводка патриотов, национальных героев, защитников хрупких деревянных форпостов в безжизненном небесном чертоге.

«Что со мной творится? — снова произнес он про себя. — Мне чего-то не хватает, но ведь раньше этого не было. Если я не безумец, то почему лезу напролом там, где отступил бы любой здравомыслящий человек?»

Толлер спохватился: довольно самокопания, нельзя забывать о служебном долге. Он привел в действие воздухоструй и подлетел к ближайшей крепости. Ее средняя и концевая секция были уже благополучно отделены от шаров и состыкованы, осталось лишь присоединить третью часть. Она находилась на достаточном расстоянии от

двух своих спутниц, чтобы люди, держащиеся за буксирные тросы, могли действовать слаженно и споро. Четверо, цепляясь за борт средней секции, работали свободными руками в едином ритме, и концевая секция двигалась поначалу неуклюже, но затем набрала скорость. Толлер следил, как она приближается к месту стыковки. Он знал, что секция ничего не весит, а следовательно, не причинит вреда, если столкнется с другими, однако не любил, когда в конструкторском деле злоупотребляли силой. Возможно, секция отскочит, и ее снова придется подтягивать.

— Стоп! — крикнул он буксировщикам. — Слишком быстро. Приготовьтесь затормозить ее.

Взмахами рук люди сообщили, что приказ ясен, и приготовились встретить надвигающийся цилиндр. Фамарж, отвечавший за сборку крепости, дал сигнал двум матросам, которые удерживали среднюю секцию за короткие канаты, чтобы те помогли товарищам. Один из них добрался до обтянутой кожей стенки цилиндра и сжал ее ногами с двух сторон.

Концевая секция неслась на поджидающего человека и, почти не теряя скорости, легко сминала натянутые канаты, которые попадались ей на пути. «Странно, — мелькнуло в голове у Толлера.

— Она же невесома, как перо». И тут им овладела тревога: он вспомнил, что совсем недавно видел подобную аномалию. Готлон, хоть и ничего не весил, в конце своего первого свободного полета нанес ему довольно сильный удар, как если бы…

— Уходи с борта! — проревел Толлер. — Быстрее! Человек в уродливом костюме повернулся к нему — и только. В леденящее мгновение Толлер узнал грубые черты Гнэпперла, а затем концевая секция обрушилась на крепость. Гнэпперл завопил, когда у него сломалась тазовая кость. Крепость вздыбилась, стряхнув с себя людей, а концевая секция, расточая кинетическую энергию, частично вошла в главное сооружение. Края цилиндров, точно лезвия мечей, рассекли тело Гнэпперла, и вопли оборвались. Потом секции разошлись и остановились.

Толлер машинально врубил воздухоструй, но помочь ничем не смог, а лишь дальше отлетел от места трагедии. Он развернулся и, подкачав в аппарат воздух, направился обратно в суматошную человеческую стаю. Мягко столкнувшись со средней секцией, он ухватился за канат, чтобы остановиться и взглянуть на пострадавшего. Гнэпперл уплывал в пространство, разметав руки и ноги; в его небесном костюме виднелась длин-

ная прорезь, из нее торчала пропитанная кровью подбивка, от чего дыра походила на страшную рану, а вокруг роились, мерцая на солнце, ярко-красные шарики. Не могло быть сомнений, что Гнэпперл мертв.

— Почему этот болван не убрался с дороги, когда ты ему крикнул? — удивленно спросил Юмол, подбираясь по канату к Толлеру.

— Кто его знает. — Толлер подумал о загадочном параличе, сковавшем Гнэпперла за миг до смерти. Может, он реагировал бы быстрее, предупреди его кто-нибудь другой? Должно быть, не поверил. Как бы то ни было, его гибель — на совести Толлера.

— Все равно он был тупоголовым скотом, — рассудительно произнес Юмол. — Сам виноват, что загнулся. Уж лучше он, чем кто-нибудь из нас. Хоть чему-то полезному научил.

— Чему?

— Что здесь можно точно так же раздавить человека, как и на земле. Стало быть, если вещь не имеет веса, это еще ни о чем не говорит. Как ты это объяснишь, а, Толлер?

Усилием воли Толлер вернулся из области этики в область физики.

— Может быть, полная невесомость как-то

повлияла на наши тела. В любом случае впредь надо быть осторожнее.

— Да, а пока у нас — труп, и надо от него избавиться. Надеюсь, мы его просто бросим.

— Нет. — Толлер не раздумывал ни секунды. — Заберем с собой на Верхний Мир.

Всю ночь шесть кораблей летели вниз на реактивной тяге, и с каждым часом Верхний Мир все сильнее тянул их к себе за гравитационные паутинки. Но все-таки это было только начало спуска; едва возвратился свет дня и Верхний Мир, участвуя в парном танце, целиком спрятался в тени, двигатели умолкли, и сопротивление воздуха остановило корабли. Требовалось их развернуть, и тут на помощь воздухоплавателям пришли крошечные горизонтальные сопла. Все происходило с величавой неторопливостью; по воле шести обыкновенных людей вселенная со всеми своими звездами совершила сальто-мортале, и солнце послушно утонуло под ногами. Маневр был выполнен безукоризненно, и наступило время для того, что никогда прежде не делалось.

Толлер сидел в пилотском кресле, затянутый в ремни безопасности. Рядом, по ту сторону двигательного узла, находился Типп Готлон. Ложная палуба, служившая им опорой, представляла

собой круглую деревянную платформу — всего четыре шага в диаметре, — и за ее неогражденной кромкой владычествовала пустота. Оступишься — и будешь падать две с лишним тысячи миль, пока не превратишься в мокрое пятнышко на поверхности планеты.

Остальные пять кораблей висели в воздухе на фоне сложного голубовато-серебристого узора небес. На каждом летели по два человека; они скрывались в цилиндрических тенях палуб, и только сияющие спирали туманностей и брызги метеоритов высвечивали их силуэты. Огромные шары под ними, залитые солнечным светом, казались твердыми, как планеты; формой они походили на жемчужины, а канаты и швы на них напоминали меридианы и параллели.

Но Толлера меньше волновали поразительные картины окружающего мира, чем требования его личного микрокосма. Всю палубу загромождали припасы и оборудование — от трубопроводов горизонтальных дюз до сундуков с энергокристаллами, контейнеров с пищей и водой и мешков для падения. Камышовые перегородки высотой по пояс отделяли примитивный гальюн и тесный камбуз, откуда торчали ноги Гнэпперла, привязанного к палубе, чтобы не пугал остальных

стремлением взмыть и повитать в невесомости.

— Ну что ж, юный Готлон, пора расставаться, — сказал Толлер. — Как ты себя чувствуешь?

— Как вы, сэр, так и я. — Готлон блеснул щербатым оскалом. — Сэр, вы ведь знаете: я мечтаю стать пилотом и почту за великую честь, если вы разрешите дернуть за вытяжной трос.

— Честь? Скажи-ка, Готлон, для тебя это все — развлечение?

— Еще бы, сэр. — Готлон умолк — над кораблем промчался необычайно большой метеорит, и его преследовали громовые раскаты. — Хотя слово «развлечение» тут, пожалуй, не годится. Просто у меня душа ни к чему другому не лежит.

«Прекрасный ответ», — подумал Толлер, давая себе слово позаботиться о карьере юноши.

— Хорошо, как будешь готов, дергай.

Ни секунды не медля, Готлон наклонился, стиснул красный трос, что тянулся изнутри шара к палубе, и рванул на себя. Трос обвис в его руке. С устойчивостью и движением корабля не произошло заметных изменений, но высоко над головой, в зыбком колоколе, случилось необратимое. Из макушки шара вырвался большой лоскут ткани, и в тот же миг корабль оказался во власти тяготения Верхнего Мира. Теперь кораблю и его

экипажу оставалось только падать — больше от них не зависело ничего. И все же Толлер испытывал непонятный страх перед следующим — неизбежным — шагом.

— Не вижу смысла тут куковать. — Толлер оставил попытки уследить за своими чувствами. Он уже засунул ноги в мешок для падения — подбитый шерстью и достаточно просторный, чтобы можно было забраться в него с головой, — расстегнул страховочные ремни, поднялся с кресла и лишь сейчас заметил свой меч, пристегнутый к ближайшей стойке. У него мелькнула мысль оставить тут эту неуместную и даже нелепую вещь — не брать же ее с собой в тесноту мешка, — но он сразу же передумал. Оставлять меч на палубе безлюдного корабля — все равно что бросать на произвол судьбы старого друга. Он прицепил оружие к поясу и поднял глаза в тот самый момент, когда Готлон — по-прежнему улыбающийся! — спиной вперед упал с края палубы и, оттолкнувшись ногами, уплыл в стерильную синь; лучи солнца неровно высветили снизу его кокономодобный силуэт. Ярдов тридцать он пролетел, не стараясь изменить свое положение в пространстве, и казался бы неживым, если бы не частые струйки пара от его дыхания.

Толлер посмотрел на остальные корабли. Другие воздухоплаватели по примеру Готлона ныряли в разреженный воздух. Они договорились заранее: одновременно прыгать ни к чему, каждый покинет палубу, когда решит, что готов. Внезапно Толлер испугался, что будет последним, и это не пройдет незамеченным. Вот тут-то он и решился на совершенно неестественный для человека поступок. Он натянул до груди мешок для падения, лягнул обеими ногами палубу и ринулся вниз лицом.

В поле зрения скользнул Верхний Мир, и они с Толлером оказались лицом к лицу, как влюбленные. Планета звала его из тысячемильной дали. На горбе, который еще оставался во власти ночи, не было видно почти ничего, но полумесяц экваториального континента плескался в солнечных лучах, позволяя разглядеть, как вращается бледно-зеленый и охряный мир под слоем белой пудры, а поверхность великих океанов изгибается к таинственным водяным полюсам.

Несколько минут Толлер с замиранием сердца глядел на обращенное к нему полушарие, а затем, слегка подавленный этим зрелищем, свернулся калачиком и запахнул мешок над головой.

«Надо же, я уснул!

Кто бы мог подумать, что человек способен спать во время головокружительного падения из срединной синевы на планету? Но тут темно и тепло, и время движется медленно. Скорость постепенно увеличивается, воздух густеет, и меня все ощутимее вращает и покачивает. И еще нагоняет дремоту шелест воздуха, рассекаемого мешком. Уснуть легко. Пожалуй, даже слишком легко. В голову закрадывается мысль, что кое-кто может вообще не проснуться. Не успеет выбраться из мешка и раскрыть парашют. Но это, конечно, глупо. Только человек с душой отъявленного самоубийцы способен пропустить такой момент.

Время от времени я высовывался из мешка, чтобы посмотреть, как дела у моих спутников. Но обнаружить их было уже невозможно. Они либо летели выше, либо — ниже. Прыгали мы не одновременно и за прошедшие часы растянулись в длинную вертикальную цепь. Следует обратить внимание, что все мы падаем быстрее, чем корабли, — а ведь никто этого не предугадал. Ложные палубы, через которые проходили оси симметрии кораблей, стремились удержать горизонтальное положение, а спущенные шары образовали подобие хвостов; таким образом, корабли встречали

немалое сопротивление воздуха.

Когда они остались позади, я заметил, что палубы покачиваются в воздушных потоках. В последний раз, когда я сумел их разглядеть, они напоминали редко мигающие звезды. Надо рассказать об этом Завотлу — может, он решит переделать оснастку, чтобы палубы летели ребром вниз. Конечно, удар о землю будет сильнее, но двигательные узлы сверхпрочны.

Иногда я вспоминал людей, которых мы оставили в зоне невесомости, и чувствовал легкую зависть. Ведь им в отличие от меня есть чем заняться. На них лежит бремя первоочередных задач. Необходимо загерметизировать крепости. Необходимо ежечасно сжигать дымовую шашку — отмечать дрейф. Необходимо устанавливать мехи для повышения воздушного давления на борту… готовить первый завтрак… проверять двигатели и вооружение… продумывать вахтенное расписание…

Меня покачивает, и воздушные струи настойчиво шепчут о чем-то.

Уснуть? Что может быть проще?..»

Глава 7

— Золото?! У тебя хватает наглости золото мне предлагать?! — Возмущенный до глубины души, Рэгг Артунл мозолистой ладонью смахнул на землю кожаный кошелек. От удара он приоткрылся, и несколько штампованных квадратиков желтого металла высыпались на сырую траву.

— Правду говорят: совсем ты свихнулся. — Лю Кло упал на колени и бережно собрал монеты. — Хочешь ты продать участок или нет, а?

— Да! Хочу! Но — за настоящие деньги. За старые добрые стекляшки. Вот чего я хочу. — Артунл потер большим пальцем левой руки правую ладонь; старинный этот жест в Колкорроне означал плату общепринятой валютой — витым стеклом. — Усек? Стекляшки гони!

— Но тут же на всех — королевский лик! — запротестовал Кло.

— Я желаю башли тратить, а не стенку ими украшать! — Артунл обвел колючим взглядом фермеров. — У кого настоящие деньги?

— У меня. — Вперед бочком вышел Нарбэйн Эллдер и порылся в кармане. — У меня при себе две тысячи роялов.

— Давай их сюда! Участок — твой! Может, тебе больше повезет, чем мне. — Артунл протянул руку за деньгами, и тут между ними вклинился Бартан Драмме. Он легко раздвинул их, чего не сумел бы сделать в первые дни своей крестьянской жизни.

— Да что с тобой, Рэгг? — спросил он. — Нельзя же отдавать землю за бесценок?

— Пускай делает, как ему нравится, — буркнул Эллдер, помахивая кошельком с разноцветными квадратиками.

— Удивляешь ты меня. — Бартан ткнул его указательным пальцем в грудь. — И не стыдно наживаться на соседе, когда у него с головой нелады? Что скажет Джоп, если узнает? — Бартан с вызовом оглядел мужчин, собравшихся на живописной поляне, под деревьями, которые едва защищали от дождя. Над поселением плыли тяжелые серые облака, и фермеры в мокрых до нитки балахонах-мешках с нахлобученными капюшонами выглядели непривычно, даже жутковато.

— С башкой у меня полный порядок. — Артунл неприязненно глянул на Бартана и еще больше помрачнел. Было видно, что у него родилась новая мысль. — Это все ты виноват. Ты нас сюда

завел, в эту проклятущую дыру.

— Я тебе очень сочувствую, и сестру твою жалко, — сказал Бартан, — но ты зря торопишься. Надо хорошенько подумать. Ты уже столько сделал — что же теперь, все бросать?

— Да кто ты такой, чтоб меня поучать? — На побагровевшем лице Артунла появилось недоверие пополам с враждебностью. Точно такое же выражение Бартан встречал на каждом шагу, когда только вступил в общину. — Да что ты вообще про землю знаешь, господин нанизывальщик бус, господин починяльщик брошей?

— Я знаю, что Лю не должен выторговывать участок, если не может дать настоящую цену. Получается, что на твоей беде он нагреет руки.

— Прикусил бы ты язык. — Выпятив подбородок, Эллдер подступил к Бартану. — Что-то ты меня притомил, господин… — он тщетно поискал свежее оскорбление и был вынужден позаимствовать его у Артунла, — нанизывальщик бус!

Бартан снова обвел глазами толпу в балахонах и, оценив общее настроение, удивился и огорчился: судя по всему, они не остановятся перед насилием. Наличествовал и другой признак, вдребезги разбивавший любые его аргументы: с тех пор как фермеры осели в Логове, они здорово

опустились. Всего-навсего за год. Этот год Бартан с Сондевирой прожили вместе, и он видел, как слабеет былой дух товарищества, и его вытесняет заурядное соперничество. Причем удачливые не стеснялись отказывать в помощи невезучим соседям. От авторитета Джопа Тринчила не осталось и следа — что не могло не сказаться на его физическом и психическом здоровье. Он съежился, зачах и, ясное дело, уже не мог объединять свою паству. Джопа редко видели за пределами его участка. Бартан никак не ожидал, что старика Тринчила — задиру и грубияна — постигнет такая участь. Казалось, с его уходом в анахореты община потеряла цель жизни.

— Я давно не нанизываю бусы, — резким тоном сообщил Бартан промокшему под дождем сборищу. — О чем весьма сожалею, потому что с помощью любимой иголки и нитки я мог бы сделать ожерелье из ваших мозгов. Тонюсенькое такое ожерельице.

Эти слова потонули в реве двух десятков глоток, глухом и злобном, как рык буйных волн на узкой косе. Но селективные рефлексы позволили мозгу выделить одну-единственную фразу: «Зря ты, придурок, не разжился поясом целомудрия».

— Кто это сказал? — выкрикнул Бартан и чуть

не потянулся за мечом, которого отродясь не носил.

Сумрачные арки нескольких капюшонов повернулись друг к другу, затем снова — к Бартану.

— А что такого? — прозвучал чей-то радостно-озабоченный голос.

— Скажи-ка, парень, молодой Глэйв Тринчил еще не надорвался тебе пособлять? — осведомился другой. — Коли он силенки подрастерял, зови меня. Уж я-то вспашу так вспашу, это всякий знает.

Бартан едва не бросился на злоязычного пахаря с кулаками, но здравомыслие и осторожность удержали его на месте. Крестьяне, как всегда, одержали над ним верх, ибо известно: дюжина дубин всегда одолеет короткий меч. Община берегла убогие словесные штампы как фамильные драгоценности, а невежество служило им надежнейшим доспехом.

— Господа, надеюсь, вы не слишком расстроитесь, если я вас покину. — Бартан помолчал, надеясь, что домыслы на сексуальную тему слегка разрядили обстановку, однако внешне это ничем не подтверждалось. — У меня дела на рынке.

— Я с тобой, если ты не против, — перешел на его сторону Орайс Шоум, бродячий батрак, при-

жившийся в общине. Он был молод, с диковатым взглядом и где-то почти целиком потерял ухо, но дурных отзывов Бартан о нем не слышал, а потому не стал возражать против его общества.

— О чем разговор. Но разве Элрахен тебя не ждет?

Шоум поднял маленькую котомку.

— Я теперь снова вольная птица. Не хочу тут засиживаться.

— Понятно. — Бартан запахнул на шее клеенчатый капюшон и взобрался на козлы. Теплый дождь все еще лил как из ведра, но на западе с каждой минутой ширилась желтоватая полоска. Значит, скоро распогодится.

Шоум сел рядом. Бартан дернул вожжи, и фургон тронулся в путь. Прилизанные дождем лопатки синерога мерно поднимались и опускались. Бартана одолевали мысли о жене; поймав себя на этом, он решил отвлечься беседой с попутчиком.

— Недолго ты у Элрахена проработал, — сказал он. — Что, плохой хозяин?

— Видывал и похуже. Мне само это место не по нутру. Что-то здесь не так, вот и ухожу.

— Еще один паникер! — Бартан с упреком взглянул на Шоума. — А с виду ты не из тех, у кого

буйное воображение.

— Воображение, брат, штука тонкая, такое может выкинуть, чего наяву вовек не увидишь. Ты думаешь, почему Артунлова сестра руки на себя наложила? Слыхал я, будто мальчонка ее не просто исчез. Будто зарезала она его и в землю закопала.

Бартан рассердился.

— Что-то много ты слыхал для одноухого.

— Чего ты злишься? — Шоум потрогал пальцем огрызок уха.

— Прости, — вздохнул Бартан. — Допекла меня вся эта болтовня. Ну и куда ты теперь?

— Не знаю… Правду скажу: надоело гнуть спину на кого попало, — уставясь вперед, ответил Шоум. — Подамся в Прад, может, доберусь. Работы, слыхал, там навалом. Чистой, легкой. Из-за войны. Одно худо: далеко до Прада. Вот если бы… — В глазах Шоума проснулся интерес. — Это не у тебя ли собственный воздушный корабль?

— Неисправен. — Бартан поспешил развить затронутую Шоумом тему. — А на войне что новенького, не слыхал, часом? Лезет враг?

— Лезет, да мы ему — по зубам, по зубам!

На памяти Бартана странствующие батраки никогда не относили себя к государевым вер-

ноподданным, но сейчас он безошибочно узнал горделивую нотку.

— И все-таки необычная получается война, — сказал Бартан. — Без армий, без полей сражений…

— Насчет полей сражений — не знаю, а вот слыхал я, сидят небесники верхом на реактивных трубах, как на синерогах, и улетают от своих крепостей на милю, а то и дальше. И шаров у них нет. Ни одного. Ничто тебе не мешает шлепнуться на землю. — Шоума передернуло, да так, что скрипнули козлы. — Прямо-таки счастье, что я тут, а не там. Там угробиться — проще простого.

Бартан кивнул.

— Вот почему короли больше не водят в бой свои армии.

— Лорд Толлер не из таких. Слыхал про лорда Толлера Маракайна?

Бартану это имя напомнило о далеких годах Переселения, и он слегка удивился, что сия легендарная фигура все еще не сошла с исторической сцены.

— Конечно. Мы же не совсем отрезаны от мира.

— Говорят, лорд Толлер там почти безвылазно. Дерется с ядовитыми мирцами и по части

храбрости любого заткнет за пояс. — С патриотическим жаром Шоум принялся рассказывать о подвигах лорда Толлера Маракайна в межпланетной войне; от иных историй за милю несло вымыслом. Голос батрака густел и даже начал вибрировать от воодушевления — несомненно, Шоум успел вжиться в образ главного персонажа своего рассказа. Бартану это вскоре надоело, и мысли его вернулись к издевкам бывших приятелей.

Он прекрасно понимал: не стоит верить пустым сплетням, и вообще, при чем тут Глэйв Тринчил? Глэйв все еще приходит на ферму, подсобляет с тяжелой работой, а другие — почти все — больше не являются и не помогают, но… — Мысль вонзилась в мозг, словно кинжал. — Но чаще он бывает на ферме в те дни, когда Сондевира одна.

Бартан попытался выбросить это из головы и тотчас вспомнил случай, которому когда-то не придал значения. Вспомнил, как Сондевира и Глэйв стояли у фургона Тринчилов и, думая, что никто их не видит, обнимались так, будто им это не впервой.

«Почему я вдруг усомнился в верности жены? — подумал Бартан. — Что со мной делает эта тварь? Я знаю, что не мог ошибиться в Сондевире.

Да, другие способны ослепнуть от любви, но я-то слишком умен и опытен, и крестьянской девчонке не так-то просто меня одурачить. Пускай эти пентюхи зубоскалят вволю, плевать я на них хотел».

Дождь унялся; впереди над дорогой висел четко очерченный край тучи, и казалось, фургон выезжает на солнечный свет из тени громадного здания. Невдалеке виднелся перекресток, там Бартан собирался свернуть на широкую дорогу к Новому Миннетту. Наполненные водой выбоины напоминали зеркала, а колеи — шлифованные металлические рельсы; в тех и в других отражалось ясное небо.

Непонятно отчего Бартана кольнула совесть. Он повернулся к Шоуму.

— Прости, старик, раздумал я нынче на рынок ехать. Придется тебе пешком. Далековато, но…

— Ерунда, не бери в голову. — Шоум философски пожал плечами. — Я уже полпланеты исходил, управлюсь и со второй половиной.

Он закинул котомку за плечо, спрыгнул на перекрестке с козел и широким, уверенным шагом двинулся к Новому Миннетту. Только на секунду задержался — помахать рукой. Бартан помахал в ответ и погнал фургон на запад, где лежал его

участок.

Чувство вины окрепло, когда он признался себе, что строит Сондевире ловушку. Жена не ждет его до сумерек, и к поездке в город он начал готовиться за несколько дней, а значит, у нее было вволю времени, чтобы договориться с Глэйвом. От этой мысли Бартан стал сам себе противен, но угрызения совести уживались со странным волнением, возникшим одновременно с новой проблемой: если он издали увидит Глэйдова синерога у своей коновязи, хватит ли ему коварства остановить шумный фургон, спешиться и беззвучно подкрасться к дому? И что будет, если он застанет парочку в постели? Год тяжелого труда значительно развил его мускулатуру, но до Глэйва ему было далеко, да и драться Бартан не любил — не хватало опыта.

«Ужасно, — размышлял он под перекрестным огнем эмоций. — Все, что мне сейчас надо от жизни, это застать жену в одиночестве. Чтобы она тихо-мирно работала по хозяйству. А зачем рисковать? Зачем терять свое счастье? Что тут думать: разверни фургон, подбери Шоума да езжай на рынок. Как и собирался. Накачайся в таверне коричневым элем вместе с дружками-забулдыгами да забудь про все…»

Ландшафт впереди затянуло непроницаемым туманом цвета спелого персика с серебристым отливом — это свежевыпавшая дождевая влага, нагретая солнечными лучами, возвращалась в небеса. Прямо перед глазами Бартана возникло темное пятнышко; оно дергалось, через каждые пять-шесть секунд меняло форму и наконец обернулось наездником, приближающимся довольно быстро. Глэйв Тринчил. Бартан узнал его задолго до того, как смог разглядеть лицо, — и снова всколыхнулись эмоции, на этот раз — облегчение пополам с разочарованием. Они встретились далеко от фермы, и Глэйв запросто может сказать, что даже не думал сегодня заезжать туда, а возвращается из другого места. И поди докажи, что врет.

Рассуждая таким образом, Бартан ожидал, что Глэйв беспечно поздоровается и проедет мимо, и был застигнут врасплох, когда юный фермер еще издали замахал руками. Сердце его тревожно забилось, когда он понял, что Глэйв взволнован. Неужели на ферме случилась беда?

— Бартан! Бартан! — Перед фургоном Глэйв натянул повод синерога. — Как хорошо, что ты вернулся! Сонди сказала, ты в город уехал.

— Сонди сказала? — сверля Глэйва ледяным

взглядом, поинтересовался Бартан; других слов ему не пришло на ум. — Стало быть, ты снова почтил ее визитом в урочный час?

По всей видимости, Глэйв пропустил это обвинение мимо ушей. Его широкая простецкая физиономия выглядела озабоченной, и напрасно Бартан искал на ней признаки лукавства.

— Ты давай, поезжай быстрее, — сказал Глэйв. — Ты там нужен.

Бартан обругал себя: какого черта нянчиться с дурацкой ревностью, когда ясно, что произошло что-то серьезное.

— Что с ней?

— По правде сказать, не знаю. Я мимо проезжал, ну и заглянул. Хотел спросить, может, пособить надо с чем-нибудь тяжелым. — Глэйв, хоть и был взволнован, не преминул бросить горделивый взгляд на свои мускулистые руки. — Сонди сказала, надо дерево выкорчевать, ну, там, где ты хотел коловую фасоль растить и эту, как ее…

— Да черт с ней! Что с моей женой?

— Ну, так вот, прихватил это я заступ и топор и взялся за корни. Жаркая работенка, даром что дождь. По правде сказать, обрадовался, как увидел, что Сонди идет ко мне с кувшинчиком слабого пива. Это я так думаю, что там было сла-

бое пиво, я ведь к нему даже не притронулся. Ну, так вот, в дюжине шагов от меня, вряд ли дальше, вскрикнула этак, уронила кувшин и на траву опустилась. И — хвать себя за лодыжку. Ну, я испугался, думал, оступилась, кинулся к ней, и тут она как посмотрит на меня да как завопит! Но это еще что! Страшнее всего… Страшнее всего… — Юноша умолк и озадаченно уставился на Бартана, словно видел его впервые в жизни.

— Глэйв!

— Страшнее всего был крик, Бартан. Понимаешь, у нее при этом рот не открывался. Я ей глядел прямо в лицо, слышал крик, но ведь губы-то у нее были сжаты! Ни хрена себе диковина, правда? У меня аж кровь заледенела.

Бартан приподнял вожжи, чтобы хлестнуть синерога.

— Чепуху ты несешь, по-моему. Ну ладно. Сондевира вскрикнула, так? Больше ничего не случилось? Она что, ногу подвернула? Что она говорит?

Глэйв медленно, задумчиво покачал головой.

— Ничего она не говорит. Вообще ничего.

— Вообще ничего? Слушай, какого лешего?.. — Тут опять накатила тревога. — Она, часом, не онемела?

— Да не знаю я, Бартан, — простодушно ответил Глэйв. — Тебе самому надо бы посмотреть. Я с нею посидел, пока время было, хотел помочь, да чем тут поможешь…

Конец фразы потерялся в топоте копыт и стуке колес. Бартан гнал синерога во весь опор по ухабистой дороге, ерзал и подскакивал на голых досках облучка, но терпел. Яркий туман уже завладел горизонтом, так стиснув пределы видимости, что Бартану казалось, будто он двигается посреди арены под колоколообразным сводом, по которому, переплетаясь друг с дружкой, взбегают к самому солнцу слабые пастельные разводы. Вскоре водяные пары начали рассеиваться, по небу растеклось молоко с легким голубоватым оттенком, и Бартан увидел вдалеке свою ферму — она сияла, подновленная дождем и туманом. Когда он подъезжал к дому, небо уже обрело прежнюю яркую голубизну, и вновь проглянули дневные звезды.

Бартан остановил фургон, соскочил на землю и вбежал в дом. На его зов никто не откликнулся. Он обежал все комнаты, но Сондевиру не нашел. Значит, она снаружи. Он сразу вспомнил дерево, о котором говорил Глэйв. Хотя — какой ей резон там задерживаться? Разве что… серьезно при-

хватило. Но если так, почему этот олух Глэйв не отвел ее в дом, вместо того чтобы драпать, как от привидения?

Бартан сбежал с крыльца и рванул мимо свинарника, где ютилось его скромное стадо, к вершине травянистого холма, заслонявшего восточный горизонт. Оттуда он сразу увидел Сондевиру. Она сидела на траве возле дерева, которое якобы корчевал Глэйв, и на ней была светло-зеленая клеенчатая накидка.

Бартан окликнул ее, но она не ответила. Даже ни разу не шевельнулась, пока он спускался по отлогому склону. С каждым шагом в его душе росла тревога. Что же это за хворь, когда человек часами сидит неподвижно, свесив голову на грудь, позабыв про все на свете? Может, лихорадка? Или полуобморок? Или даже… смерть?

Шагах в шести от жены он остановился, скованный непонятной робостью, и прошептал:

— Сондевира, милая, что с тобой?

Она подняла голову, и по телу Бартана пробежала волна облегчения: он увидел на ее лице улыбку.

Сондевира глядела на него несколько секунд. Она по-прежнему улыбалась, но глаза ее были пустыми. Потом она снова опустила голову и

уставилась в землю.

— Сонди, что это еще за шутки? — Нагнувшись, Бартан коснулся рукой ее волос, и в это мгновение увидел, что творится у самых ее скрещенных лодыжек. Две крошечные многоногие твари сошлись, как решил поначалу Бартан, в смертельном поединке. Он завороженно разглядывал суставчатые тельца в форме полумесяцев не длиннее указательного пальца, темно-коричневые спинки и светло-серые брюшки. Они были совсем не похожи на других ползучих гадов, виденных им раньше. Из-под головы у каждого росло по одному толстому щупальцу. Бартан ежился от омерзения, а взгляд его машинально выделял из хитросплетения конечностей ноги, глазные стебельки и усики. Гады обхватили друг дружку щупальцами и вовсе даже не дрались, а спаривались… К тому же Бартан обнаружил только одну голову. Самец своей лишился, и теперь партнерша насыщалась бледной жижей, сочащейся из его шеи. А тело бедолаги как ни в чем не бывало дергалось в ритме совокупления, и похотливое подбрюшье самки отвечало экстатическими толчками.

Бартан отреагировал молниеносно и чисто инстинктивно: выпрямился и обрушил каблук на

копошащуюся мерзость. В ту же секунду Сондевира оказалась на ногах, крик ее резанул Бартана словно лезвие. Он с ужасом вскинул на жену глаза — разве можно так кричать, не открывая рта? — а в следующее мгновение был вынужден подхватить ее бесчувственное тело.

— Сондевира! Сонди! — Он неумело помассировал ей шею и щеки, пытаясь привести в чувство, — но без успеха. Голова Сондевиры свесилась через его локоть, зрачки закатились, а белки жутко поблескивали. Бартан поднял ее и понес к дому, разрываясь от страха и жалости.

Чуть в стороне от тропинки он заметил коричневые отблески в траве и тотчас сообразил, что это родичи тех пресмыкающихся уродцев. Дурные предчувствия еще сильнее охватили его — ведь до сих пор он ни разу не видел таких гадов. Ни сном ни духом не подозревал об их существовании. Откуда их столько взялось? Бартан шагнул в сторону, и его сапог опустился прямо на тварь, впечатав ее в дерн.

Сондевира шевельнулась в его руках, и издалека — с конца невидимого коридора в милю длиной — донеслась еле слышная копия того неестественного крика.

Еще дважды по пути к дому ему попадались

безымянные существа, бегущие навстречу на многосуставчатых ножках, и оба раза он давил их всмятку под дикий вопль жены. Бартану было невдомек, что может связывать ее с этими уродцами и отчего она, находясь в обмороке, ощутимо вздрагивает, когда они погибают. Мучил его и другой вопрос: можно ли кричать, да еще так душераздирающе, сквозь плотно сжатые губы?

В сознании Бартана сгущалась угрюмая тьма, по спине растекался холод, наводя на мысль, что окружающий солнечный мир — не более чем обман, что он переступил границу постижимого. Он внес Сондевиру в спальню и осторожно положил на кровать. Лоб у нее был прохладный, лицо, как всегда, чуть розовое, и казалось, что она просто-напросто спит. Он тряс ее, настойчиво звал по имени — безрезультатно. Он стащил с нее накидку и уже снимал сандалии, когда заметил крапинку засохшей крови на правой голени. Она сразу исчезла под нажимом влажной ткани, даже следа не осталось на безупречно гладкой коже. Бартан перевел дух: значит, это все-таки не укус одного из тех мерзких крошечных каннибалов. Но тогда что же? Ведь с Сондевирой что-то случилось, и он, как ни старался, не мог избавиться от мысли, что тут замешаны эти маленькие пресмы-

кающиеся. Может быть, они источают какой-то сильный яд, и человеку достаточно одного прикосновения, чтобы потерять сознание?

Стоя у кровати и глядя на неподвижное тело жены, Бартан ощущал, как в его душу закрадывается тоска. «Артунл прав, — подумал он. — Я был предупрежден — и смолчал. Я привел их сюда, и каков итог? Двое покончили с собой, один исчез, а может, убит. Дети рождаются мертвыми. Взрослые — кто спятил, а кто близок к этому. У всех — дикие видения, кошмарные сны. Друг идет против друга, добряк превращается в злыдня. А теперь еще и это! У Сондевиры — неизвестная болезнь, и земля исторгает из себя страшных тварей».

Гигантским усилием воли он взял себя в руки и попробовал хоть чуть-чуть возродить дарованный ему природой оптимизм. Он, Бартан Драмме, отлично знает: призраков и демонов не существует. И если не бывает злых духов, разве может быть злым место? Допустим, с тех пор, как секта Исконного Первородства осела в Корзине Яиц, ее одолевают неудачи. Но неудачи всегда рано или поздно кончаются, и начинается полоса везения. Артунл поступает глупо: нельзя бросать дело после того, как отдал ему столько сил и

времени. Надо вести хозяйство и ждать, когда все переменится к лучшему. В общем, Бартан знает свой долг: быть рядом с женой и делать все, что в его силах, ради ее выздоровления.

Он уже устроился на своей половине кровати и приготовился войти в роль ночной сиделки, но тут мысли его снова вернулись к жутким гадам, чье появление предшествовало таинственному несчастью с Сондевирой. Здесь, на Верхнем Мире, люди встретили много любопытных форм жизни, в том числе и в высшей степени неприятных на вид, — но таких гнусных, как эти, несомненно, должны были обнаружить давным-давно. Пожалуй, Бартан оказался слишком скор на расправу, не стоило идти на поводу у инстинкта. Если он увидит еще одного уродца, то уже не поддастся отвращению. Поймает страшилище и отнесет кому-нибудь, кто знает толк в местной живности.

Бартан приподнял безвольную голову Сондевиры, направил на нее поток своей жизненной силы и держал так, пока его не встревожило какое-то тихое царапанье. Он склонился набок и напряг слух. Звук был едва различим, но Бартан сумел определить, что он доносится из-за двери. Недоумевая, он встал и в несколько шагов пересек спальню и кухню. Полоска яркого света

между дверью и полом нигде не прерывалась, но Скреблись по-прежнему. Он отворил дверь, и с притолоки, задев его по щеке, упал кто-то скорченный, извивающийся.

Бартан не удержался от возгласа, лицо его исказилось от ужаса и омерзения. Он резко отпрянул, а пресмыкающееся глухо стукнулось головой о пол. Мелькнуло светло-серое брюшко, затем тварь встала на ноги и двинулась в кухню, всем своим видом демонстрируя решимость и целеустремленность. Единственное толстое щупальце тянулось вперед, вопросительно обшаривая пространство. Напрасно Бартан зарекался рубить сплеча: подошва опустилась сама собой, и он ощутил, как расплющилось и лопнуло скользкое тельце, а между висками взорвался исполненный смертной муки вопль. Сондевира!

Бартан захлопнул дверь и подпер ее спиной. Его трясло от омерзения, а перед глазами стояли образы человеческих существ — жены фермера и играющих малышей. Их протянутые вперед руки плавно извивались, подражая бескостному щупальцу.

Глава 8

Прослужив на крепостях почти беспрерывно год с лишним, Толлер уже не мечтал научиться нормально спать в невесомости. В часы бодрствования необъяснимая боязнь падения, заразившая все экипажи, притуплялась, но спящий мозг не имел от нее защиты. В часы отдыха воздухоплаватели все без исключения ворочались в гамаках и бессвязно бормотали — им мерещилась летящая навстречу планета, и в момент мнимого столкновения они просыпались, будя криком товарищей.

Толлер придумал для себя распорядок, который помогал справляться с этой неурядицей. За шестнадцать дней вахты в зоне невесомости он ни разу не пытался как следует уснуть, только дремал урывками, если позволяли обстоятельства. Зато, когда наступало время возвращаться, он сворачивался калачиком в шерстяной утробе мешка для падения и большую часть пути спал мертвым сном, покачиваясь, как в люльке, под мягкое шуршание воздуха, затекающего в горловину. Вначале его озадачивал этот феномен, но потом он объяснил его тем, что во время падения

осознаваемое соответствует ощущаемому, то есть разум и тело не спорят друг с другом.

Очередная вахта в зоне невесомости подходила к концу, еще сутки — и пора будет возвращаться. Толлер вымотался до полусмерти и перед тем, как улечься в гамак, вдруг впал в задумчивое оцепенение — нечто промежуточное между сном и явью, где нет разницы между прошлым и смутно осознаваемым настоящим. На борту первой — самой большой — крепости, которую он сделал своей штаб-квартирой, чтобы всегда быть в центре событий, звучали только неразборчивые голоса двух вахтенных да иногда — посапывание мехов, поддерживающих нужное давление воздуха.

Толлер повернулся лицом к борту и устроился поудобнее. Уют — вот чего ему так недоставало с начала войны. Теперь борта были проконопачены паклей и обиты шкурами — для теплоизоляции и дополнительной герметичности корпуса. Как-то в одно из предыдущих дежурств Толлер среди ночи уловил слабый, но непрерывный свист. Его источник обнаружился в средней секции крепостного цилиндра — оказалось, большой сучок ссохся и пропускал воздух. Толлер легонько постучал по нему согнутым пальцем, и

сучок вывалился наружу. Поскольку Толлер сам вызвал повреждение, он сам его и устранил с помощью деревянной пробки и замазки, нисколько не сомневаясь, что слух об этом мигом облетит его армию, и все еще раз убедятся, что в небе лорд Толлер Маракайн не ставит себя выше простых матросов.

Подобные мелочи он делал не без умысла, но оправдывал это тем, что в межпланетной войне с ее чудовищными нервными перегрузками именно такой стиль поведения оптимален для командира. Король Чаккел даст приказ, и солдат под страхом смерти отправится в зону невесомости. Но там командир не добьется от него полной отдачи, если сам не будет образцом, если не докажет, что готов делить с подчиненным все трудности и лишения и встречать с ними плечом к плечу любые опасности.

А опасностей было хоть отбавляй.

Защитникам Верхнего Мира повезло необыкновенно: Рассамарден, неведомый властелин неведомого Старого Мира, не успел в кратчайшие сроки начать вторжение. Не один десяток дней провисели две первые крепости в срединной синеве, а враг все не появлялся. Отсрочка же очень пригодилась: под руководством Завотла небес-

ные стражники измерили область относительно плотного воздуха в месте соприкосновения атмосфер. Для этого корабль был завален на борт и прошел на реактивной тяге шестьдесят миль по горизонтали, пока у пилота не закружилась голова от удушья. Как раз в тот момент, когда он разворачивал корабль, шар лопнул, не выдержав дополнительной перегрузки вращающего момента. Чудом не лишившись сознания, пилот сумел на индивидуальном воздухоструе дотянуть до гравитационного поля Верхнего Мира, а на другой день опустился на парашюте и пешком добрался до Прада. Его спасение самым утешительным образом подействовало на всех чинов небесной службы, но результаты эксперимента обеспокоили высокое начальство. По расчетам выходило, что мост — такое название приобрела вскоре воздушная перемычка, где человеку не грозила смерть от удушья, — в поперечнике имеет больше десяти тысяч квадратных миль, и спрашивается, где взять столько крепостей, чтобы прикрыть его пушечным огнем?

И снова Завотл, непревзойденный мастер решать любые проблемы, нашел выход. Воодушевленный успешными испытаниями индивидуальных летательных аппаратов, он

сконструировал простейший реактивный истребитель — пилот мог сидеть на нем верхом, как на синероге. Средней величины двигатель, взятый от обыкновенного небесного корабля, привычные кристаллы пикона и халвелла — и в результате стрелок может удаляться от крепости на много миль. По расчетам Завотла, учитывая, что радиус действия истребителя всего двенадцать миль, для надежной обороны моста было вполне достаточно двадцати пяти крепостей.

Качаясь в мягких объятиях гамака, Толлер вспоминал удивленное и радостное лицо Чаккела, когда тот услышал эту спасительную идею. Король, несомненно, не посмотрел бы на дефицит материальных и человеческих ресурсов и построил все сто крепостей, как того требовал первоначальный план. Однако была и еще одна загвоздка: большинство пилотов по молодости лет не представляли себе всех ужасов птертоза, а потому не понимали, зачем от них требуют сверхчеловеческих усилий. Тем более что и война казалась ненастоящей. Вот почему реактивный истребитель явился для Чаккела сущим подарком, и первая партия этих машин была выпущена в рекордно короткий срок — правда, не без участия природы, заблаговременно упростив-

шей задачу конструктора. Реактивный двигатель представлял собой нижнюю часть браккового ствола — плюс камера сгорания на конце, где смешивались ингредиенты топлива. Кристаллы пикона и халвелла поступали туда под давлением воздуха и при контакте друг с другом взрывались, образуя большие порции маглайна, который вырывался из сопла, толкая двигатель в противоположную сторону. Чтобы облегчить управление, кораблик снабдили седлом и по всей длине обшили деревянным кожухом, а на хвосте установили плоскости на шарнирах, похожие на обрубленные крылья, — единственной их задачей было направлять полет истребителя. Вооружение состояло из двух маленьких пушек, заряжающихся с казенной части, — наглухо привинченные к кожуху, они могли быть наведены на цель только вместе с истребителем.

Балансируя на кромке сна, Толлер четко, со всеми подробностями, вспомнил свой первый вылет на одной из этих диковинных машин. Из-за небесного костюма с воздухоструем и парашютом двигаться было чертовски неудобно, и не сразу удалось освоиться в седле, приноровиться к рычагам управления. Толлер кожей ощущал на себе взгляды матросов первой крепости. Он

до предела поднял давление в воздушном резервуаре и сдвинул рычаг дросселя. Он вовсе не собирался рвать с места и был застигнут врасплох диким скачком и оглушительным ревом машины. Минуты три ушло на ее усмирение, и все это время струйки ледяного воздуха царапали лицо. Наконец он освоил полет по широкой спирали, вырубил двигатель, предоставив сопротивлению воздуха остановить машину, и с крепнущим восторгом повернулся к крепости, смеясь и ожидая аплодисментов.

А крепости не было!

Да, из первого знакомства с физикой реактивного истребителя лучше всего запомнился приступ неудержимого страха. Лишь через несколько секунд он обнаружил яркую блестку, почти затерявшуюся среди серебристых звезд, и сообразил, что летел со скоростью, о которой прежде человек мог только мечтать.

Девять истребителей Красной Эскадрильи стояли бок о бок; на их обшивке играло солнце. Невдалеке над ними парила первая крепость, дополненная недавно тремя новыми секциями. Остальные крепости — Группа Внутренней Обороны — тоже находились поблизости, но казались совсем маленькими и незаметными в

густой синеве — даже через прозрачные обтекатели, поставленные специально для улучшения видимости. Верхний Мир — крышу вселенной — слегка подпалило по краям солнце, а круглый пол — Мир — был весь в синих и зеленых разводах, охряных крапинах и белых завитках. Но для пилотов истребителей самым важным была цель — небесный корабль; хоть он и висел в доброй миле от них, громадные размеры оболочки делали его отчетливым мазком на небесном холсте; сравнение с планетой тут было бы оправданным. Его отвели на порядочное расстояние от расчетной плоскости невесомости, в сторону Мира, чтобы пушечные ядра попадали в гравитационное поле врагов. Дело в том, что из двух пилотов, погибших на тренировках, один налетел на пушечное ядро, когда учился летать с высокой скоростью. Снаряд угодил юноше точно в грудь. Сначала решили, что его случайно застрелил кто-то из товарищей, но после догадались: двухдюймовый чугунный шар почти неподвижно висел в воздухе с предыдущих стрельб. Чтобы обезопасить людей от подобных напастей, Толлер отдал приказ по всей армии: впредь разряжать пушки только в сторону Мира.

Он сидел верхом на своем «Красном-1» и, глядя в бинокль на мишень, ждал, когда вернется ее

пилот. Сорок с лишним дней прошло с тех пор, как в зону невесомости прибыли первые две крепости, а враги будто вымерли. По дворцовым покоям ползли слухи, что король переоценил угрозу нашествия, но Толлер и Завотл не желали успокаиваться. Они решили выжать из отсрочки максимум выгоды и с этой целью подняли в срединную синеву небесный корабль с отслужившей свой срок оболочкой.

В бинокль было видно, как пилот покидает гондолу, оседлывает и отвязывает свой истребитель из недоукомплектованной Синей Эскадрильи. Оставляя за хвостом струю конденсата, машина ринулась прочь от корабля, и через считанные секунды до Толлера донесся гулкий рев сопла. Истребитель круто взял вверх и исчез в ослепительных солнечных иглах.

— Чего ты ждешь? — Толлер махнул рукой Голу Перобэйну, крайнему левофланговому. Пилот отдал честь и бросил машину вперед; шеренгу истребителей окатило волной рева. Машина Перобэйна быстро уменьшалась, пикируя к обреченному кораблю; внезапно обе пушки дохнули струями пара, и командир, пристально следивший за маневром, понял, что залп дан в самый подходящий момент. Толлер перевел бинокль на

шар — вот сейчас он задергается, съежится, — и был разочарован, не заметив никаких изменений в плавных изгибах.

«Неужели промазал?» — Он дал сигнал следующему истребителю.

Когда четвертая машина, пилотируемая Беризой Нэрриндер, проатаковала без всякого результата, Толлер дал отбой и, бросив в камеру сгорания своего истребителя кристаллы, помчался вниз, на мишень. Вскоре он вырубил тягу, чтобы воздух остановил машину, и с близкого расстояния разглядел в видавшем виды льняном бодрюше несколько пробоин — на удивление маленьких, как будто шар успел подзалечить свои раны. Вовсе не такого эффекта ожидал Толлер от пушечных выстрелов. Поверхность шара немного сморщилась, но это можно было объяснить и естественной потерей тепла. Судя по всему, небесный корабль сможет как ни в чем не бывало опуститься на планету.

— Что же теперь, по гондолам палить? — спросил Юмол, подплывая к нему на «Красном-2». Грудь у него ходила ходуном — не так-то легко дышать разреженным воздухом.

Толлер отрицательно покачал головой.

— Если атакуем гондолы, попадем под ответ-

ный огонь. Нападать надо сверху, чтобы враг не видел, и стрелять… стрелять по оболочкам… — Он ломал голову, пытаясь вообразить подходящее оружие, и тут далеко внизу пронесся крупный метеорит, на краткий миг осветив небо.

— Чем-нибудь вроде этого. — Юмол опустил с лица шарф, чтобы показать Толлеру улыбку.

— Пожалуй, это за пределами наших возможностей, хотя… — Толлер снова умолк, пережидая звуковую волну. — Но мыслишь ты, старина, в верном направлении. Распорядись, чтобы кто-нибудь забрался на корабль и подогрел шар. Я скоро вернусь, а ты пока сделай все как было.

Он уперся ногой в кожух Юмолова истребителя, который по воле воздушных потоков то и дело тыкался носом в нос его машины, и оттолкнулся. Два «Красных» лениво, вперевалочку разошлись. Наученный горьким опытом первого полета на истребителе, Толлер легчайшим прикосновением ладони сдвинул рычаг дросселя, и летательный аппарат с рыком рванулся вперед, пройдя в нескольких ярдах от мишени. Как только он набрал достаточную скорость, Толлер поднял машину «на дыбы» и устремился ввысь, к флагманской крепости.

Вскоре он возвратился с оружием — самым

обыкновенным железным костылем; пакля на его тупом конце была пропитана фосфором. Толлер зажег паклю от фосфорного фитиля, помахал костылем, разжигая пламя, и спланировал к макушке шара. Костыль ровно, как дротик, полетел вниз и целиком утонул в податливой ткани. Лакированный лен занялся мигом, повалил густой коричневатый дым, и пока истребитель останавливался, пламя растеклось почти по всей верхушке шара. Прошло меньше минуты, и шар, конвульсивно содрогаясь, стал терять очертания и проваливаться в себя под ликующие крики пилотов. Вокруг подбитого небесного корабля росла удивительно плотная дымовая тучка — ее не разрывали потоки воздуха.

Толлер возвратился в шеренгу истребителей, такую неровную, что невозможно было отыскать в ней две машины, висящие четко вровень друг с другом или хотя бы параллельно, носами вниз. Но он давно смирился с этим непорядком: пока машина без движения, она слушается далеко не всякого. Вдобавок кое-кто из талантливых молодых пилотов, изучивших новый принцип воздухоплавания как свои шесть пальцев, похоже, веселился, точно проказливый мальчишка, когда обращался к командиру, вися у него над

головой вверх тормашками. А Толлер не видел смысла обуздывать своих молодцев: в бою всех удачливее и надежнее тот, у кого глаза не зашорены уставными догмами.

— Как все вы только что видели, — прокричал он, — лучшее оружие против шара — огонь. Сейчас это было проще простого. Я приблизился на малой скорости вплотную к кораблю, потому что на нем не было команды с мушкетами, и другой корабль его не прикрывал. Пока низкая скорость позволяет нам почти не выходить из слепого пятна, но, сдается мне, в бою все будет выглядеть иначе. Скорее всего придется пикировать стремглав, а из такой атаки сразу не выйдешь и волей-неволей попадешь в неприятельскую зону поражения. На этом этапе мы будем очень уязвимы, особенно если мирцы обзавелись пушкой мгновенного действия, вроде их мушкетов.

Перобэйн убрал с лица шарф.

— Но ведь, ежели лететь побыстрее, можно за несколько секунд управиться. — Он повернулся к ближайшим истребителям. — Готов побиться об заклад, я полечу быстрее пули.

— Ага, прямо на другой корабль, — возразил Толлер, подавляя смех.

Бериза Нэрриндер жестом попросила слова.

— Милорд, а как насчет луков и огненных стрел? Я к тому, что лучник может чуть раньше выйти из пике…

— Так-то оно так, но… — Толлер запнулся, осознав, что крыть ему нечем, его устами говорит предвзятость: он никогда не считал лук оружием. Дельное предложение. Особенно если сделать наконечники наподобие рыболовных крючков… чтобы цеплялись к бодрюшу… Тогда самый посредственный лучник, каковым он считал себя, вряд ли промахнется по цели величиной с дом.

— Что скажете, милорд? — Воодушевленная явным одобрением других пилотов, Бериза привстала на ножных опорах истребителя.

Толлер ответил с улыбкой.

— Но разве это честно по отношению к врагу? Сбивать его корабли огненными стрелами будет проще, чем ребенку — прокалывать мыльные пузыри. Во мне протестуют спортивные рефлексы! Разве так… — Его слова потерялись в дружном хохоте, прокатившемся по шеренге пилотов.

Толлер поклонился Беризе и снова улыбнулся, чтобы подольше повеселить народ. Никто из его пилотов еще не бывал в бою, но сам-то он как старый рубака знал: пусть удача в этой войне всегда будет на стороне Верхнего Мира, все равно

дни беззаботности, веселья и оптимизма кое для кого из этих ребят сочтены. Даже если они останутся живы.

Посередине между планетами выражения «малая ночь» и «утренний день» потеряли смысл. Здесь сутки представляли собой два равных периода темноты (меньше четырех часов) и два дневных (чуть больше восьми). Темнота наступала, когда солнце заходило за Мир или Верхний Мир. Поначалу Толлер старался отличать ночь от малой ночи, утренний день от дня вечернего, но скоро сдался, и только возвращение в мешке на Верхний Мир иногда нарушало неприметное чередование тьмы и света. В свободные от вахты часы, когда он подремывал в гамаке, судить о времени бывало особенно трудно; выручало только медленное смещение солнечных лучей, падающих в иллюминаторы.

Блаженные грезы развеялись под натиском сердитых голосов. Не так уж редко на борту летающей крепости разгорались споры, но сейчас в перепалке участвовала женщина — Бериза Нэрриндер, сразу предположил Толлер. Он не совсем понимал, почему неравнодушен к ней. Сексуальное влечение? Нет, конечно. Когда Джесалла ясно дала понять, что интимная близость

между ними осталась в прошлом, в нем вдруг угасло физическое влечение к женщинам. Угасло на удивление быстро и безболезненно. Он и раньше был из породы мужчин, которые умеют обходиться без секса, никогда о нем не думают и не жалеют о вынужденном воздержании. Толлер вовсе не старался наблюдать за Беризой, однако знал, когда у них совпадают вахтенные часы, и в любой момент мог бы сказать, где она находится и чем занимается.

Он открыл глаза. От вахты впередсмотрящего в крепости не освобождали никого, и сейчас ее несла Бериза, привязанная к одному из больших биноклей, постоянно направленных на Мир. Рядом с ней маячила высокая угловатая фигура Импса Картводира, делопроизводителя Группы Внутренней Обороны. В командной рубке у него была своя «контора», как он называл сумрачный закуток за плетеной ширмой. Картводир редко выходил оттуда без особой необходимости.

— Или картинки рисовать, или вахту держать, — брюзжал он. — Нельзя одновременно делать два дела.

— Может, вам это и не по силам, а я не вижу тут ничего сложного. — Четко очерченные брови Беризы сошлись к переносице.

— Я о другом говорю. — На вытянутой физиономии Картводира легко угадывалось застарелое недовольство: ну почему в этом нелепом мире у какого-то пилотишки в ранге капитана власти больше, чем у важного тыловика? — На посту положено следить за неприятельскими кораблями и не отвлекаться.

— Когда пойдут неприятельские корабли… если пойдут, мы их увидим за много часов до того, как они будут здесь.

— Суть в том, что мы на военном объекте и должны соблюдать военный распорядок. Тебе тут не за рисование платят. — Картводир скривился, взглянув на прямоугольник плотной бумаги в руке Беризы. — Да и вообще художник из тебя никакой.

— Почем ты знаешь? — Бериза заметно разозлилась. В глубине тесного цилиндра раздались смешки обслуги мехов.

— Эй, может, хватит препираться? Дайте отдохнуть, — негромко попросил Толлер.

Картводир ужом извернулся в воздухе и оказался к нему лицом.

— Сир, я весьма огорчен, если нарушил ваш сон. Видите ли, мне пришлось срочно готовить к ближайшему мешку по меньшей мере дюжи-

ну докладов и списков необходимого. Но разве можно работать под скрип угля капитана Нэрриндер?

Толлер с недоумением заметил на лице пятидесятилетнего служаки неестественную бледность. Так злиться из-за какого-то пустяка?!

— Возвращайтесь в «контору» и займитесь докладами, — велел он, снимая гамак. — Больше вас не будут отвлекать.

У Картводира затряслись губы, но он не сказал ни слова, лишь кивнул и неуклюже двинулся в свое обиталище. Толлер пустился в медлительный полет и закончил его возле Беризы, ухватившись за скобу. Ее зеленые глаза встретили его со спокойным вызовом.

— У нас с вами положение куда лучше, чем у таких, как Картводир, — заметил он.

— В каком смысле, милорд? — Из всех летчиков Толлера она одна все еще обращалась к нему по-уставному.

— Мы здесь — по своей охоте. Мы вольны каждый день покидать эти темные, тесные деревянные коробки и парить в небесах, подобно орлам. Всем нам нелегко дается ожидание, но вообразите, каково приходится тем, кто вовсе сюда не просился и не имеет возможности бежать?

— Я не знала, что уголь так скрипит, — сказала Бериза. — Найду карандаш… конечно, если вы не против.

— Нет, конечно, я не против. Вы совершенно правы: врасплох нас не застать. — Толлер вытянул шею и увидел на листке крепость, показанную изнутри в воздушном стиле — в сиянии резко очерченных параллельных солнечных лучей, падающих из ряда иллюминаторов. Люди и механизмы уступали лучам в четкости. Рисунок Толлеру понравился, хотя он и не взялся бы судить о нем по существу.

— Зачем это вам? — поинтересовался он. Она криво улыбнулась.

— Старый Импс упрекает меня в пренебрежении долгом, но я уверена, что у каждого из жителей Верхнего Мира — иной, высший долг. Человек обязан находить в себе и развивать природные таланты… Не знаю, выйдет ли из меня художник, — посмотрим. Не выйдет — попробую себя в стихосложении, музыке, танцах… Буду искать, пока не найду, а уж тогда трудов не пожалею.

— А почему это долг?

— Ну как же! Из-за Переселения! Неужели такое могло сойти с рук? Ведь на Старом Мире

осталась душа нашего народа. Да знаете ли вы, что на кораблях Переселения не было ни одной картины? А книги, скульптура, музыка? Где это все? Брошено…

— Разве вы забыли, что это была отнюдь не увеселительная воздушная прогулка? — спросил Толлер. — Мы бежали и увозили самое необходимое для выживания.

— Да, ювелирные украшения и бесполезные деньги! Тонны оружия! Для выживания народа необходим костяк культуры, только на нем могут удержаться все прочие элементы бытия. Но как раз его-то у нас и нет. Король не отвел ему местечка в великих планах сотворения нового Колкоррона. Убегая, мы бросили самое главное свое сокровище, вот почему на Верхнем Мире сейчас так пусто. Не оттого, что нас мало и мы рассеяны по всему миру. Нет, мы страдаем из-за духовной пустоты.

Идеи Беризы показались Толлеру странными, и все-таки ее слова задели что-то в самой глубине его души. Особенно — слова о пустоте. В молодые годы он часто любовался ро-атабрийским солнцем, медленно тонущим в вечернем сумраке, — где вы, истома юного сердца, нисходящее с небес умиротворение? Скучен и холоден закат,

даже когда рядом — Джесалла… Да что закат… Вспоминая перед сном успехи минувшего дня, он не испытывал удовлетворения и не ждал с нетерпением утра. Если б он задался вопросом, какое чувство теперь навевает заход светила, то ответил бы сразу: острую печаль. Кажется, будто небо на западе Верхнего Мира, меняющее цвета с алого и золотого на павлинью зелень и синеву, обрамлено пустотой…

Какое точное слово, и как странно слышать его от чужого, в сущности, человека… До сих пор Толлер считал причиной своей тоски некую скрытую хворь, но разве только что услышанное объяснение — не лучше? Что, если в душе он — эстет, и с каждым днем его все острее гложет тревога за народ, лишенный культурных корней?

В следующее мгновение прагматичная сторона его естества очнулась и поспешила с ответом: «Нет. Червю, что точит сердцевину моей жизни, нет дела до поэзии и живописи. Как нет до них дела и мне».

Он едва заметно улыбнулся. Стоит чуть забыться, и как далеко тебя уносит в царство досужих мыслей! В следующий миг Толлер почувствовал пристальный взгляд Беризы.

— Вы не подумайте, — сказал он, — я не над

вами смеюсь.

— Да, — отозвалась она задумчиво, не сводя с его лица изучающих глаз. — Похоже, не надо мной.

* * *

Среди мириада событий, что вновь и вновь разворачивались в памяти Толлера, самым ярким и отчетливым было начало настоящей войны…

После вывода в зону невесомости первых двух крепостей минуло семьдесят три дня — не столь уж долгий срок для мужчин и женщин, чью безмятежную жизнь на Верхнем Мире ничто не омрачало, но в чуждой людям стихии — срединной синеве — они казались годами.

Закончив на сегодня тренировочные полеты со стрельбой из лука, Толлер не спешил возвращаться в гнетущую тесноту крепости. Его истребитель дрейфовал ярдах в пятистах от расчетной плоскости, и с этой точки было удобно наблюдать за суетой в окрестностях Группы Внутренней Обороны. Со стороны Прада медлительно поднимался корабль снабжения, его шар выглядел четким коричневым кружочком на фоне рельефных узоров Верхнего Мира. Справа Первая Командная Станция разбрасывала по индиго небес солнечные отблески. Неподалеку виднелись меньшая трех-

секционная крепость с мастерскими и складами и редкий рой истребителей Красной Эскадрильи. Любого из десятков людей — малюсеньких, точно скульптурки, изваянные умелым ювелиром, — можно было разглядеть как на ладони.

Зрелище, как всегда, впечатляло. Как далеко они ушли от наивного первоначального плана — перегородить всю зону невесомости крепостями, чьи пушки отразили бы вражеское нашествие! Самый большой шаг вперед — создание истребителя; его огромная скорость перечеркнула концепцию станции как изолированной и самодостаточной боевой единицы. Станции — более не крепости, у каждой — своя роль. Эта — казарма, следующая — мастерская, дальше — склады и арсенал; но первостепенное значение отныне принадлежит истребителям.

Какой бы мудростью ни отличались тыловые проектировщики, Толлер твердо придерживался своей концепции: новаторство и эволюция, как правило, произрастают на почве практического опыта. Даже Завотл, мыслящий в категориях, обусловленных нормальной силой тяжести, не мог предвидеть проблемы, которые возникали теперь из-за невесомого лома и прочих отходов производства. Драматическим примером

служила гибель юного Аргитэйна, летчика-истребителя, убитого дрейфующим пушечным ядром. Однако загрязнение окружающего пространства всевозможными отходами человеческой жизнедеятельности день ото дня вызывало все большую озабоченность.

Психологический стресс, неизбежный в условиях жизни «на проходной», усугублялся унизительной необходимостью справлять естественные нужды в невесомости. Что и говорить: едва ли кто испытывал восторг от перспективы лицезреть небесные крепости в окружении сгущающихся облаков из нечистот. Картводиру было поручено сформировать особую бригаду — мгновенно и безжалостно прозванную «дерьмовым патрулем», в чьи незавидные обязанности входило вылавливать все тошнотворные отходы и упаковывать в огромные мешки. Затем эти мешки буксировали на истребителях за несколько миль по направлению к Миру и там препоручали гравитационным клещам планеты, что служило постоянной подпиткой непристойных шуточек, имевших хождение среди гарнизонов крепостей.

Другая проблема, требующая незамедлительного решения, возникла при попытке образовать внешнее оборонительное кольцо. Первоначаль-

но предполагалось растянуть линию станций на тридцать миль — разумеется, это значительно расширяло зону прикрытия, но при том, что крепости удалялись друг от друга более чем на четыре мили, делало их снабжение и локализацию практически невозможной задачей. Действительно, второй несчастный случай среди истребителей произошел, когда летчица при возвращении с одной из таких внешних станций — быть может, из-за элементарной невнимательности, — сбилась с пути и сожгла весь запас энергетических кристаллов в тщетных попытках определить местонахождение базы. Лишившись спасительного тепла, шедшего от двигателя, несчастная девушка умерла от переохлаждения. Потом, по чистой случайности, ее тело обнаружили товарищи. С тех пор было решено сконцентрировать все станции ближе к центру, а остальное пространство контролировать при помощи мобильных истребителей.

Подобно другим летчикам, Толлер обнаружил, что его легкие постепенно приспосабливаются к разреженной атмосфере, но бороться с безжалостной стужей зоны невесомости не было никакой мочи. Вот и теперь, стоило ему задуматься, и через двадцать минут плавного дрейфа все оста-

точное тепло просочилось сквозь деревянный обтекатель, а сам Толлер, несмотря на защитный костюм, немилосердно дрожал. Он уже поднял давление в воздушном резервуаре, приготовившись вернуться на командную станцию, когда его внимание привлекла звезда, на секунду вдруг ярко вспыхнувшая, а затем начавшая пульсировать с подозрительным постоянством. Лишь услышав призывный сигнал горна, быстро затихавший в разреженном воздухе, Толлер сообразил, что занятная звезда — на самом деле далекая станция, передающая срочное послание по солнечному телеграфу. Сердце его споткнулось, застыло в субъективной вечности, потом пустилось в ритмичный пляс.

«Они приближаются! — подумал он, судорожно глотнув воздух. — Вот оно — началось!»

Толлер сдвинул рычаг дросселя и рванул к командному пункту. По дороге, натянув защитные очки от воздушных струй, жалящих веки, он невольно вглядывался в участок неба, пролегающий меж ним и далекой выпуклостью Мира, но ничего необычного так и не заметил. Вероятно, медленно плывущая вражеская армада находится за добрую сотню миль от крепости и пока недоступна невооруженному глазу человека.

Толлер поравнялся со станцией, и в тот же миг горнист, сидевший в недавно пристроенном воздушном шлюзе, оборвал сигнал и юркнул внутрь. Летчики-истребители — каждый с цветной нашивкой на плече, указывающей на его принадлежность к определенной эскадрилье, — выпархивали из ближайшей трубы казармы, а обслуживающий персонал устремлялся к стрелоподобным летательным аппаратам, кружась в шипящих струях газа, испускаемых подопечными машинами.

Пришедший на помощь Толлеру механик с крепежным линем позволил ему без лишних хлопот нырнуть в длинный цилиндр корпуса станции. Обе двери воздушного шлюза были распахнуты, и Толлер мгновенно переместился из необъятной залитой солнцем вселенной в темный микрокосм крепости, насыщенной испарениями, забитой людьми и вещественными доказательствами их длительного пребывания в этом тесном мирке.

Возле наблюдательного поста висели Картводир и коммодор Билтид. Они с головой ушли в жаркий спор. Билтид, прямым приказом Чаккела назначенный на должность начальника штаба, был упрямец и сухарь каких поискать, но тут он чувствовал себя не в своей тарелке — во-первых,

из-за вечного страха высоты, а во-вторых, из-за натянутых отношений с Толлером. У него просто не укладывалось в голове, как это его начальник позволяет себе всякие мальчишеские выходки вроде полетов на истребителе.

— Милорд, взгляните вон туда, — сказал он, заметив Толлера. — Враг наступает несметными силами.

Толлер подобрался к биноклю и приник к окулярам. В глаза бросился яркий до рези фон — синева и зелень с белыми жгутиками, а в центре — мелкие черные брызги с радужным отливом по краям; это, отметил про себя Толлер, из-за несовершенства оптики. Внезапно картина приобрела головокружительную объемность. Взгляд Толлера падал вниз и проникал сквозь длинную — во много миль — вертикальную тучу небесных кораблей. Сосчитать их было невозможно. Не меньше сотни, решил он.

— Ты прав. — Толлер поднял голову и посмотрел на Билтида. — Враг наступает большими силами. Чего и следовало ожидать.

Билтид кивнул, прикрыл рот платком, и кислый запах, сопровождавший его неотлучно, превратился в зловоние.

— Прошу извинить… — выговорил он, звучно

давясь. — Нам необходимо приготовиться.

«Хитрец», — вымолвил про себя Толлер и тут же пожалел этого беднягу — по нелепой случайности на его плечи легло тяжелейшее бремя.

— Но у нас очень серьезное преимущество, — сказал он вслух. — Во-первых, мы видим врага, а он о нас не подозревает. Во-вторых, у нас — истребители, а противнику даже не снилось ничего подобного. И мы должны извлечь из этого обстоятельства максимум выгоды.

Билтид кивнул еще энергичнее.

— Все истребители — в полной исправности, сейчас их заправляют и оснащают. Я рекомендую бросить в бой Красную и Синюю Эскадрильи, а Зеленую оставить в резерве. Это позволит нам…

— Неплохая тактика для наземного сражения, — перебил Толлер, — но вы забыли, что второй раз застигнуть мирцев врасплох не удастся. Есть шанс начать и закончить войну в один день. А для этого нужен сокрушительный удар. Я считаю, все три эскадрильи должны участвовать в деле. К тому же чем больше летчиков пройдут крещение огнем, тем лучше.

— Милорд, вы, как всегда, правы. — Билтид опустил платок. — Я был бы несказанно рад, когда бы мы могли определять скорость подъема

неприятельских кораблей. Если они достигнут расчетной плоскости в ночные часы, то некоторые, вероятно, проскользнут незамеченными.

— Никто мимо нас не проскользнет! — рявкнул Толлер, потеряв терпение. — Ни один! — Он отлетел от Билтида и Картводира к другому иллюминатору, где ничто не заслоняло Мир. Солнце смещалось к Старому Миру и часа через два должно было скрыться. Толлер произвел в уме кое-какие расчеты и выругался, поняв, что начинать сражение придется в крайне невыгодных условиях. В сутках — два периода темноты, прозванные на станциях ночью Мира и ночью Верхнего Мира, в зависимости от того, какая планета закрывает солнце. По длительности они примерно одинаковы, но разница все-таки ощутима. Скоро Мир заслонит солнце, и наступит одноименная ночь, но при этом Верхний Мир будет весь освещен, да так ярко, что хоть книгу читай. И так — в течение часа, а потом Верхнего Мира коснется цилиндрическая тень Старого Мира, и еще через час действительно наступит кромешная тьма — почти на два часа, пока рассветные лучи не поцелуют Верхний Мир в щеку. В этот период небеса искрятся звездами, завитками туманностей и брызгами комет, но,

увы, не настолько ярко, чтобы можно было без труда разглядеть даже такой крупный предмет, как оболочку воздушного корабля. Намного легче было бы отражать атаку в часы ночи Верхнего Мира, ведь планета Мир шире своей сестры и никогда не прячется целиком в ее тени.

«Если неприятельские корабли в сотне миль, — прикидывал Толлер, — и идут на максимальной скорости, то могут достигнуть расчетной плоскости как раз глубокой ночью». Он и так, и сяк прокрутил в голове эту мысль, а потом пришел к выводу, что рано падать духом. Мирцы — воздухоплаватели малоопытные и наверняка нервничают, ведь им предстоит первая встреча с невесомостью и вдобавок — инверсионный маневр, процедура в высшей степени противоестественная. Разве не напрашивается предположение, что они не будут лезть на рожон и постараются войти в срединную синеву в наиболее удобное время суток?

Толлер почти убедил себя в этом, во всяком случае, успокоился. С радостью покинув затхлое, сырое, выстуженное помещение, он посвятил целый час проверке Группы Внутренней Обороны. Две другие командные станции — базы Синей и только что сформированной Зеленой Эскадрилий

— регулярно сообщали о поведении противника. Впередсмотрящие подтверждали, что армада приближается очень медленно. Наступила ночь, но пилоты истребителей, отозванные на станции, даже не пытались уснуть и коротали время при свечах; одни оживленно спорили, другие играли на деньги, третьи держались поближе к машинам, бдительно следя за работой механиков, которые заправляли кристаллами топливные резервуары и размещали боезапас.

Наконец над краем Верхнего Мира появилась светлая долька и быстро растянулась в тонкий полумесяц. Когда сияние залило больше четверти планеты, предвещая наступление дня, Толлер зачастил к биноклю на наблюдательном посту Первой Командной Станции. В таинственном тусклом свечении планеты-сестры купался громадный диск Мира, похожий на шар из прозрачного воска с горящей свечой внутри. Фон, хоть и просветлел к этому времени, по-прежнему не желал открывать глазам контуры небесных кораблей, и Толлеру досаждали дикие фантазии: а вдруг армада мирцев разогналась под покровом тьмы и проскочила расчетную плоскость незамеченной? Он едва дождался, когда солнечный месяц зальет станцию светом, — пустая надежда,

чужеземные корабли по-прежнему прятались в бахроме неторопливо разворачивающейся тени планеты.

И вдруг они появились!

Вопреки ожиданиям, зрелище очаровывало. К срединной синеве приближался рой крошечных сверкающих полумесяцев идеальной формы, похожих друг на друга как две капли воды — даже не по себе становилось от этого рукотворного сходства. Ряд за рядом, слой за слоем… Толлера на миг охватило благоговение перед могуществом человеческой расы: подумать только, самым обыкновенным людям вроде него хватает дерзости и отваги, чтобы на хлипких сооружениях из ткани и дерева преодолевать межпланетное пространство! Им бы объединиться и устремить взор вовне, к звездам, а не растрачивать силы на…

— Должно быть, они уже недалеко, — произнес Билтид, отрываясь от бинокля. — Миль двадцать — тридцать. У нас не так много времени.

— Успеем, — буркнул Толлер, возвращаясь в прагматичный мир солдата. Повинуясь непонятному порыву, он подплыл к гамаку, снял со стены меч и повесил на пояс. Конечно, Толлер осознавал, сколь несуразно выглядит это оружие в небе, но почему-то с ним чувствовал себя спокойнее.

Пройдя через воздушный шлюз, он увидел, что остальные восемь пилотов его эскадрильи уже сидят в машинах, а рядом суетятся механики, разводя огонь в запальных чашах, установленных перед седлами и прикрытых колпаками. Та же картина — в миниатюре — повторялась в отдалении посреди безграничной синевы. Там готовились к бою две остальные эскадрильи. Несколько синих и зеленых машин уже летели к Первой Командной Станции — на соединение. За ними тянулись хвосты белого конденсата.

Скоро вокруг первой станции началось столпотворение. То и дело машины легко сталкивались друг с другом; пилоты при этом перешучивались, а механики, боявшиеся, что их раздавят, — бранились. Отлетев от станции на приличное расстояние, Толлер притенил глаза рукой и посмотрел в сторону Мира. Пришельцы были видны невооруженным глазом: серебристые пятнышки на пределе досягаемости зрения. В который раз он пожалел, что нельзя точно определить расстояние. Вступать в бой надо задолго до того, как враг войдет в расчетную плоскость, чтобы каждый подбитый корабль падал обратно на Мир. С другой стороны, если начать атаку слишком рано, у истребителей не хватит топлива. Судя по

всему, умение определять расстояние гораздо важнее для воздушного боя, чем для наземного.

Когда три эскадрильи собрались в полном составе, Толлер оседлал свой «Красный-1» и воткнул носки сапог в жестко закрепленные стремена. Затем отстегнул от борта лук, прихватил ремешком к левому запястью и проверил колчаны на боках истребителя. В груди снова буянило сердце, каждую частичку существа распирало знакомым азартом с необъяснимым оттенком полового возбуждения, — что всегда предшествовало головокружительному прыжку навстречу опасности. Подкачав воздух в топливные баки, Толлер окинул взглядом неровную, колеблющуюся шеренгу истребителей. Пилоты в небесных костюмах лишь отдаленно напоминали людей, их лица скрывались под шарфами и защитными очками, но он сразу же узнал Беризу Нэрриндер.

— Вы не раз и не два слышали план сражения, — прокричал он, решив предостеречь людей напоследок, — и я знаю, всем вам не терпится показать себя в деле. Но в горячке боя отвагу надо держать в узде! От храбрости до опрометчивости один шаг. Не забывайте ни на секунду, что каждый летчик способен уничтожить уйму вражеских кораблей, а значит, живой пилот

для нас гораздо ценнее мертвого. Ценнее, чем кому-то из вас может показаться в горячке боя. Сегодня мы нанесем врагу удар такой силы, о какой недавно даже мечтать не смели, но учтите: я не жду потерь с нашей стороны. Ни одного пилота, ни одной машины! Кончатся стрелы — не вздумайте палить из пушки. Сразу выходите из боя и утешайтесь мыслью, что к следующей стычке наберетесь ловкости и опыта и покажете мирцам, где раки зимуют!

Наттахайэл, пилот «Синего-3», кивнул, и через его шарф проскользнули змейки пара.

— Как пожелаете, сир.

— Это не пожелание, а приказ! Своими руками шкуру спущу с любого, кто вздумает лезть на рожон! И уж поверьте: куда приятнее встретиться с дюжиной костлявых мирцев, чем со мной. Всем ясно?

Несколько пилотов кивнули — пожалуй, чересчур энергично, — а почти все остальные отозвались смешком. Молодые добровольцы, перешедшие под начало Толлера из Воздушной Службы, изголодались по приключениям, и долгое ожидание слишком сильно сдавило пружины нервов. Толлеру очень хотелось, чтобы летчики намотали на ус его предостережения, но он знал

по себе: грань между благоразумием и азартом чересчур тонка. От солдата с непомерным инстинктом самосохранения еще меньше толку, чем от жаждущего славы недоумка. Очень может быть, что в самое ближайшее время он выяснит, сколько в его войсках и тех, и других.

— Как вам кажется, — спросил он, поднимая на лоб очки, — речей на сегодня довольно?

— Да! — раскатился по небу дружный возглас.

— А коли так, летим воевать.

Толлер прикрыл шарфом рот и нос и бросил истребитель вниз по широкой дуге. Мир ни на миг не выходил из середины поля зрения, а солнце, едва отошедшее от края планеты, осыпало Толлера мириадами ярких иголок, но ничуть не согревало. Под нарастающий дружный рев истребители строились в боевой порядок: каждая эскадрилья образовала клин. С небольшим отрывом от Толлера мчался Майтер Даас во главе Синих, а левее него Парго Юмол вел за собой Зеленую Эскадрилью. Оба были солидного возраста, оба — ветераны Экспериментальной Эскадрильи Небесных Кораблей и Переселения. «Интересно, — мельком подумал Толлер, — что они сейчас испытывают, низвергаясь к планете, которая подарила им жизнь? Разве могли они вообразить

такое до нашествия мирцев?» Прислушавшись к собственным чувствам, он снова встревожился: почему в жилах кипит кровь, как у юнца? Почему в мышцах играет сила? Половина его существа стремится домой, к Джесалле, мечтает все исправить, оправдать ее надежды. Но другая половина… Будь ее воля, она бы растянула этот миг до бесконечности. В волшебной иррациональной вселенной она бы выбрала именно такую жизнь. Вечно мчаться верхом в прозрачных ледяных брызгах света, навстречу необыкновенным врагам и неведомым опасностям. Но в настоящей вселенной это продлится всего лишь мгновение… Только до исхода битвы. А когда все кончится, жизнь покажется в тысячу раз скучнее прежней, и что ему останется? Праздное ожидание ничем не примечательной смерти.

«А может, — закралась в душу коварная мысль, — лучше вообще не вернуться с этой войны?»

Толлер поразился: вот ведь куда может завести самокопание! А между тем есть дела и поважнее. Он заставил себя вновь сосредоточиться на боевой задаче.

Было решено встречать врага минимум в десяти, максимум в пятидесяти милях от расчетной плоскости. Проклятие! Как определить

расстояние или скорость в пустоте воздушного океана, где нет никаких ориентиров? Толлер бросил взгляд через плечо — двадцать семь истребителей прокладывали в небе белую дорогу; где-то вдали нитки мерзлого пара сходились в точку и пропадали из виду вместе с гроздью станций и вспомогательных сооружений. «Уже не разглядеть, хоть и знаешь точно, где они, — подумал Толлер. — Скоро конденсат рассеется без следа, и как тогда искать базы? Сколько мы пролетели? Десять миль? Пятнадцать? Двадцать? Да еще солнце на вражеской стороне, будь оно неладно!»

Толлер заслонился ладонью от слепящего шара и отыскал чужие корабли. Теперь расстояние между ними и защитниками Верхнего Мира сокращалось гораздо быстрей. Уже можно было невооруженным глазом рассмотреть каждый сияющий полумесяц, а за ним — великолепный миниатюрный рисунок планеты в огненных тонах. Флот держался кучно и напоминал мерцающую икру.

«Далековато, — решил Толлер. — Подождем тут». Он раскинул руки в условленном сигнале и вырубил двигатель. Остальные пилоты одновременно закрыли дроссели, и тотчас во-

круг воцарилось всепоглощающее молчание бесконечности. Некоторое время истребители падали, и чем больше их скорость уступала сопротивлению воздуха, тем хуже они слушались рулей. Клин смялся, а затем и вовсе рассыпался. Машины остановились. Толлер знал, что эта неподвижность — мнимая, истребители вошли в гравитационное поле Мира, но на таком расстоянии от расчетной плоскости скорость их падения ничтожна.

— Драться будем здесь! — крикнул он. — Наберитесь терпения, нет смысла спешить. Чем позже сюда доберется неприятель, тем дальше от него отойдет солнце. Позаботьтесь о запальных чашах и старайтесь не отморозить конечности. Будет слишком холодно — полетайте малыми кругами, разогрейте машины. Но не увлекайтесь. В бою кристаллы очень даже пригодятся.

Толлер настроился на долгое ожидание, сетуя на отсутствие удобного и надежного прибора для измерения времени. Механические часы слишком громоздки для тактических задач, а традиционный армейский хронометр вообще бесполезен в зоне невесомости. Это устройство представляло собой тонкую стеклянную трубку, куда вставлялся тростниковый стебель, поде-

ленный черными рисками на равные отрезки. В трубку помещали часового жука, и он, пожирая стебель, продвигался со скоростью, одинаковой для всех взрослых особей его вида, и таким образом достаточно точно отмерял время. Для командиров на полях сражений этот способ вполне годился, однако в нулевой гравитации жук двигался беспорядочными рывками, а то и вовсе терял аппетит. Сначала думали, что всему виной лютый холод, но потом кто-то догадался поместить трубку в тепло и получил тот же досадный результат. Напрашивался немаловажный вывод: даже этому крошечному — с бусину — безмозглому насекомому не по себе, когда оно не ощущает собственного веса. Толлера это открытие заинтриговало, оно наглядно показывало связь человеческого существа с самыми примитивными и ничтожными обитателями планеты. Всех их породило одно биологическое явление, но только человек обрел разум, который позволил духу возобладать над органической механикой тела.

Пилоты Красной Эскадрильи коротали время в дружеской беседе, и Толлер радовался, что не слышно взрывов смеха. Почти всегда внезапный хохот — признак нервного перенапряжения.

Лучше всех держался восемнадцатилетний Типп Готлон, недавно переведенный из такелажников в пилоты вопреки возражениям Билтида. В новом качестве Готлон сразу показал недюжинный талант. Сейчас, болтая о пустяках с Беризой Нэрриндер, он то и дело прислонял ко лбу ладонь козырьком и окидывал небо бдительным взором. Среди летчиков Типп был самым молодым, но любой мог бы поучиться у него выдержке и хладнокровию.

Проходили минуты, и вдруг Толлер поймал себя на том, что слышит новый звук. Ошибиться было невозможно: это глухо ревут горелки приближающегося флота. Солнце отступило от Мира довольно далеко и уже не прятало в своем ослепительном сиянии шары небесных кораблей.

Юмол и Даас все чаще поворачивали головы к Толлеру — когда же наконец он даст сигнал атаковать? — но командир не спешил, решив дождаться, когда на «макушках» верхних шаров прорисуются швы и ремни. К этому моменту они будут менее чем в миле от подстерегающих истребителей.

Пространство, лишенное вех, норовило сбить с толку, но все-таки Толлер разобрал, что небесная армада продвигается по три-четыре корабля, со-

блюдая значительный вертикальный интервал между группами. Строй, растянутый на многие мили в глубину, напоминал разреженное овальное облако, самые дальние корабли по сравнению с передними казались песчинками. С точки зрения безопасности полета — особенно полета в темноте — такое построение выглядело удобным, но для прорыва защищенного рубежа можно было придумать что-нибудь и получше. Толлер улыбнулся. Сами того не ведая, мирцы дали ему преимущество, рядом с которым неудачное расположение солнца — сущий пустяк.

Охваченный боевым задором, он обнажил меч и рубящим ударом сверху вниз подал сигнал к атаке.

То, что за этим последовало, никак не походило на дружный натиск. Это было хладнокровное и методичное истребление. На совещании с Билтидом и командирами эскадрилий Толлер высказал идею, что в первом таком сражении за всю историю войн будет мало толку от двадцати семи высокоскоростных машин, мельтешащих в сравнительно малом объеме воздушного пространства. Не очень это выгодно и с точки зрения психологии, ведь после боя некоторые пилоты будут ходить в героях, козыряя множеством по-

бед, а другим так и не удастся пролить вражескую кровь, без чего воину невозможно поверить в свои силы.

И теперь по знаку Толлера лишь девятый пилот в каждой эскадрилье покинул строй и бросил машину навстречу ни о чем не подозревающему противнику. За тремя истребителями протянулись белые полосы и сошлись на самом верхнем эшелоне мирцев. Затем машины свернули вправо, выбросив по искре янтарного пламени, а через несколько секунд три головных шара окутались сумраком и распустили темные лепестки вокруг корчащихся языков красно-оранжевого огня. Драматическая скоротечность их гибели поразила Толлера; совсем не так горела мишень, которую он недавно поджег собственной рукой. Потом он догадался, в чем дело: корабли с Мира все еще двигались вверх и встречали сопротивление воздуха, которое не только раздувало пламя, но и разгоняло его по бокам шаров.

«Еще один подарок, еще один добрый знак!» — подумал он, когда очередная тройка истребителей унеслась на остриях перьев конденсата. Один воспламенил последний небесный корабль из верхних четырех и ушел вправо, а два других копьями промчались вниз, настигнув цель на

следующем ярусе. В самом скором времени их успех подтвердили еще два темных цветка, распустившиеся в неприятельском строю.

Сражение разгоралось, все больше напоминая бойню. Новые группы истребителей уносились в ее гущу, и у Толлера забрезжила надежда одним страшным ударом уничтожить весь флот мирцев. По сравнению с оболочками гондолы небесных кораблей очень невелики, и люди вынуждены подниматься вслепую, веря, что в небесах над их головами не таится опасность. Кроме того, когда корабли идут таким огромным числом, рев горелок заглушает все прочие звуки, а значит, экипажи нижних кораблей не подозревают об избиении верхних эшелонов; когда же узнают, будет слишком поздно. Если истребители, систематически уничтожая вражескую колонну, смогут добраться до самого «хвоста», никто из мирцев не спасется и не объяснит королю, что произошло с его армадой. И этого, возможно, будет достаточно, чтобы война закончилась в тот же день, когда началась.

Пьянея от восторга, Толлер любовался быстро меняющейся картиной. В небе рос запутанный до невозможности моток белой пряжи, тут и там проглядывали зернистые пятна дыма и пламени,

и чем больше истребителей вступало в дело, тем труднее было разобраться, что же там происходит. На тщательно нарисованный план сражения в диком беспорядке ложились мазки конденсата.

Когда наступил черед предпоследней тройки истребителей, Толлер свободной рукой прочертил в воздухе широкую дугу. Это означало, что машины должны поднырнуть под эпицентр боя и обрушиться на нетронутый эшелон. Пилоты кивнули и под рев дюз унеслись вниз и в разные стороны. В тот самый миг, когда они начали сближаться, откуда-то из середины мотка пряжи донесся жуткий грохот. Толлер предположил, что на одном из кораблей огонь добрался до взрывчатки — скорее всего до пикон-халвелловой бомбы. Едва ли кто-нибудь из экипажа уцелел в этой катастрофе, но для остальных кораблей она могла оказаться спасением. Наверняка грохот услышали далеко внизу и насторожились. Как в такой ситуации поступит любой здравомыслящий пилот? Конечно, положит корабль набок с помощью горизонтальных дюз и попытается выяснить, в чем дело.

Толлер озабоченно посмотрел на командиров эскадрилий — кроме них, рядом с ним на исходной позиции истребителей не осталось никого.

— Ну что, готовы? — прокричал он. Даас похлопал себя ладонью по копчику.

— Чем дольше мы тут торчим, тем ближе ревматизм. Толлер бросил в двигатель кристаллы. В следующий миг его голову откинуло назад, а сцена сражения понеслась навстречу, расширилась, закрыла собой все. Впервые в жизни он так явственно ощущал скорость реактивного истребителя. Клубы пара походили на колонны резного мрамора, и трудно было не жмуриться, когда то с одной, то с другой стороны на него обрушивались стены, на вид монолитные и сулящие верную гибель. Мимо промчалось целое арктическое царство, прежде чем он увидел останки кораблей мирцев — они по инерции врывались прямиком в горящие лохмотья собственных шаров. Солдаты в панической спешке очищали гондолы от пылающих клочьев льна, и Толлер удивился: неужели они не понимают, что обречены? Хоть и кажется, будто поврежденные корабли висят неподвижно, на самом деле они уже подчинились зову гравитационной сирены и падают на родную планету, на громадный камень в тысячах миль внизу.

Вопреки ожиданиям Толлер не увидел промежутков между слоями горящих кораблей — они сбились в тесную стаю, а иные даже соприка-

сались друг с другом. В этом не было ничего загадочного: на подбитых верхних кораблях пилоты сразу погасили горелки, однако нижние эшелоны так и шли вслепую по вертикали, пока сами не нарывались на противника. Тут и там среди окутанных дымом левиафанов виднелись человечки. Некоторые барахтались в воздухе, другие не шевелились — очевидно, их разметало взрывом гондолы.

Едва Толлер успел убедиться, что на них нет парашютов, как машина вынесла его из толчеи прямо на группу из четырех кораблей. Краем глаза он заметил Дааса и Юмола — они летели параллельным курсом. Как он и предполагал, пилоты мирцев быстро отреагировали на взрыв. Три корабля уже накренились, и над бортами гондол виднелись ряды человеческих голов. Под ними вдалеке ложились набок другие корабли.

Толлер закрыл дроссель и, пока тормозил истребитель, выхватил из колчана стрелу и сунул под колпак в запальную чашу. Пропитанная маслом пакля на наконечнике в один миг занялась огнем. Он наложил стрелу и натянул тетиву, неосознанно подражая верховому охотнику. Дохнув ему жаром в лицо, клубок огня помчался вперед. Даже при высокой скорости и быстром

крене корабля громадная выпуклость оболочки оставалась абсурдно легкой мишенью. Стрела Толлера кровожадным москитом вцепилась в подбрюшье шара, и оранжевый яд побежал вниз мимо гондолы и обреченного экипажа. Сухо защелкали выстрелы, и в считанных дюймах от левого колена Толлера пуля расщепила деревянный кожух истребителя. Ошеломленный проворством мирцев в обращении с оружием, он с уважением подумал: «Да, эти люди драться умеют».

Врубив двигатель, он бросил машину вправо и глянул через плечо. Невдалеке еще два шара морщились и съеживались в змеиных кольцах черного дыма, а Даас и Юмол на остриях сверкающих белых копий мчались по широким дугам, которым предстояло соединиться в строю вышедших из боя эскадрилий.

Как вскоре убедился Толлер, в первой атаке уцелели все летчики, и каждый мог рассказать о своих победах. Но ситуация изменилась в корне, враг раскусил их хитрость и не собирался погибать задаром. А значит, теперь все будет зависеть не от хладнокровных и продуманных действий команды, а от выучки и лихости каждого игрока, и исход схватки — непредсказуем. В частности,

больше не удастся спокойно подлетать к противнику со стороны «слепых пятен». Корабли нижних эшелонов не просто опрокидывались набок, они направляли верхние, наиболее уязвимые, полушария в центр группы. Толлер нисколько не сомневался, что все пушки, установленные на бортах, заряжены. И хотя мирцы не применяли металлов, пилоту истребителя вряд ли поздоровится, угоди он под традиционную картечь из гальки и щебня. — Бейте всех подряд, — крикнул он, — но будьте… Конец фразы потонул в многоголосом реве дюз. Самые нетерпеливые молодые летчики устремились на неподвижного с виду врага. Вокруг Толлера все затянулось белым. Почти в тот же миг загрохотали пушки.

«Слишком рано», — отметил Толлер. И тут в его душу проникла тревога. Единственное преимущество истребителя — высокая скорость — в таком бою может обернуться фатальным изъяном. Не попав в цель, картечь повисает в воздухе; медленно идущему кораблю она не опасна, но вполне способна продырявить пилота атакующего истребителя — ведь он ничем не защищен.

Отбросив эту мысль, он пустил машину в умопомрачительное пике и нырнул в самую сердцевину неприятельского строя. Вокруг него

выросли фантастические джунгли, невообразимое переплетение стволов, ветвей и лиан из белого конденсата; тут и там мясистыми фруктами висели небесные корабли, украшенные гирляндами черного дыма. Сражение разгорелось с новой силой, и тому, кто не ведал доселе горького упоения битвы, оно должно было казаться диким хаосом.

Опасение Толлера сбылось — мирцы отведали вражеской крови. На его глазах Перобэйн безрассудно атаковал сразу два корабля и был вынужден так круто выходить из пике, что с машины сорвало рули. Лишенный управления истребитель в неистовом кувырке сбросил пилота с седла, и Перобэйну удалось остановиться всего в двух десятках ярдов от гондолы. Солдаты на борту дали дружный залп, и летчик задергался всем телом — очевидно, много пуль угодило в цель. Шар небесного корабля пылал, и команда была обречена, но все равно палила, пока небесный костюм Перобэйна не превратился в ком красных лохмотьев.

Чуть позже смертельную ошибку допустила пилот «Зеленого-4» Чела Динитлер. Она слишком медленно пролетала мимо солдата, который висел в воздухе рядом с гондолой, окутанной

горящим бодрюшем, и не подавал признаков жизни. Внезапно солдат очнулся, неторопливо навел мушкет и выстрелил Динитлер в спину. Чела упала грудью на рычаги управления, из сопла ударила мощная струя пара, и машина рванула в штопор, унося безвольное тело пилота в нижние слои вражеской армады. Вскоре след ее исчез на фоне Мира в мерцании круглых белых облачков, похожих на комки пушистой шерсти.

Солдат, застреливший Динитлер, вставлял в мушкет новый шарик с кристаллами, и Толлера поразило, что он смеется перед лицом неминуемой смерти.

Толлер открыл дроссель и двинулся прямиком на него, чтобы протаранить, но в последний миг спохватился: достаточно легчайшего прикосновения к носителю птертоза, и не миновать ужасного конца. Ударом по плунжеру он расколол в казеннике пушки шарик с кристаллами и за мгновения, предшествовавшие выстрелу, навел на мирца нос машины. Пушка не предназначалась для точной стрельбы, но Толлеру повезло — двухдюймовое ядро угодило точно в лоб, и труп закувыркался прочь, оставляя за собой кровавые спирали. Толлер увел машину в сторону и был уже готов ринуться в гущу боя,

когда его насторожило воспоминание о странных круглых облачках.

Он отлетел подальше от гигантского столба конденсата и вгляделся в его основание. Облачка не исчезли, напротив, выросли в числе. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять: это конденсат от горелок небесных кораблей, видимый «снизу». Пилоты нижних эшелонов развернули корабли вверх тормашками и обратились в бегство. Среди воздухоплавателей найдется мало любителей такого полета — когда тяга двигателя усиливается гравитацией, возникает перегрузка, способная разорвать корабль на части, — но мирцам выбирать не приходилось.

Соблазн выбросить из головы собственный стратегический план и пуститься в погоню за противником был велик, но внутренний голос запротестовал. В горячке боя Толлер потерял всякое представление о времени, а ведь истребители жгли кристаллы почти без передышки. Он взялся за поршень подачи топлива и по числу качков определил, что в баках весьма поиссякло твердое вещество. Запрокинув голову, он посмотрел в ту сторону, где начиналась битва. Самые первые белые следы уже растаяли. Где-то в беспредельной межпланетной пустоте исчезли базы эскадрилий.

Найти их будет непросто, подумал Толлер, и для этого тоже понадобится топливо.

Он зажег одну из оставшихся стрел и медленно помахал ею над головой. Через несколько минут пилоты, узнав сигнал, выбрались из кипящей тучи дыма и пара и слетелись к нему. Многие, опьяненные азартом, наперебой рассказывали о своих дерзких атаках и победах. «Вот так рождаются легенды», — подумал Толлер, представив себе истории, которые потом расплодятся в прадских тавернах. Чуть ли не последней из тучи появилась Бериза Нэрриндер, и пилоты весело загомонили, увидев, что ей удалось заарканить и привести на буксире поврежденную машину Перобэйна.

Когда стало ясно, что из боя вышли все уцелевшие машины, Толлер пересчитал их и упал духом. Вместе со спасенным Беризой истребителем их осталось двадцать пять. Толлер приказал сделать перекличку во всех трех эскадрильях, и вскоре выяснилось, что пропал Уэнс Мокерат и его «Зеленый-3». Как и когда он повстречал свою гибель, никто из товарищей не заметил. Возможно, он налетел на горящий небесный корабль и теперь падал вместе с ним.

Печальная новость отрезвила летчиков, но

вскоре вновь поднялся веселый гомон. Толлер и не ждал иного. Молодость вовсе не бессердечна; просто все эти ребята — жертвы войны, хоть и невредимы с виду. «Похоже, когда-то такое случилось и со мной, — подумал он. — Незаметно для меня самого. Лишь совсем недавно мне открылось, что я — автомат из костей и плоти, но без души. А ведь без души не сохранить тепло и радость».

Перед его глазами, довольно далеко, маячила гондола подбитого корабля. Команде удалось избавиться от горящего шара, и теперь его останки огромными серыми клочьями висели у бортов и над головами. Расстояние между гондолой и эскадрильями не менялось — они все падали с одинаковой скоростью.

На такой дистанции истребители были неуязвимы для мушкетных пуль, но мирцы упорно палили с бортов. «Неужели не понимают, — снова подумалось Толлеру, — что даже при такой мизерной скорости падения выжить им не суждено? Постепенно они разгонятся и в конце концов расшибутся всмятку».

И тут случился курьез, один из тех, что частенько бросают вызов кажущейся незыблемости вероятностных законов. Медленно вращаясь

вокруг продольной оси, к Толлеру приблизилась пуля и замерла на расстоянии вытянутой руки.

Он выловил из воздуха неровный цилиндрик браккового дерева, повертел перед глазами и спрятал в карман, ощутив на миг странную связь с вражеским стрелком. «Подарок мертвецу от мертвеца», — мелькнуло в мозгу.

— Ладно, ребята, нынче мы неплохо поработали, — произнес он, воздев руку в перчатке. — Пора и по домам.

Глава 9

Грохот фургона приближался, и Бартан наконец заставил себя подняться на ноги и подойти к зеркалу, висящему на кухонной стене. Праздничная одежда стесняла движения — он давно от нее отвык, — и вдобавок лицо, возникшее по ту сторону стекла, показалось незнакомым. От мальчишеской жизнерадостности, которая в свое время снискала ему недоверие фермеров, и следа не осталось. На него взирал загорелый мужчина, познавший одиночество, печаль и тяжелый крестьянский труд.

Бартан пригладил черные волосы, поправил воротник рубашки и двинулся к выходу из дома.

Под частое фырканье престарелого синерога, взмокшего от бега в полуденную жару, Харро и Эннда остановили фургон посреди двора, помахали Бартану и выкрикнули приветствие. После того мрачного события на их ферме они прониклись симпатией к Бартану, и недавно Эннда уговорила его оставить дом на несколько часов и развеяться в Новом Миннетте.

Бартан помог ей спуститься с высокой повозки, и они не спеша пошли к дому. Харро тем време-

нем вел к воде распряженного синерога.

— Да ты у нас нынче просто молоденький щеголь! — Улыбка согнала с лица Эннды усталое выражение.

— Ухитрился сберечь хорошую рубашку и клетчатые штаны, но сдается, они маленько сели.

— Да нет, это ты раздался. — Эннда остановилась и скользнула по его фигуре одобрительным взглядом. — И куда только делся тот сопливый мальчишка, что все норовил задурить нам головы мудреными городскими речами?

— Я теперь мало говорю, — уныло сказал Бартан. — Какой от этого прок?

Эннда ободряюще сжала ему запястье.

— Как Сонди? Не лучше? Сколько уже она так? Почти двести дней, да?

— Двести?! Я уже давно сбился со счета. Да, похоже, что-то вроде этого. С ней все по-прежнему, но я не теряю надежды.

— Вот и молодец! Ну, так где твоя милашка? В спальне?

Бартан кивнул, распахнул перед Эннды входную дверь и проводил ее в спальню. Сондевира в белой ночной рубашке до пят сидела на краешке кровати, уставившись в стену. Она даже бровью не повела, когда вошли Бартан и Эннда, — скорее

всего и не заметила их. Ее желтые волосы были тщательно расчесаны, но бездарная укладка не оставляла сомнений в том, что прической Сондевиры занимался Бартан.

Войдя в комнату, Эннда опустилась перед девушкой на колени и взяла ее безвольные руки в свои. Красивое лицо Сондевиры осталось безмятежным, глаза — невидящими. Эннда поцеловала ее в лоб, встала и вернулась к Бартану.

— Ну ладно, юноша. Езжай-ка ты в город и гуляй в свое удовольствие, а я тут обо всем позабочусь. Только скажи, чем покормить Сондевиру… ну и насчет прочего.

— Насчет прочего? — Бартан недоуменно поглядел на Эннду, и та сердито хмыкнула. — А! Не беспокойся, она у меня чистюля, все, что надо, сама делает и ест, что дадут. Просто для Сонди никого, кроме нее самой, как бы и не существует. Ни словечка не обронит. Сидит вот так на кровати день-деньской и в стенку глядит. А меня в упор не видит. Ну да ладно. Может, это мне за грехи воздаяние. За то, что привел ее сюда.

— Не дури. — Эннда обняла его, и он подался навстречу, прижался и сразу сомлел в ауре тепла, женственности и доброты.

— Это еще что за дела? — громыхнул Харро,

шагнув с крыльца в полумрак кухни. — Бартан, да тебе, никак, одной женщины мало?

— Харро! — вскинулась на мужа Эннда. — Что ты несешь?

— Ой, прости, дружище. Я вовсе не насчет того, что твоя Сонди… — Харро скомкал фразу, и круглый шрам на его щеке побледнел на фоне густого румянца.

— Нечего тут извиняться, — отмахнулся Бартан. — Я ужасно рад, что вы приехали. Вы мне здорово помогли.

— Чепуха! Нам ведь тоже не вредно маленько передохнуть. Лично я буду весь вечерний день дурака валять… и честно предупреждаю: винцу твоему спуску не дам! — Харро с вожделением зыркнул в угол, где стояли оплетенные бутыли. — Я гляжу, там еще кое-что осталось, а?

— И там, и в погребе — сколько душе угодно. Это ж моя единственная утеха.

— Надеюсь, ты не злоупотребляешь? — забеспокоилась Эннда.

Бартан улыбнулся.

— Пью не больше, чем нужно, чтобы спать как убитый. А то тихо тут слишком… Как в могиле.

Эннда кивнула:

— Бедняжка Бартан! Тяжело, наверно, одному.

И мы теперь не ахти какие помощники, сами едва управляемся. Такое число народу подалось на север… Ты небось уже слышал — Уилверы и Обригейлы уехали.

— Да… Столько труда, и все насмарку! А сколько людей еще осталось?

— Пять семей, ежели нас не считать. Бартан уныло покивал:

— Им бы еще малость подождать, а там…

— Если еще малость подождать, то стемнеет, пока ты доберешься до таверны, — перебила Эннда, подталкивая его к выходу. — Езжай, Бартан, езжай и отдохни несколько часиков. Давай иди.

Он бросил последний взгляд на жену, замкнувшуюся в собственном, никому другому не доступном мире, вышел во двор и свистнул синерогу. Затем оседлал его и через несколько минут выехал. Ему никак не удавалось отогнать чувство вины, как будто он поступал недостойно, получая передышку в полдня от работы на износ и непосильного бремени ответственности. Но он так истосковался по безыскусным развлечениям в компании добродушных и дружелюбных пьяниц, что без особого труда нашел себе оправдание.

Одна лишь езда верхом на лоне природы слегка подлечила душу. Достигнув околицы, он пона-

чалу зачарованно взирал на незнакомых людей, на разномастные постройки, на величественные паруса морских судов — и вдруг спохватился: в первый раз Новый Миннетт показался ему крошечным и провинциальным. «Вот оно, значит, как, — хмыкнул про себя Бартан. — Поживи подольше в сельской глуши, и жалкий городишко покажется тебе солидной метрополией».

Он подъехал прямиком к дому без фасадной стены — городской таверне — и с радостью увидел многочисленных завсегдатаев, тех самых, что встречали его в тот далекий день путешествия на воздушной шлюпке. Пока в Корзине жизнь уверенно сходила на нет, здесь все оставалось по-прежнему; казалось, город подвешен во времени, законсервирован и оживает только при появлении Бартана.

В таверне он увидел мэра Мэджина Кэрродалла — как всегда, при коротком мече; непросыхающего толстяка Отлера и десятки других горожан, откровенно довольных своим уделом. При виде их Бартану даже подумалось: а может быть, жизнь не такая уж и скверная штука?

Он с наслаждением пил крепкий коричневый эль, опустошая кувшин за кувшином, хоть и не чувствовал вкуса. Ему нравилось, что все кругом,

и даже Отлер, отнюдь не знаменитый своей щепетильностью, — помалкивают насчет повального бегства из Логова. Люди понимали, что привело Бартана в город, и сочувствовали ему, но разговоры вели на иные темы, в основном обсуждали новости о странной войне, бушующей в небесах по ту сторону планеты. Особенно их воображение распалилось, когда кто-то упомянул о новом роде войск — это ж подумать только, солдаты носятся среди облаков верхом на реактивных двигателях, безо всяких шаров! Чаще всего звучало имя лорда Толлера Маракайна, и Бартана это удивило.

— А правда, что во времена Переселения Маракайн разделался с двумя королями? — спросил он.

— Еще бы не правда! — Отлер грохнул по длинному столу кувшином. — По-твоему, за что его прозвали Убийцей Королей? Да я, дружище, сам при этом был. Своими глазами видел!

— Вздор! — закричал Кэрродалл, перекрывая общий смех.

— Да ладно вам, — уступил Отлер. — Может, этого я и не видел, но вот корабль Прада рухнул у меня на виду, что было, то было. — Отлер чуть отвернулся от завсегдатаев таверны и сказал, обращаясь к Бартану: — Я тогда солдатом был,

совсем еще мальчишкой. Четвертый Соркский полк. Из Ро-Атабри улетел на одном из первых небесных кораблей. Вот уж не чаял дожить до конца того путешествия! Но это — другая история…

— Которую мы слышали тысячу раз, — подхватил незнакомый Бартану человек, ткнув локтем в бок соседа.

Толстяк сделал непристойный жест и снова повернулся к собеседнику.

— Знаешь ли, Бартан, какая штука получилась? Корабль Прада сцепился с другим, на котором летели Маракайн, Чаккел — он тогда в принцах ходил, — Дасина и трое их детей. Толлер спас им жизнь, растолкав корабли. Такая работенка и десятерым не по плечу, а Толлер в одиночку управился. Я видел, как корабль Прада камнем полетел вниз. Он пронесся мимо меня, и я вовек не забуду, как Прад стоял у леера — высокий такой, стройный храбрец, — и его слепой глаз сиял, как звезда.

Он погиб, и это означало, что королем становится принц Леддравор. А через три дня после высадки Леддравор и Толлер сошлись в поединке и дрались шесть часов кряду, пока Толлер не снес Леддравору голову с плеч. Одним махом,

представляешь?!

— Настоящий мужик, должно быть, — сухо отозвался Бартан, пытаясь отделить факты от вымысла.

— Десятерых стоит! А каким ты себе воображаешь настоящего мужика? Да Толлер любого из наших молокососов за пояс заткнет, ты не гляди, что он уже в летах! Слыхал, как он в первом бою мирцам всыпал? Когда все огненные стрелы выпустил, хвать свой белый меч и ну шары полосовать! В клочья! Тем самым мечом, которым он Каркаранда победил! Самого Каркаранда, ты понял? Одним махом! Я тебе, Бартан, так скажу: этому человеку мы всем обязаны. Эх, будь я лет на двадцать помоложе, да если бы не коленка, чтоб ее… я б сейчас был рядом с ним.

Мэр Кэрродалл фыркнул в кувшин, разбрызгав пену.

— Ты же вроде твердил, что там шары ни к чему.

— Ха-ха-ха, — проворчал Отлер. — До чего же смешно!

Пробежало еще несколько приятных часов, и вдруг Бартан с удивлением заметил, что солнечные лучи покраснели и падают в таверну под пологим углом.

— Господа, — вымолвил он, поднимаясь, — я слишком задержался и теперь вынужден вас покинуть.

— Еще кувшинчик на посошок, — предложил Кэрродалл.

— Извиняюсь, но мне пора. За фермой присматривают друзья, и будет некрасиво, если я заставлю их ждать.

Кэрродалл встал и взял Бартана за руку.

— Я слыхал о несчастье с твоей женой, — прошептал он. — Эх, бедняги… Ты, часом, не подумываешь увезти ее из этого гиблого места?

— Да при чем тут место? — беспечным тоном произнес Бартан, решив не обижаться напоследок. — Я не хочу бросать ферму. Счастливо, Мэджин.

— Удачи, сынок.

Бартан жестом простился с остальными и вышел во двор, где топтался у жерди синерог. В желудке у Бартана разливалось тепло, в голове стоял приятный бодрящий гул — хмель, главный союзник в повседневной борьбе за выживание, оказался сегодня на высоте. «Все-таки здорово жить на свете, — подумал он. — Такое чудесное ощущение… жаль только, что последнее время оно от меня прячется на дне бутыли черного

вина». Он кое-как вскарабкался на синерога и предоставил умному животному самому найти дорогу домой.

На небе постепенно сгущались краски ночи, ярче сияли звезды, а за ними появлялись спирали и ведьмины косы туманного свечения. Было больше, чем обычно, крупных комет; Бартан их насчитал восемь, они распушили серебристые хвосты по всему небосводу, и в темной синеве между ними светляками мелькали метеориты. Подпитие склоняло к созерцательной раздумчивости; интересно, произнес он про себя, сумеет ли кто-нибудь когда-нибудь разглядеть вблизи хотя бы основные штрихи небесного пейзажа? Все считают, что светящиеся точки — это далекие солнца, за исключением одной зеленой — третьей планеты, носящей имя Дальний Мир. Вполне ясна и природа метеоритов — они время от времени падают на Верхний Мир, оставляя на земле большие и малые воронки. Но что это за светящийся смерч разбегается по всему ночному небу на добрую четверть года? И откуда взялась такая уйма туманностей поменьше — туманностей самой разнообразной формы, от кругов и эллипсов до сияющих игл; туманностей, которые тают от наших глаз свое строение и кое-где насла-

иваются друг на друга?

Возвышенные раздумья заставили Бартана дольше обычного задержать взгляд на светлых изгибах, и лишь благодаря этому он заметил нечто из ряда вон выходящее. Точно на востоке, примерно в той стороне, где лежала его ферма, чуть выше горизонта висело пятнышко света диковинной формы — этакая четырехлучевая звезда с вогнутыми сторонами. Подобная геометрическая фигура образуется между четырьмя окружностями, каждая из которых соприкасается с двумя соседними. Острия звезды излучали слабое радужное свечение. Она была слишком мала, и Бартан, не имея при себе подзорной трубы, не мог различить деталей, но ему показалось, что в центре звезды мельтешат разноцветные блестки. Он глядел на звезду, зачарованный ее призрачной красотой, пока она не утонула за гребнем ближайшего друмлина.

В растерянности покачав головой, Бартан пришпорил синерога и въехал на возвышенность. Горизонт отступил, но светлое пятно уже успело сгинуть.

Что это было? — подумал он. Случается, на землю падают метеориты, иные напоминают яркие цветы, но всякий раз их сопровождает неисто-

вый рев. А это явление происходило в полной тишине; и вдобавок световое пятно двигалось — медленно и ровно. Постепенно Бартан пришел к заключению, что светящийся объект был гораздо крупнее, чем ему показалось. Тут все дело в расстоянии. Так что же это за звезда, загадочно плывущая в космической пустоте высоко над атмосферой Верхнего Мира?

Погрузившись в размышления о чудесах вселенной, Бартан ехал почти час, когда наконец заметил свет в окнах и почувствовал укол совести: ведь уже темно, как теперь Форатере доберутся к себе? А у них с Сондевирой всего одна кровать. Разве что… уступить свое место Эннде, а самому переночевать на полу вместе с Харро? Неважнецкая плата за услугу, особенно если вспомнить о том, как редко теперь в Корзине Яиц соседи предлагают друг другу помощь. Что же делать? Придумывая оправдания, он погнал синерога рысью, но узду не натягивал — животное само находило на посеребренной звездным светом земле тропинку, ведущую к дому.

До фермы оставалось примерно с милю, когда вокруг Бартана внезапно полыхнуло, да так ярко, что веки судорожно сжались, и он не успел ничего заметить, кроме разноцветного сияния.

Насмерть перепуганный синерог встал на дыбы и затявкал, а вцепившийся в него что было сил Бартан содрогнулся в ожидании наимощнейшего взрыва, который, как подсказал ему инстинкт, всегда сопровождает столь яркие вспышки. Но взрыва он так и не услышал — только вибрирующую, как тугая струна, тишину. И пока она «звенела», он чувствовал, как на нем трепещется одежда. Как от ветра. Но ветра не было.

Синерог опустил на землю передние ноги, и Бартан открыл глаза. Вспышка частично ослепила его; казалось, оранжевые и зеленые силуэты деревьев и кустов навсегда отпечатались на сетчатке.

— Ну-ну, старушка, — выдохнул он, похлопав животное по шее. — Успокойся.

Бартан энергично протер кулаками глаза и огляделся. Что это было, такое жуткое, неестественное? Кругом — все по-прежнему, ночной ландшафт вновь погрузился в извечный покой. Дремлющий мир силился внушить, что все обошлось, но Бартана, застигнутого врасплох тревогой, было не так-то легко провести.

Он погнал синерога во весь опор, рискуя в потемках свалиться с седла и сломать шею, и добрался до фермы за несколько минут. Ни Харро,

ни Эннды он во дворе не увидел; небо чистое, стало быть, ничего страшного не случилось. Или он заблуждается? Может, он оказался очевидцем редкого явления природы — в конце концов, находятся ведь люди, которые утверждают, что якобы молнии не с неба бьют, как принято считать, а совсем наоборот — из-под земли выскакивают.

Он въехал во двор, спешился и подошел к крыльцу. Распахнул дверь, и глазам его открылась картинка сельского быта: Эннда вышивает на широкополой крестьянской шляпе, Харро наклоняет над чашей бутыль с вином. Бартан облегченно вздохнул — и обмер. Тревога мигом вернулась, едва он понял, что супружеская чета и впрямь — живой фрагмент картины. Они стояли, как статуи! Они не шевелились! Единственный признак жизни в их облике был ложным, его создавал сквозняк из отворенной двери, заставляющий мерцать огоньки в масляных лампах.

— Харро? Эннда? — Бартан нетвердым шагом ступил в кухню. — Я… подзадержался, вы уж простите…

В следующее мгновение игла Эннды заходила вверх-вниз, а в чаше забулькало вино.

— Пустяки, Бартан, не кори себя, — промолвила Эннда. — Еще ведь рано, только солнце зашло…

— Она бросила взгляд во мглу дверного проема и нахмурилась. — Странно. Как это я не…

Конец фразы потерялся в глухом треске стекла — из рук Харро выпала бутыль. Из кучи осколков на каменном полу расползлись темные винные щупальца.

— А, чтоб тебя! — Харро схватился за правое плечо и стал массировать его. — Так рука устала, что… болит! — Он посмотрел под ноги и виновато округлил глаза. — Прости, дружище. Не возьму в толк, как это…

— Ерунда, — отмахнулся Бартан. — Вы видели вспышку? Что это было, по-вашему?

— Какую вспышку?

— Ослепительную! Так полыхнуло! В жизни такого не видел, не сойти мне с этого места! Как вы думаете, что это было?

Харро недоуменно уставился на жену.

— Не видали мы никаких вспышек. Ты, Бартан, часом, не упал? Головой не стукнулся?

— Не падал я. — Теперь пришел черед Бартана с недоумением посмотреть на супружескую чету. В следующий миг его взгляд перескочил на дверь в спальню — слегка приоткрывшись, она пропустила полоску света, и та легла поперек кровати. Пустой кровати! Бартан вскочил на ноги, в три

шага пересек кухню и распахнул дверь. Он не увидел Сондевиры в тесной квадратной комнате.

— А где Сонди? — глухо произнес он.

— Что? — Харро и Эннда выскочили из-за стола и подбежали к нему. На их лицах застыло изумление.

— Где Сонди? — повторил Бартан. — Вы что, выпустили ее из дому одну?

— Ну что ты! Она здесь. — Эннда протиснулась между ним и дверным косяком и замерла у порога, глядя в пустую спальню. Спрятаться здесь было негде.

— Вы, наверно, заснули, — предположил Бартан, — и не заметили, как она вышла.

— Да не спала я! Не могло этого… — Эннда умолкла и прижала ладонь ко лбу. — Что толку стоять тут и спорить?! Надо пойти и разыскать ее.

— Фонари возьмите. — Бартан схватил цилиндрический фонарь и бросился на улицу.

Даже после того, как они заглянули в уборную и не нашли в ней Сондевиры, он оставался спокоен. Прежде его жена никогда так не поступала, а диких хищников на планете не водилось, и не было вокруг фермы ни утесов, ни расселин — упасть и разбиться Сондевира не рисковала. А может,

это и к лучшему, подумалось Бартану, что она вышла. Может, она наконец выбирается из того сумрака, что так давно одурманил ее рассудок?

Но через час бесплодных поисков и ауканья им овладели предчувствия иного рода. «Сначала, — рассуждал Бартан, — это странное явление, ослепительная лавина света, потом — таинственное исчезновение жены. Наверняка эти события как-то связаны между собой».

Как ни крути, Логово — оно и есть логово. Наивно и бессмысленно было переименовывать его в Корзину Яиц. Здешние призраки снова и снова напоминают о себе, и Сондевира — самая последняя их жертва. А ведь он еще сегодня мог увезти ее из этого гиблого места! Проклятое упрямство, идиотская самонадеянность! Из-за них он подвергался сам и подвергал других опасностям, непостижимым для простых смертных… И вот — закономерный итог!

— Что толку бродить в потемках. — В голосе Харро здравый смысл соседствовал с усталостью. — Надо вернуться в дом и поберечь силы до рассвета. Что скажешь?

— Пожалуй, ты прав, — уныло отозвался Бартан.

К тому времени, как они возвратились, печь

успела остыть. Пока Бартан ее растапливал, Харро достал из погреба непочатую бутыль и наполнил красным вином три чаши.

Бартан послушно пил, но успокоиться не мог. Тепло и домашний уют непрестанно напоминали ему, что он не вправе наслаждаться подобной роскошью, пока жена блуждает где-то в ночи. Ведь она в лучшем случае замерзнет и простудится, а в худшем — пропадет…

— Как такое могло случиться? — спросил он. — Знал бы я заранее, ни за что бы ее не оставил.

— Я, наверно, задремал, — промямлил Харро. — Вино… — Но ведь ты был не один.

Эннду уже клонило в сон, однако, услышав эти слова, она вскинулась, и лицо ее исказилось от гнева.

— К чему ты клонишь, сопливый городской мальчишка? Намекаешь, что это я прикончила твою шлюшку? Думаешь, я ей рожу съела, да? Это ты хочешь сказать? А где же тогда кровь, а? Ты видишь на мне кровь? Гляди! — Она ухватилась обеими руками за ворот своей синей блузки и рванула ее вниз, приоткрыв груди. — Видишь кровь?

— Эннда! — ошеломленно воскликнул Бартан. — Я тебя умоляю! У меня и в мыслях не было…

Спрыгнув со стула, Эннда швырнула чашку в очаг, и Бартан, потрясенный, умолк.

— Со снами я справляюсь! Правда! Я ту дрянь и близко не подпускаю! Не даю себя пожирать! Клянусь!

Харро встал и обнял жену, прижав к своему плечу ее мокрое от слез лицо. В его руках Эннда обмякла и захныкала; ее всю трясло. В очаге шипело и пузырилось вино.

— Я… — Бартан поднялся и поставил на стол свою чашку. — Я не знал, что тебе до сих пор это снится…

— Бывает иногда. — Взгляд у Харро был жалкий, затравленный, виноватый. — Знаешь, Бартан, пожалуй, будет лучше, если я ее увезу домой.

— Домой? — После гневной вспышки силы оставили Эннду, и она залепетала, как ребенок. — Да, Харро, увези меня домой. Пожалуйста… Увези из этого проклятого края… домой, на восток, в Ро-Амасс. Я так больше не могу… Давай вернемся в настоящий наш дом, помнишь, мы были так счастливы…

— Что ж, должно быть, ты права. — Харро успокаивающе похлопывал жену по спине. — Лучше мы об этом утром потолкуем, ладно?

Эннда повернула голову к Бартану и улыбну-

лась, но губы ее дергались.

— Бартан, миленький, не сердись на меня, ладно? Ты хороший парень, и Сонди тоже славная девушка. Я ведь не со зла все это нагородила…

— Да я знаю. — Бартану было не по себе. — Может, останетесь? Куда вы на ночь глядя?

Харро решительно помотал головой.

— Нет, дружище. Поедем мы. Но с утра я вернусь и еще кого-нибудь привезу. Если к тому времени Сонди не объявится, мы ее найдем, вот увидишь.

— Спасибо, Харро.

Бартан проводил соседей до фургона и помог запрячь синерога, то и дело оборачиваясь и высматривая в сумраке белое пятно — благополучно возвращающуюся Сондевиру.

Тщетная надежда…

Сам того не подозревая, Бартан вступил в самую темную полосу своей жизни. Через несколько дней ему предстояло свыкнуться с мыслью, что его несчастная заколдованная жена, по всей вероятности, навсегда рассталась с этим миром.

Глава 10

В том, что враг шел со стороны солнца, не было ничего странного; удивило Толлера другое — размах атакующей волны. По меньшей мере шестьдесят кораблей поднимались эшелонированным строем, строго соблюдая интервал и дистанцию, чтобы в случае опасности прикрывать друг друга.

Разгромив в пух и прах первый флот, Толлер надеялся, что с войной покончено, но напрасно: мирцы не угомонились, хотя их последующие атаки больше смахивали на самоубийственную разведку боем: неприятель изобретал все новые и новые способы прощупать оборону Верхнего Мира. Второй отряд кораблей пробовал прорваться в зону невесомости ночью, но его выдал шум горелок, и мирцам пришлось отступить с тяжелыми потерями. Третья попытка сорвалась из-за того, что противник вооружился сверхмощными пушками — они стреляли с такой отдачей, что разрушали собственные корабли. После этого Новые Люди еще дважды поднимались в срединную синеву и оба раза запускали с бортов гондол собственные реактивные истребители.

Вражеские пилоты старались вовлечь три эскадрильи верхнемирцев в яростную схватку, но по сравнению с искусными бойцами Толлера они были зелеными новичками, и мало кому из них посчастливилось уйти живым. Во второй раз они пробивались на высоких скоростях в Группу Внутренней Обороны — видимо, намереваясь уничтожить станции, — но опять безуспешно: их отогнали и перестреляли поодиночке.

Со временем Толлер понял, что защитники Верхнего Мира, оборудовав постоянную базу в зоне невесомости, обеспечили себе огромное преимущество над врагом. Удивительно, размышлял он, почему король Рассамарден до сих пор не пришел к такому же выводу, почему он с тупым упрямством бросает людей и корабли в мясорубку? Единственное разумное, на его взгляд, объяснение этому дал в своем рапорте полковник Гартазьян после встречи с разведывательным кораблем мирцев. «Они в высшей степени надменны и самонадеянны, — писал он, — и глухи к доводам здравого смысла». Похоже, Новое Человечество Мира вместе со своим правителем — последняя коллективная жертва птертоза, не подозревающая, что в мозгу ее представителей бродит яд абсурда. В бою они не

щадили себя, старались лишь подороже продать свою жизнь и только поэтому обзавелись парашютами, которые позволяли воздухоплавателям выжить после гибели корабля. Но Толлер не знал, сами они изобрели это устройство или взяли за образец парашют, найденный на теле Динитлер, упавшей на Мир после того, как в баках ее машины иссякло топливо. Возможно, истребитель они тоже сконструировали не сами, а восстановили из обломков машину Динитлер.

Но сейчас Толлера занимал более насущный вопрос: что затеяли мирцы на этот раз? Неужели, охваченные неутолимой страстью к самоуничтожению, они пустились в очередную авантюру? Или столь мощное наступление — признак веры в некое новое оружие?

Размышляя об этом, Толлер мчался навстречу солнечным лучам. За ним четким клином летела Красная Эскадрилья. Наклонные стеклянные обтекатели — последнее новшество в конструкции истребителя — защищали летчиков от холодных воздушных потоков. По правую руку от Толлера в одной восьмой мили Синие прочерчивали в сияющих небесах белые полосы, а слева на таком же расстоянии неслась Зеленая Эскадрилья. В душе у Толлера бурлило давно знакомое возбуждение

вперемешку с чувством вины.

Далеко внизу некоторые корабли, резко выделяющиеся на огромном выпуклом и разноцветном фоне Мира, уже разворачивались гондолами кверху. Мирцы больше не решались слепо лететь на врага; их впередсмотрящие отдалялись на длинных канатах от бортов и наблюдали за небом. Стоило кому-нибудь углядеть белый конденсат, и корабли переворачивались с таким расчетом, чтобы защищать себя и друг друга. Поэтому три эскадрильи действовали теперь порознь, и летчикам приходилось больше полагаться на себя, чем на стратегические таланты командиров. Случались эффектные личные победы, бывали и столь же впечатляющие неудачи; множились легенды. «Что я увижу на этот раз? — думал Толлер. — Не летит ли навстречу солдат, которому суждено оборвать нить моей жизни?»

Когда боевые порядки небесных кораблей заслонили собой всю перспективу, строй истребителей рассыпался, чтобы оплести свою добычу паутиной из белых выбросов. Толлер знал: справа от него описывает кривую машина Беризы Нэрриндер. Захлопали дальнобойные мушкеты, но не так яростно и торопливо, как в предыдущих боях, и Толлер вспомнил о принципиально

новом оружии мирцев. Чтобы получше разглядеть небесные корабли, он заглушил двигатель и дождался, когда машина остановится. Несколько истребителей уже ворвались на предельной скорости в неприятельскую «решетку», и ему удалось заметить оранжевые крапины стрел. Но ни один шар еще не горел.

Толлер потянулся к подзорной трубе, ему мешали перчатки и лук, пристегнутый к левому запястью; впрочем, и невооруженным глазом было видно, как вокруг отдельных гондол появляются коричневые пятнышки, словно мирцы швыряют навстречу атакующим десятки метательных снарядов. Но пятнышки трепетали и одно за другим начинали перемещаться сами по себе.

Птицы!

Распутывая ремешок подзорной трубы, Толлер старался угадать, что за птиц решили использовать мирцы, чтобы в опасный момент напустить на своих врагов. Ответ возник моментально: реттсерских орлов, обитающих в горах Реттсер на севере Колкоррона. В размахе их крылья достигали двух ярдов, скорость полета не поддавалась точному измерению, а силищей они обладали такой, что в мгновение ока выпускали кишки

оленю или человеку. В прошлом никто не брался дрессировать этих грозных и своенравных созданий для охоты или войны, и даже нападение птерты ничего не изменило, однако Новые Люди уже не раз доказывали, что к своей жизни они относятся без особой почтительности и гораздо выше ценят победу над врагом.

Первый же взгляд в подзорную трубу подтвердил опасения Толлера, и по его спине побежал холодок. Сама природа создала этих великанов царями воздушной стихии; страшно даже представить, какую резню они могут учинить среди его летчиков. Внезапно некоторые белые стрелы изогнулись: пилоты идущих впереди истребителей, сообразив, что за напасть им грозит, предпочли уклониться.

Томительно проходили секунды. Потом Толлер вдруг спросил себя: а почему ничего не происходит? Странно. Он-то ожидал, что орлы, обладающие невероятным проворством, ринутся в неудержимую атаку, едва заметят чужих летчиков, но они не отдалялись от кораблей, с которых их сбросили.

Оптика показала занятную картину: орлы неистово махали крыльями, но вместо того, чтобы стремительно лететь в бой, безостановочно

кувыркались. Казалось, их удерживает на месте невидимая сила. Зрелище это так развеселило Толлера, что лишь через несколько секунд он сообразил: машущие крылья совершенно не годятся для полетов в невесомости. Сила взмаха, не скомпенсированная весом птицы, опрокидывает ее назад. Будь орел существом разумным, он бы приноровился двигать крыльями иначе — примерно как пловец руками. Но эти пленники инстинкта могли только терять понапрасну силы.

— Опять вам не повезло, ребята, — прошептал он, подкармливая двигатель кристаллами. — В который раз дурака сваляли. А за глупость надо расплачиваться, верно?

В следующие минуты Толлер наблюдал, как его пилоты поджигают шар за шаром и при этом не несут потерь. Когда мирцы занимали глухую оборону, их корабли горели слабее — воздушные потоки не раздували пламя. Бывало, огонь гас, не успев испепелить весь шар, — но команду корабля это не спасало, летательный аппарат все равно был обречен.

Крутящиеся орлы придавали баталии диковинный вид, а их панический грай выделялся из рева дюз, треска мушкетов и нечастого, но

оглушительного буханья пушек. Толлер заметил, что некоторые птицы уже не шевелятся: спрятав голову под крыло, будто уснув, они дрейфовали в воздухе. Иные висели, распластав крылья и не подавая признаков жизни, — вероятно, умерли с перепугу.

Несказанно довольный переменой ситуации, Толлер в поисках достойной цели для атаки выбрался из белого клубка и увидел идущую к нему на сближение машину его эскадрильи. Вела ее Бериза Нэрриндер; она быстро сжимала в кулак и раскрывала правую кисть, сигналя, что хочет поговорить. Недоумевая, Толлер закрыл дроссель и дал машине остановиться. Бериза поступила точно так же, и два летательных аппарата медленно подплыли друг к другу, все сильнее вихляя по мере того, как выходили из-под власти рулей.

— В чем дело? — спросил Толлер. — Хотите притащить на обед одну из этих пташек?

Бериза сердито помотала головой и спустила шарф до подбородка.

— Там корабль! Очень далеко под зоной боевых действий. Советую на него взглянуть.

Он посмотрел в указанном ею направлении, но корабля не увидел.

— Может, наблюдатель? — предположил он.

— Наверно, пилоту велено держаться подальше от нас и вернуться на базу с докладом.

— Мой бинокль показывает иное, — возразила Бериза. — Это не простой корабль. Милорд, взгляните внимательнее. Лучше в трубу. Вон туда, где край облака проходит над заливом Троном.

Толлер исполнил ее просьбу и на этот раз разглядел на фоне Мира крошечный силуэт небесного корабля. Он лежал на. боку, подтверждая тем самым догадку Толлера, что команде поручено наблюдать за ходом сражения. «Любопытно, — подумал он, — дошло уже до них, что у приятелей наверху дело не очень-то ладится?»

— Не вижу ничего особенного, — произнес он. — А вас он чем заинтересовал?

— Что вы скажете насчет эмблем на гондоле? Видите синие и серые полосы?

Как следует рассмотрев крошечный кораблик, Толлер опустил трубу.

— У вас глаза молодые, не чета моим... — Он умолк. По затылку от шеи пополз озноб — Толлер наконец донял, к чему клонит Бериза. Синий и серый — исконные цвета кораблей правящей династии. Неужели Рассамарден не счел зазорным унаследовать их? А почему бы и нет? Может, они для него что-то значат? — Толлер машинально

кивнул своим мыслям. Что бы там ни заявлял надменный монарх, он как пить дать алчет все того же, что и его предшественники. Но неужели он настолько самоуверен и глуп, что рискует летать в такой близи от сражающихся армий?

— Я не раз слышала, что Леддравор часто лично водил в бой войска, а ведь он не был Новым Человеком, — сказала Бериза, выдыхая струйки пара. — К тому же эти орлы… Если бы они выполнили свою задачу, худо бы нам пришлось. Может, Рассамарден надеялся своими глазами увидеть славную победу?

— Капитан, вы столь же остры умом, как и глазами. — Толлер одобряюще улыбнулся.

— Милорд, я, конечно, обожаю комплименты, но на этот раз подумываю о более почетной награде.

— То есть о разрешении уничтожить королевский корабль?

Бериза не дрогнула под его взглядом, только брови сдвинула.

— Я считаю, милорд, что имею на это право. Ведь это я его обнаружила.

— Прекрасно понимаю и сочувствую, но и вы войдите в мое положение. Если на борту этого корабля Рассамарден, то мы обязаны уничтожить

его во что бы то ни стало и тем самым положить конец войне. Мой долг — атаковать его всеми силами, имеющимися в моем распоряжении.

— Но разве мы доподлинно знаем, что на нем Рассамарден? — немедленно возразила Бериза, и Толлер невольно вспомнил свою жену. — И вообще вы мало выиграете, выведя из боя все истребители ради одного-единственного корабля. Тем более что ему все равно от нас не сбежать.

Толлер устало вздохнул.

— Разрешите хотя бы сопровождать вас и стать очевидцем подвига.

— Благодарю, милорд. — Впервые она титуловала его без вызывающей нотки и сразу потянулась к дросселю красно-полосой машины.

— Не так сразу! — запротестовал Толлер. Выброс газа из сопла развернул его машину почти кругом, и разговор на несколько мгновений прервался. Обернувшись к Беризе, он продолжил: — Я бы хотел, чтобы вы сначала нашли и прислали ко мне Юмола и Дааса — я расскажу им, что мы задумали. Они будут нас ждать и, если мы не вернемся, атакуют корабль всеми силами. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы из его команды или пассажиров кто-нибудь ушел живым.

Склонив набок голову, Бериза нахмурилась;

лучи восходящего солнца превратили ее лицо в красивую маску.

— Два истребителя против одного небесного корабля… Как вы можете сомневаться в нашей победе?

— Парашюты, — напомнил Толлер. — Когда на корабле — обычные матросы, нам достаточно повредить шар. Не так уж важно, погибнут они или спасутся. Снова прилетят — мы их снова собьем. Но сейчас корабль нас не интересует, необходимо уничтожить людей. Что толку поджигать шар, если мы дадим Рассамардену благополучно вернуться в его заразное королевство? Нет, на этот раз наша цель — не оболочка и даже не гондола. Надо прикончить самого Рассамардена, и нет надобности говорить, что сделать это будет гораздо сложнее, нежели просто метнуть издали в шар горящую стрелу. Так что же, вы по-прежнему настаиваете на своей привилегии?

На лице Беризы не дрогнул ни один мускул.

— Я по-прежнему тот, кто первым увидел корабль.

Через несколько минут Толлер мчался вниз, к далекому небесному кораблю, а Бериза летела параллельным курсом — вот тут-то и возникли у него сомнения, стоило ли брать ее с собой.

Летчиков-истребителей связывали друг с другом особые узы, дух товарищества, подобного которому Толлер не знал за все годы военной службы. И Бериза умело сыграла на этом, чтобы добиться своего. Может быть, для Толлера, «влюбленного в смерть», такой рискованный шаг — дело совершенно обыденное, но как быть с ответственностью командира за своих солдат? С другой стороны, оставь он Беризу позади, где не так опасно, она бы непременно решила, что он — себялюбец, ни с кем не желающий делиться славой. И многие летчики согласились бы с ней, а он боялся потерять их уважение. Или он чересчур переоценивает ерундовую, в сущности, проблему? Чем ему легче пожертвовать жизнью молодой женщины или лестной привязанностью юных товарищей?

Только не первым — вот единственно правильный и достойный ответ.

Он взглянул на уменьшающийся силуэт Беризы, которая верхом на реактивном истребителе, обтекаемом воздушными потоками, четко выделяясь на фоне серебристых водоворотов темно-синей бесконечности, хладнокровно летела навстречу опасности, и в душе его неожиданно всколыхнулось теплое чувство, смесь уваже-

ния и симпатии. Эта женщина, подумалось ему, отважна и умна и всегда предвосхищает его тяжеловесные решения. Она — великолепный боец и вправе сама выбрать свою судьбу.

Словно уловив мысли Толлера, Бериза, чье лицо скрывалось под шарфом и защитными очками, бросила на него вопросительный взгляд. Толлер отдал ей честь, она ответила тем же, а затем целиком сосредоточилась на предстоящей схватке.

Они с Беризой находились на прямой линии между сражающимися и кораблем Рассамардена. Толлер всей душой надеялся, что на фоне дыма и мерцающего под солнцем конденсата выбросы двух машин останутся незамеченными, но остроглазые впередсмотрящие все-таки уловили опасность. Из гондолы выпрыгнули мушкетеры и закувыркались на концах канатов, поспешно образуя широкий круг, чтобы прикрыть огнем верхнюю, наиболее уязвимую, половину оболочки. Будь это обычный корабль, у них имелось бы немного шансов подбить вражескую машину или всадить пулю в пилота, но на этот раз Бериза должна была подлететь к мушкетерам вплотную и выстрелить не в шар, а в гондолу. А в прежних сражениях мирцы показали себя отменными стрелками.

В нескольких фурлонгах от корабля Толлер дал звуковой сигнал и заглушил двигатель. Когда рядом остановилась Бериза, он сказал:

— Чтобы зря не рисковать, давайте хорошенько рассмотрим гондолу. Надо убедиться, что Рассамарден в самом деле на борту.

Бериза поднесла к глазам бинокль, помолчала минуту и вдруг рассмеялась.

— Я вижу корону! Стеклянную корону! Не ее ли носил король Прад и все его предшественники? Скажите, милорд, они и вправду таскали на голове это смешное украшение?

— В определенных случаях. — Толлер удивился: почему он себя чувствует задетым? — Если вы видите диадему Битрана, то могу заверить, что сделана она из одних алмазов и стоит… — Он запнулся, охваченный внезапной радостью. — Дурак! Тщеславный, самоуверенный дурак! Дорого же тебе обойдется привычка носить прозрачную шапчонку! Сколько у вас ядер?

— Все шесть.

— Отлично! Беру на себя шар, но зайду не сверху, а сбоку, чтобы все в гондоле видели, как я выпущу стрелу. Вот тут-то и бейте! Может, повезет и вы с первого захода взорвете ящики с кристаллами. Ну что, готовы?

Бериза кивнула. Толлер убедился, что давление воздуха в резервуарах максимальное, и пустил кристаллы в двигатель. Послушная машина бросилась к небесному кораблю. Толлер двигался по нисходящей дуге, рассчитывая пройти мимо шара, но чуть медленнее, чем в прежних поединках с кораблями мирцев. Следом летела Бериза, ее машина совершала короткие рывки, оставляя за собой белый пунктир.

Когда гондола в синюю и серую полоску заслонила собой весь обзор, Толлер увидел копошащихся людей. Он насчитал восемь солдат, сгорбившихся на концах радиально растянутых канатов, — конечно, они целились в него.

«Вот чего я хочу, — подумал он, снимая правую перчатку. — Только этого, и ничего другого».

Он выхватил стрелу из колчана, поджег наконечник и вложил ее в лук. Затем врубил двигатель и направил машину на оболочку. Истребитель быстро набирал скорость; Толлера клонило назад. В реве сопла терялись хлопки выстрелов, но он видел грибы-поганки, выросшие над стволами мушкетов. Когда чудовищная выпуклость шара превратилась в кривую бурую стену, заслонив львиную долю вселенной, он вздыбил истребитель, загораживаясь от боль-

шинства неприятельских стрелков его крепким «брюхом». Мир и Верхний Мир покорно переместились вдоль небесного свода.

Одним отточенным движением Толлер вскинул лук и выпустил стрелу. И в тот же миг услышал пушечный дуплет Беризы. Стрела вонзилась в оболочку, и Толлер, не снижая скорости, круто взял в сторону. Что-то ударило его по левой ноге, и клочья ватной подкладки остались за хвостом истребителя. Он еще ниже пригнулся к округлой спине машины и погнал ее прочь, к звездам, на безопасное расстояние. Наконец он вырубил двигатель и позволил машине описать полукруг, чтобы поглядеть со стороны на сцену сражения.

Над ним, немного правее, такой же маневр выполнила Бериза. По боку вражеского шара расползался огонь. На гондоле не было заметно повреждений, но Толлер твердо знал, что Бериза не промахнулась.

Не теряя времени, она прочистила казенники пушек и зарядила их железными ядрами. Закончив, подняла руку, и Толлер снова двинулся на шар, стараясь вызвать на себя весь огонь. Ему это удалось; благополучно всадив стрелу в теряющего форму гиганта, он отошел подальше и отыскал в небесной синеве Беризу. На этот раз

она не дала себе передышки и заряжала пушки во время разворота. Через несколько мгновений она промчалась под машиной Толлера, заходя на гондолу снизу.

Не успели мушкетеры на канатах взять ее в прицел, как она дала залп из обеих пушек. Ядра вспороли палубу, и гондола содрогнулась, но с виду осталась невредимой, а солдаты продолжали палить сквозь густой черный дым, окутывавший подбитый корабль.

Толлер, ожидавший взрыва кристаллов, остановил машину. Едва ли Рассамарден погиб: человек — слишком маленькая цель по сравнению с гондолой. А им было необходимо знать наверняка, что вражеский король убит. Он поискал глазами Беризу; она спускалась к нему в сверкающем нимбе пара. Выждав, когда она приблизится, он постучал себя пальцем в грудь и указал на небесный корабль, давая понять, что на этот раз сам ударит по гондоле. Бериза сдернула со рта шар и выкрикнула что-то неразборчивое; Толлер едва успел заметить на ее обтекателе паутину белых трещин. Затем она до предела открыла дроссель и с оглушительным ревом рванула вперед — прямо на небесный корабль.

С криком, в котором гнев смешался с испугом,

Толлер помчался за ней вдогонку; он уже понял, что Бериза не изменит курса. За две секунды до столкновения она спрыгнула с машины. Истребитель пробил борт гондолы и поразил сердце корабля — газовую горелку. От удара корабль крутануло и подкинуло вверх; во все стороны полетели горящие клочья шара. Ускорительные стойки вырвались из пазов и замолотили в разные стороны, а солдат завертело на извивающихся веревках. Спустя мгновение раздался взрыв пикона и халвелла, его сопровождал яростный всплеск зеленоватого пламени. Теперь Толлер не сомневался, что погибли все до единого.

Бериза, оттолкнувшись ногами от кожуха истребителя, сумела лишь чуть-чуть отклониться от его курса и тотчас скрылась в клубах дыма. У Толлера кровь застыла в жилах, нервы, и без того натянутые до предела, грозили лопнуть. Он завел двигатель и описал полукруг вдоль кромки медленно вращающегося хаоса, пока не достиг синей безмятежности по ту сторону корабля. Беризу он заметил не сразу — белым мерцающим мотыльком она улетала к звездам и серебристым завиткам. Чтобы убедиться, он вскинул к глазу трубу — да, это Бериза, до нее примерно миля, и энергия движения, доставшаяся от истребителя,

заставляет ее удаляться.

Он пустился вдогонку, боясь увидеть изувеченный труп. Неподалеку от девушки он сбросил скорость. Истребитель стало кидать из стороны в сторону, и Толлеру пришлось привстать на «стременах», чтобы схватить ее за руку и подтянуть к себе. Он сразу понял, что Бериза цела и невредима: она подались навстречу и, мигом оказавшись верхом на истребителе, лицом к Толлеру, обвила руками его шею.

Ее лицо сияло безумным восторгом, и даже сквозь двойную толщину костюмов он чувствовал, как сильно она дрожит. Им ничего не оставалось, как слиться в поцелуе. У нее были ледяные губы, даже язык, и все-таки Толлер — навсегда, как ему казалось, забывший сексуальную страсть — не мог погасить жар, вновь и вновь толкавший его к этой женщине. Обхватив Толлера ногами, Бериза жадно прильнула к его губам, но в конце концов сжала его щеки ладонями и оторвалась.

— Ну, Толлер, как тебе это понравилось? — хрипло спросила она. — Признайся, ты в жизни не видал такой красоты!

— Да, да, но ведь ты чудом осталась жива, — сказал он.

— Знаю! — Бериза со смехом приникла к его губам, и они долго летели, затерянные среди звезд и светящихся завитков вселенной, которая принадлежала только им двоим.

* * *

На борту небесного корабля тишина нарушалась редко. Примерно в двухстах милях над зоной невесомости Толлер выполнил инверсионный маневр, и теперь корабль плавно падал на Верхний Мир. В ближайшие несколько дней от экипажа никакой работы не потребуется, разве что время от времени подкачивать горячий газ в огромный шар, чтобы его не смяло растущим давлением наружного воздуха. Вокруг царила стужа, но на этот раз она переносилась легче — помогали отопители, работающие на кристаллах. Вдобавок с недавних пор гондолы небесных кораблей для улучшения теплоизоляции покрывали тонким пергаментом.

И все-таки в цилиндрическом пространстве гондолы было довольно холодно. Когда Бериза сняла блузку, ее соски стянулись в коричневые бугорки. Толлер, уже обнаженный и укрывшийся под толстым стеганым пуховым одеялом, протянул ей руку, но она замешкалась, опустившись

перед ним на колени и держась за один из протянутых тут и там канатов, без которых не обойтись при длительном отсутствии силы тяжести на борту.

— Ты уверен, что стоит это делать? — спросила она. — Ты совсем потерял осмотрительность.

Недавно он заявил о своем намерении представить ее королю и вместо того, чтобы вернуться домой на парашюте, специально для них двоих вызвал небесный корабль.

— Ты медлишь, давая мне возможность передумать? — Он улыбался, разглядывая ее, — при обычной силе тяжести женские груди никогда не бывают так восхитительно приподняты. — Или наоборот, чтобы я не передумал?

Бериза провела ладонью по своей груди.

— Я думаю о леди Джесалле. Почти наверняка ей все расскажут, и я не хочу, чтобы ты потом глядел на меня букой.

— Мы с леди Джесаллой живем в разных мирах, — сказал Толлер. — И оба делаем не то, что хотим, а то, что нам суждено.

— Ну, если так… — Маленькое женское тело нырнуло к нему под одеяло, и он крякнул от прикосновения холодных пальцев.

Дни сменялись ночами, и Толлер заново откры-

вал для себя радости, без которых в последние годы жизнь его стала сухой и блеклой. Головокружительное наслаждение уживалось с невыносимой горечью — то и дело внутренний голос напоминал ему, что он вершит своего рода расправу над собой, духовное самоубийство…

А кругом полыхали метеориты.

Часть III
БЕСШУМНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ

Глава 11

Спустя восемьдесят дней после исчезновения Сондевиры Бартан Драмме освоился с новым укладом жизни. Каждое утро он уходил из дома и обрабатывал ближайшие участки земли — пренебрегать этой обязанностью он не мог, однако и не слишком усердствовал в полевых работах. Куда больше внимания он уделял стеклянным и керамическим бутылям — источнику бодрости и утешения. Производство и поглощение вина занимали едва ли не все часы бодрствования. Бартан привык обходиться без такой роскоши, как свежая закваска и осветление; последнюю процедуру он вообще считал бессмысленным эстетством, ибо она никак не влияла на содержание алкоголя в напитке.

Как только жижа переставала булькать, Бартан процеживал ее через фильтр, а освободившуюся емкость заполнял новой порцией фруктового или ягодного сока и добавлял старой закваски. Сусло быстро загрязнялось дикими дрожжами и бактериями, вино получалось кислое и лишенное букета, но неоспоримое преимущество этого метода заключалось в его скорости. Во главу угла

Бартан ставил высокую производительность. Его часто тошнило, он страдал потливостью, но это не казалось высокой ценой за лекарство от угрызений совести и мучительной бессонницы. Весьма устраивало его и снижение потребности в обычной пище — вино давало большую часть питательных веществ, необходимых для томительного, бесцветного существования.

Теперь даже семья Форатере покинула Корзину Яиц, и Бартан лишился возможности общаться с соседями, а в Новый Миннетт его больше не тянуло. В дороге Бартана разбирала тоска, и вообще визиты в таверну казались бессмысленными — ведь он и дома мог набраться до чертиков. К тому же с каждым разом горожане встречали его все прохладнее, и не замечать этого было нельзя. Мэр Кэрродалл лез с советами насчет трезвости и опрятности и уже не выглядел своим в доску парнем, с которым приятно посидеть и опрокинуть кувшинчик-другой.

Однажды на закате Бартан возвращался с поля и заметил впереди на пыльной тропе какое-то копошение. Приблизившись, он узнал ползучего гада, подобных которому не встречал уже давно. Коричневое существо двигалось по тропе к дому и поблескивало сероватым брюшком, перебира-

ясь через камешки.

С минуту Бартан взирал на него, дергая ртом от омерзения, потом огляделся в поисках увесистого булыжника. Увидев камень, который можно было поднять лишь обеими руками, он обрушил его на тварь. Затем, отвернувшись, чтобы взгляд ненароком не упал на тошнотворный результат удара, перешагнул через булыжник и подошел к синерогу.

На Верхнем Мире хватало разнообразных форм жизни, по большей части отвратительных на вид, но Бартан, встречая какое-нибудь мелкое существо, всегда мирно уступал ему дорогу. Исключение он делал только для коричневых ползучек, подчиняясь страстному желанию расправиться с ними на месте.

Дом и хозяйственные постройки купались в тыквенно-рыжем золоте. Подъехав ближе, Бартан привычно упал духом — его ждала долгая одинокая ночь. Больше всего на свете он боялся вечернего часа возвращения, когда вместо смеха Сондевиры его встречала тишина, а от темного купола неба отлетало эхо пустоты. Он миновал свинарник — тоже безмолвный, ибо всю скотину Бартан выпустил на волю, чтобы сама искала себе пропитание, — пересек двор, поднялся на

крыльцо и вдруг замер, прежде чем отворить входную дверь. Что-то не так. Сердце его бешено заколотилось.

— Сонди! — В необъяснимом порыве он метнулся в кухню, распахнул дверь спальни. Ни души. Внутри все тот же беспорядок, которому Бартан отдал на откуп свой дом. Последними словами ругая себя за глупость, он все-таки вернулся к выходу и обвел пристальным взглядом окрестности. В печальном бронзовом свете по-прежнему ничего не двигалось, и только синерог щипал траву возле фруктового сада.

Бартан вздохнул и помотал головой, отгоняя дурацкое наваждение. В висках пульсировала боль — закономерный итог послеполуденного возлияния. Почувствовав, что в горле пересохло, он выбрал из шеренги в углу полную бутыль, прихватил чашку и вышел на крыльцо. Вкус вина уступал обычному, но Бартан пил его как воду и с жадностью осушил три чашки, желая лишь блаженной одури, притупления разума и чувств: без сомнения, в ближайшие часы пьяный туман пойдет ему только на пользу.

Когда собралась тьма и расцветилась обычными ночными узорами, он нашел на небе Дальний Мир — единственное зеленоватое пятнышко на

небесном своде. К религии Бартан относился все еще скептически, хотя теперь понимал, какое утешение давала она надломленному судьбой человеку.

Если допустить, что Сондевира умерла… Как хорошо было бы верить — хоть наполовину, — что на самом деле она ушла по Горнему Пути в иной мир и там родилась вновь! Простая реинкарнация без сохранения памяти или личности, постулируемая альтернистской религией, почти не отличалась от обычной смерти, но все-таки она кое-что обещала. У Бартана теплилась надежда, что своим упрямством и невежеством он не погубил чудесную человеческую жизнь, что где-нибудь в вечности они с Сондевирой встретятся — возможно, не один раз, — и тогда ему удастся кое-что исправить. Вероятно, они будут неосознанно искать друг друга, и духовное родство непостижимым образом поможет им встретиться…

Романтически-прекрасная идея не столько утешала, сколько мучила, и навернувшиеся слезы разделили пятнышко Дальнего Мира на концентрические круги, а промежутки между ними заполнили призматическими иглами. Он глотнул еще вина, чтобы притупить давящую

боль в горле, и взмолился: «Сонди, милая, если ты там, дай мне знать. Если б ты хоть словом, хоть знамением дала понять, что жива, я бы тоже начал все сызнова!»

Он пил и пил, глядя, как Дальний Мир сползает с небес. Время от времени от усталости и берущего свое хмеля Бартан отключался, но всякий раз, когда открывал глаза, в поле зрения оказывалась зеленая планета. То она была похожа на клубящийся туман, то напоминала светящийся пузырь, то смахивала на круглую халцедоновую бусину, которая медленно вращалась и тысячью крошечных граней отбрасывала тусклое зеленое пламя. Казалось, она разрастается, и в конце концов Бартан разглядел подвижное ядро кремового сияния, исподволь, неуловимо для глаз, приобретшее контуры человеческого лица.

— Бартан, — откликнулась Сондевира, не размыкая губ, — бедный мой Бартан, я знаю, как ты мучаешься, и рада, что мы наконец можем поговорить. Перестань себя винить и наказывать, не расточай понапрасну одну-единственную жизнь. В том, что со мной случилось, ты не виноват.

— Но ведь это я тебя сюда завел, — промямлил Бартан, нисколько не удивившись. — Это я виновен в твоей смерти.

— Если б я умерла, разве могла бы с тобой разговаривать?

— И все-таки преступление содеяно! — пьяно стоял на своем Бартан. — Из-за меня ты лишилась жизни, которую я взялся беречь и охранять. Ты была такая красивая, такая славная, такая хорошая…

— Бартан! Не забывай, какой я была на самом деле. Не усугубляй свои мучения, воображая меня не обычной женщиной, а невесть кем.

— …Такая добрая, такая чистая…

— Может, тебе станет легче, если я скажу, что никогда не была тебе верна? Глэйд — далеко не единственный мужчина, даривший мне удовольствие. Их было много, в том числе мой дядя Джоп…

— Неправда! Это мой сон вкладывает грязную ложь в твои уста! — В глубине затуманенного сознания Бартана вдруг шевельнулась тревога. «Это не сон! Это на самом деле!»

— Вот именно, Бартан. — И снова — не голос, а модуляции молчания, непостижимым образом льющаяся с небес мудрость и доброта. — Это происходит на самом деле. Но больше никогда не повторится. Так что хорошенько запомни мои слова. Я не умерла! Хватит себя истязать, другой

жизни у тебя не будет. Лучше займись чем-нибудь полезным. А меня забудь. И не держи зла. Прощай, Бартан…

Чаша, ударившись оземь, с треском разлетелась, и Бартан от неожиданности вскочил на ноги. Шатаясь и дрожа, он вглядывался в изрешеченную звездами тьму, в Дальний Мир, почти касающийся западного горизонта, — без бахромы лучей он смотрелся точкой чистого зеленого свечения. Но теперь Бартан знал доподлинно: эта точка — другая планета, реальный мир, возможно, не уступающий размерами Миру и Верхнему Миру, и она обитаема.

— Сонди! — выкрикнул он, пройдя зачем-то несколько шагов вперед. — Сонди!

Дальний Мир как ни в чем не бывало сползал к горизонту.

Бартан вошел в кухню, схватил другую чашу и вернулся на крыльцо. Налил вина и выпил, не отрываясь, мелкими глотками. Загадочная блестка на горизонте мерцала и постепенно сходила на нет. Когда она сгинула, он ощутил в голове небывалую и необъяснимую прозрачность: способность постигать сверхъестественное стремительно покидала его.

Медлить с решением было нельзя — хмельной

вал угрожал вновь погрузить его в долгое беспамятство.

— Я по-прежнему отвергаю все религиозные догмы, — громогласно заявил он темноте, надеясь, что от этого его мысли на месяцы, если не на годы, впечатаются в сознание, — и поступаю совершенно логично. Но почему я уверен, что это совершенно логично? Потому что альтернисты проповедуют: только душа человека отправляется в странствие по Горнему Пути. Память не сохраняется — таков догмат их веры. Иначе на каждого мужчину, женщину и ребенка давило бы невыносимое бремя воспоминаний о предыдущих судьбах. Однако ясно, что Сондевира помнит и меня, и наше прошлое, следовательно, она не может быть альтернистской реинкарнацией. Мне не доводилось слыхать о людях, приходивших с того света пообщаться с близкими, да и Сондевира говорила, что другой жизни у меня не будет… хотя, разумеется, это ничего не доказывает. Но если человек живет на свете один раз и если Сондевира на самом деле разговаривала со мной, то логичен вывод: она не умерла! Она где-то существует физически!

Бартан сильно вздрогнул и надолго припал к чаше; пьяное воодушевление уживалось в нем

с подавленностью. Нить рассуждений ставила перед ним все новые вопросы — трудные, непривычные. Отчего ему втемяшилось в голову, что Сондевира на Дальнем Мире? Куда разумнее было бы допустить, что она где-нибудь здесь, на родной планете, хоть и далеко. Может, в человеческом подсознании призраки как-то связаны с ликом зеленой планеты, или в диковинной безголосой речи Сондевиры не только слова, но и молчание было насыщено смыслом? Если она на Дальнем Мире, то как, спрашивается, она там оказалась? Может, это как-нибудь связано с удивительными молниями, которые он видел в ночь ее исчезновения? А вот еще загадка: откуда у нее чудесная способность разговаривать с ним через тысячи миль космического пространства? Но все это не так уж важно… Теперь, когда Бартан посвящен, что он может и должен предпринять? Вот главный вопрос!

Бартан ухмыльнулся, вперив во тьму остекленевший взор. Как раз на главный вопрос ответить проще всего. О чем тут думать? Надо слетать на Дальний Мир и привезти Сондевиру домой.

* * *

— Жену похитили?! — За изумленным возгласом мэра Кэрродалла наступила тишина, перенасыщенная любопытством завсегдатаев таверны.

— Ага. — Бартан кивнул.

Кэрродалл порывисто шагнул к нему, ладонь упала на рукоять короткого меча.

— Кто посмел? Ты его знаешь?

— Не знаю, кто в этом виноват, зато знаю, где она, — ответил Бартан. — На Дальнем Мире.

Кое-кто встретил эту новость сдавленным смешком, и вокруг Бартана начала расти толпа. Кэрродалл окинул ее раздраженным взором, у него побагровели щеки. Он перевел на Бартана сощуренные глаза.

— На Дальнем Мире? Ты о том… который в небе?

— Да, я имею в виду планету Дальний Мир, — мрачно произнес Бартан и потянулся к стойке, чтобы забрать кувшин с элем. Он потерял равновесие и упал бы, если б не схватился за край стойки.

— Сядь лучше, а то свалишься. — Кэрродалл дождался, когда Бартан опустится на скамью, и

спросил: — Ты, должно быть, Тринчила наслушался, да? Хочешь, наверно, сказать, что жена твоя умерла и отправилась в путь по Горнему Пути.

— Я говорю, что она жива и находится на Дальнем Мире. — Бартан присосался к кувшину, а потом осведомился: — Неужели трудно это понять?

Кэрродалл уселся на скамью верхом.

— Трудно понять, как ты себя довел до такого плачевного состояния. Видок у тебя! А запах! Добро бы только плохого вина… Смотри, до чего допился — бредишь уже! А ведь я тебя, Бартан, предупреждал: бросай все и беги из Логова, пока не поздно.

— Уже. — Тыльной стороной ладони Бартан стер пену с губ. — Ноги моей больше там не будет!

— Ну вот, хоть одна здравая мысль. И куда ж ты теперь?

— Разве я не сказал? — Бартан скользнул взглядом по кругу веселых и недоверчивых физиономий. — На Дальний Мир, куда ж еще? Жену вызволять.

Грянул взрыв смеха, уже неподвластного авторитету мэра. Толпа разрасталась, хотя кое-кто

спешил прочь — разнести по городку потрясающую новость. Кто-то поставил перед Бартаном полный кувшин. В таверне появился толстяк Отлер, плечом проложил себе дорогу к Бартану и спросил:

— Слышь, друг, а откуда ты знаешь, что твоя жена перебралась на Дальний Мир?

— Она сама мне сказала… три ночи назад. Отлер ткнул соседа локтем в бок.

— Здорова орать бабенка… Еще бы — с такой-то грудью! Зря мы ее недооценивали, верно, Элсорн?

От такого хамства с Бартана слетела пьяная безмятежность, он схватил Отлера за грудки и попытался повалить на скамью. Но мэр растащил их и грозно выставил между ними палец.

— Я ж только хотел сказать, — жалобно произнес Отлер, заправляя рубашку в штаны, — что Дальний Мир очень уж далековато лежит. — Он расплылся в улыбке, сообразив, что скаламбурил. — Даром его, что ли, так прозвали? Далекая планета.

— С тобой поговоришь, так и в школу ходить не надо, — проворчал Бартан. — Сондевира мне являлась. Она говорила, но это было видение.

Снова громыхнул хохот. Бартан, как ни одурел

от вина и пива, сообразил, что все принимают его за идиота.

— Господа, — произнес он, неуверенно поднимаясь на ноги, — я слишком задержался в вашем гостеприимном краю и теперь вынужден вас покинуть, чтобы отправиться в благородный город Прад. Я не пожалел двух дней на ремонт и смазку фургона, так что путешествие будет не слишком долгим, и тем не менее в пути мне понадобятся деньги на еду, да и на вино, пожалуй. — Толпа насмешливо загомонила, и он кивнул с серьезным видом. — И на бренди. В фургоне — воздушная шлюпка, она вполне исправна, только оболочку нужно заменить. К тому же я привез добротную мебель и инструменты. Кто даст за все это сто роялов?

Несколько человек вышли из таверны — проверить, не лжет ли он. Остальных больше интересовало бесплатное развлечение.

— Ты не сказал, как собираешься добраться до Дальнего Мира, — произнес торговец со впалыми щеками. — Попросишь, чтобы тобой выстрелили из пушки?

— Сейчас я весьма смутно представляю себе этот полет. Потому-то и нужно сначала попасть в Прад. Есть там один человек, он в таких делах

лучше всех разбирается. Надо его найти.

— А как его зовут?

— Маракайн, — ответил Бартан. — Небесный маршал лорд Толлер Маракайн.

Отлер кивнул, плохо сдерживая ухмылку.

— Голову даю на отсечение, он тебе страсть как обрадуется. Вы с его светлостью — два сапога пара.

— Хватит! — Кэрродалл ухватил Бартана за руку и вытащил из таверны. — Бартан, смотреть на тебя — одно расстройство. Мало тебе пьяной болтовни про Дальний Мир, так еще и Убийцу Королей приплел! Да неужто ты всерьез?

— А почему бы и нет? — С видом уязвленного достоинства Бартан отцепил от рукава пальцы мэра. — Война закончена, и лорду Толлеру больше не нужны небесные крепости. Когда я ему предложу слетать на Дальний Мир и водрузить там стяг Колкоррона — Колкоррона, заметь! — он наверняка с радостью возьмет меня под свое покровительство.

— Жалко мне тебя, — печально вздохнул Кэрродалл. — Ей-богу, жалко.

Фургон катил на восток, Бартан поглядывал на горизонт и в конце концов был вознагражден первым отблеском долго прятавшегося Мира.

Вначале планета-сестра изгибалась серебряным месяцем над далекими горами, но мало-помалу поднималась все выше, пока не превратилась в сияющий купол, полусферу, все настойчивее посягающую на небесную тропу. И вот уже ясно видны очертания континентов и океанов, и в памяти пробуждаются далекие и давние легенды…

В следующий миг от горизонта оторвался нижний край Мира, и в узкую щель между планетами ударили разноцветные струи солнечного пламени. Происходило привычное для уроженцев Колкоррона суточное чередование света и тьмы, и хотя на этой стадии утренний день бывал чересчур короток, Бартан, одиноко трясущийся на пыльной дороге, не мог не отметить такое событие щедрой порцией бренди.

Он знал: когда утренний и вечерний дни уравняются, он доберется до Прада и вручит свою судьбу совершенно незнакомому человеку.

Глава 12

При закладке дворца архитекторы не пожалели времени, сил и смекалки, чтобы сад выглядел как можно древнее. Некоторым статуям ради этого отбили руки и ноги, стены и каменные скамьи «состарили» с помощью едких жидкостей. Цветы и кусты в этом саду частью были выращены из семян, вывезенных с Мира, а частью являлись местными аналогами растений Старой планеты.

Толлеру понравился замысел неведомых архитекторов. Прогулка по саду заполняла мучительную пустоту закатного часа. Однако аудиенция явно была назначена здесь не случайно, и Толлер ломал голову над психологической подоплекой. Деяния короля Чаккела со дня его прибытия на Верхний Мир не могут гарантировать ему место в истории, и он почему-то не желает с этим мириться. Видимо, он алчет всего того, чем обладали его предшественники, — не только власти, но и ее атрибутов и символов. Точно такие же амбиции совсем недавно погубили короля Новых Людей, и Толлер в который раз подумал, что ему не дано понять тех, кто мечтает править другими.

— Что ж, я вполне удовлетворен, — изрек Его Ве-

личество, поглаживая на ходу живот, как будто с наслаждением вспоминал о банкете. — Конечно, в нашей казне пробита внушительная брешь, но Рассамардена больше нет, и я могу избавиться от летучих крепостей. Сбросим их на Мир, глядишь, прикончим еще несколько заразных нахалов.

— Не думаю, что это хорошая идея! — вскинулся Толлер.

— А чем она плоха? Все равно они рано или поздно попадают, так пусть лучше на них, чем на нас.

— Ваше Величество, я имею в виду, что нам и впредь понадобится оборона. — Толлер понимал, что от него ждут логичных доводов, однако не мог сосредоточиться на проблемах, далеких от его личной жизни, — таких, как военная стратегия. Они с Беризой всего несколько часов назад высадились с небесного корабля, и теперь ему предстояло неизбежное объяснение с женой.

Чаккел раскинул руки, останавливая спутников.

— Завотл, а ты что скажешь?

Бледный Илвен Завотл прижимал локоть к животу.

— Прошу прощения, Ваше Величество… Вы меня о чем-то спросили?

Взглянув на него, Чаккел поморщился.

— Эй, да что с тобой творится? Похоже, собственные потроха тебе куда интереснее, чем мои слова. Заболел, что ли?

— Пустяковое разлитие желчи, Ваше Величество, — ответил Завотл. — Судя по всему, ваши блюда чересчур роскошны для моей крови.

— Ну, раз так, пускай твой желудок скажет мне спасибо. — Король ухмыльнулся. — Я собираюсь снять воздушный заслон и скинуть крепости на Мир. Что скажешь?

— Отсутствие обороны может соблазнить противника.

— С какой стати? Он деморализован, да и разбит наголову.

— А вдруг наследник Рассамардена одержим теми же амбициями? — спросил Толлер. — Тогда мирцы запросто могут послать новый флот.

— После того, как ты начисто уничтожил прежний? Толлер видел, что король начинает сердиться, но уступать не собирался.

— Ваше Величество, мое мнение таково: надо сохранить в зоне невесомости все истребители и необходимое количество баз.

К его удивлению, Чаккел от души рассмеялся.

— Ага, Маракайн, раскусил я тебя! — Он хлоп-

нул Толлера по плечу. — Никак ты у нас не вырастешь, все бы в бирюльки играть. Теперь твои игрушки — истребители, а зона невесомости — песочница. А я, значит, должен за все это платить. Что, скажешь, не так?

— Разумеется, не так, Ваше Величество. — Толлер не скрывал раздражения. Джесалла нередко выговаривала ему в подобном духе, и он… «Джесалла! Я предал нашу любовь и теперь должен признаться тебе! Эх, если б только я мог получить прощение! Я бы поклялся больше никогда…»

— Да брось, я не в претензии, — усмехнулся Чаккел. — Я ведь кое в чем с тобой согласен… особенно после того, как познакомился с твоей красоткой.

— Ваше Величество, если вы имеете в виду небесного капитана Нэрриндер…

— Да ладно тебе, Маракайн, не надейся меня убедить, что эта крошка не побывала у тебя в постели. — Чаккел с нескрываемым самодовольством подзуживал Толлера; он пришел в радостный азарт, неожиданно обнаружив у собеседника слабое место. — У тебя же на лице все написано! А ты, Завотл, что скажешь?

Сосредоточенно массируя живот, Завотл произнес:

— Я думаю, командные станции лучше всего сжечь. Пепел развеется по ветру, и они не причинят нам вреда, а враг ни о чем не узнает.

— Превосходная мысль, Завотл! Я тебе, конечно, благодарен, но ты все-таки уклонился от ответа.

— Ваше Величество, я не желаю рисковать, — с улыбкой произнес Завотл. — Иначе мне придется либо выразить несогласие с королем, либо огорчить благородного господина, имеющего привычку бурно реагировать в подобных случаях.

Толлер благодарно кивнул ему.

— Он хочет сказать, что любой человек имеет право на личную жизнь.

Откровенно забавляясь, Чаккел покивал головой.

— Толлер Маракайн, мой старый советник, старый друг и старый насмешник! Нельзя одновременно плыть вверх и вниз по течению. Тебя на несколько дней опередили посланники на парашютах, и по всему Праду, да что там — по всей стране успел разлететься слух о твоем свадебном путешествии с очаровательным небесным капитаном. Она теперь национальная героиня, да и ты — в который уж раз? В пивнушках Колкоррона мои подданные — в большинстве своем дурни,

охочие до романтики, — только и делают, что пьют за ваш союз. Их-то понять легко, ведь им не надо объясняться с леди Джесаллой, а что касается меня, то я, пожалуй, предпочел бы сразиться с Каркарандом.

Толлер решил, что пора уходить, и отвесил королю церемонный поклон.

— Ваше Величество, осмелюсь повторить: человек имеет право на личную жизнь.

Продвигаясь на юг по тракту, что соединял Прад с городом Хиверном, Толлер достиг гребня холма и впервые чуть ли не за год увидел собственный дом.

Он лежал на юго-востоке, и до него еще оставалось несколько миль. Солнце вечернего дня перекрашивало серую кладку в белый цвет и резко вычерчивало здание среди естественных зеленых горизонталей. Толлер попытался пробудить в душе радость возвращения и любовь к своему родовому гнезду, но безуспешно, и ему стало совсем муторно.

«Я счастливый человек, — убеждал он себя. — В этом доме живет моя любимая постоянная жена, и если она простит измену, я почту за счастье быть ее верным супругом до конца наших дней. Пускай ей будет нелегко забыть обиду, я

постепенно заслужу ее любовь, став тем, кого она хотела бы видеть рядом с собой, — Толлером Маракайном, каким ему надлежит быть и каким я искренне желаю стать. Вот о чем я мечтаю!»

С возвышенности Толлеру была видна галечная дорога, которая вела от большака к его имению. Внезапно ему попалось на глаза размытое белое пятнышко, вскоре обернувшееся всадником. Короткая подзорная труба — неразлучная спутница Толлера с детских лет — позволила разглядеть ярко-кремовый цвет передних ног синерога; теперь Толлер не сомневался, что наездник — его сын. На сей раз его радость была искренней — он очень соскучился по Кассиллу, и не только кровные узы были тому причиной, но и удовольствие, которое он получал, работая с сыном.

В горниле воздушной войны, в среде, малопригодной для жизни человека, у Толлера как-то сразу вылетели из головы планы, которые он вынашивал вместе с Кассиллом. Они немало сделали вдвоем, а собирались сделать еще больше — столько, что и жизни не хватит. В первую очередь надо положить конец вырубке деревьев браккки, не то человечество снова наживет себе непобедимого врага в лице птерты. И Толлер не видел иного пути к спасению, кроме развития

металлургии.

Но король Чаккел упорно не желал взваливать эту проблему на свои плечи, а потому Толлеру ничего другого не оставалось, как взяться за дело самому и пособить сыну.

Он пустил синерога вскачь к перекрестку, предвкушая момент, когда Кассилл заметит и узнает его. Как раз на этом перекрестке произошла злополучная встреча с Оуслитом Спеннелем, но Толлер отогнал воспоминание. Они с Кассиллом быстро сближались. Когда их разделяло не более фарлонга, Толлер было встревожился, но тут же успокоил себя предположением, что сын закрыл глаза и доверил синерогу везти его привычным путем — вероятно, к кузницам.

— Эй, соня! — выкрикнул Толлер. — Кто ж так отца приветствует?

Без тени удивления на лице Кассилл глянул в его сторону, отвернулся и проехал мимо, не коснувшись повода. Пока Толлер приходил в себя от неожиданности, юноша успел достигнуть перекрестка и снова поверг отца в изумление, свернув на юг. Окликнув его по имени, Толлер повернул синерога и галопом поскакал вдогонку. Он обогнал Кассилла и остановил, ухватив его животное за поводья.

— Да что с тобой, сынок? — спросил он. — Никак спросонья?

В серых глазах Кассилла сверкал лед.

— Я не спал, отец.

— Так в чем же дело? — Толлер вглядывался в изящный овал юного лица, так похожий на лицо Джесаллы, и в его душе быстро угасала радость. — А, вот оно что…

— Вот оно — что?

— Кассилл, не играй словами. Что бы ты обо мне ни думал, имей хотя бы смелость высказать это прямо в глаза, как я тебе всегда высказывал. Ну, что тебя беспокоит? Может, дело в женщине?

— Я… — Кассилл прижал к губам кулак. — Впрочем, где она? Неужели сочла короля более достойным ее ласк?

Толлер едва подавил гнев.

— Не знаю, что тебе наплели, но Бериза Нэрриндер — превосходная женщина.

— Как и всякая шлюха, наверно. — Кассилл усмехнулся.

Толлер замахнулся, чтобы врезать ему тыльной стороной ладони, но в последний миг спохватился. Он опустил в замешательстве голову и посмотрел на свою руку так, будто она была посторонним человеком, пытающимся влезть в

разговор. Его скакун, пофыркивая, ткнулся носом в бок синерога Кассилла.

— Прости, — вымолвил Толлер. — Характер, будь он неладен… На работу едешь?

— Да. Почти каждый день там бываю.

— Я туда попозже загляну. Сначала надо поговорить с твоей матерью.

— Как пожелаешь, отец. — Кассилл старательно хранил бесстрастный вид. — Я могу ехать?

— Я тебя больше не задерживаю. — Сопротивляясь натиску отчаяния, Толлер проводил сына взглядом и отправился дальше. Почему он ни разу не задумался о том, какие чувства должен испытывать Кассилл? Теперь, наверно, между ними пропасть… Может быть, со временем сердце мальчика смягчится… Важнее всего — добиться прощения Джесаллы. А тогда и с Кассиллом, возможно, дело быстрее пойдет на лад.

Над головой Толлера расширялся солнечный месяц за диском Мира, напоминая о приближении вечера. Он поторопил синерога. Вдоль пути тянулись поля, тут и там работали крестьяне; многие, заметив лорда, разгибали спину, чтобы помахать ему рукой. Он пользовался уважением арендаторов — в основном за не слишком обременительную ренту. С Толлером всегда можно

было договориться. Как бы ему хотелось, чтобы во всем мире люди с такой же легкостью находили общий язык!

Король шутил насчет предстоящего разговора с Джесаллой, однако Толлеру уже случалось испытывать трепет посильнее нынешнего. Но еще ни разу ему не приходилось идти сквозь строй ее обиды, презрения и гнева. Оружие любимых — слова, молчание, мимика, жесты — неосязаемо, но ранит глубже, чем мечи и копья.

К тому времени, когда Толлер добрался до стены, огораживающей участок перед домом, у него пересохло в горле; максимум, на что он был способен, это сдерживать дрожь.

Под ним был синерог из королевских конюшен, а потому Толлеру пришлось спешиться и самому отворить ворота. Он провел животное во двор и там отпустил. Синерог побрел к каменной поилке, а Толлер окинул взглядом знакомый сад с холеными декоративными кустарниками и клумбами. Джесалла сама ухаживала за ними, и ей это нравилось. Везде, куда ни глянь, ощущалась ее умелая и заботливая рука. Все кругом предвещало ему скорую встречу с женой.

Он услышал, как распахнулась передняя дверь, обернулся и увидел стоящую на пороге Джесал-

лу в длинной — до щиколоток — темно-синей мантии. Волосы ее были изящно уложены, серебряная лента напоминала диадему. Никогда раньше Толлер не видел жену такой красивой и такой грозной; когда же он заметил на ее губах улыбку, бремя вины стало поистине невыносимым. Он тоже улыбнулся, но получилась лишь убогая гримаса. Ему хотелось подойти к Джесалле, а ноги точно в землю вросли. Она сама к нему приблизилась и поцеловала в губы, поцеловала нежно, но сразу оторвалась и шагнула назад, чтобы окинуть его взглядом с головы до ног.

— Невредим, — кратко заключила она. — Толлер, я так за тебя боялась. Говорят, там было невероятно опасно… Но теперь я вижу, что ты жив, и снова могу дышать.

— Джесалла… — Он взял ее за руки. — Нам с тобой надо поговорить.

— Конечно, надо. Но ты, наверно, проголодался и пить хочешь. Входи, я накрою на стол. — Она потянула его за собой, но он не тронулся с места.

— Мне кажется, будет лучше, если я останусь здесь.

— Почему?

— Может быть, услышав мой рассказ, ты не захочешь пускать меня в дом.

Джесалла задумчиво посмотрела на него и повела к каменной скамье. Усадила, опустилась рядом и придвинулась. От прикосновения ее бедра Толлер почувствовал возбуждение и одновременно — смущение.

— Итак, милорд, — произнесла она беспечным тоном, — в каких смертных грехах вам угодно покаяться?

— Я… — Толлер опустил голову. — Я был с другой женщиной.

— И что с того? — На лице Джесаллы не дрогнул ни один мускул.

Толлер опешил.

— Ты, наверно, не поняла… Я имею в виду, что был с другой женщиной в постели.

Джесалла рассмеялась:

— Толлер, я знаю, что ты имеешь в виду. Я же не дура.

— Но… — Толлеру никогда не удавалось предугадать реакцию жены; вспомнив об этом, он насторожился. — Ты не сердишься?

— Ты ведь не собираешься привести эту женщину сюда и посадить на мое место?

— Тебе же прекрасно известно: на такое я не способен.

— Да, Толлер, знаю, у тебя доброе сердце. Кому

и знать, как не мне, мы ведь столько лет вместе прожили. — Джесалла улыбнулась и ласково опустила ладонь на его запястье. — Так что у меня нет причины сердиться и упрекать тебя.

— Но ведь это неправильно! — взорвался Толлер, совершенно сбитый с толку. — Раньше ты такой не была. Откуда это равнодушие? Разве можно спокойно относиться к тому, что я сделал?

— Повторяю, ты мне ничего плохого не сделал.

— Неужели мир перевернулся? — спросил Толлер. — Значит, по-твоему, изменить постоянной жене — это вполне нормально. Нет ничего плохого в том, что мужчина предает любимую женщину…

Джесалла опять улыбнулась, на этот раз сочувственно.

— Бедняжка Толлер, ты так ничего и не понял. Неужели ты до сих пор не догадался, почему все эти годы томился, как орел в клетке? Почему хватался за любую возможность рискнуть головой? Признайся, для тебя это неразрешимая загадка.

— Джесалла, ты что, стараешься меня разозлить? Сделай одолжение, не говори со мной, как с ребенком.

— Но ведь в этом-то все и дело! Ты ребенок. И

никогда не повзрослеешь.

— Да вы все точно сговорились! Пожалуй, будет лучше, если я тебя сейчас оставлю и приеду как-нибудь в другой день. Может, мне улыбнется фортуна и ты не будешь говорить загадками. — Толлер привстал, но Джесалла усадила его обратно на скамью.

— Только что ты говорил об измене любимой женщине, — произнесла она тоном, мягче и добрее которого ему не доводилось слышать. — Вот тут-то и кроется источник всех твоих бед. — Джесалла умолкла, и впервые с той минуты, как она вышла встречать Толлера, ей отказала уверенность в себе. Или ему померещилось.

— Продолжай.

— Милый мой Толлер, вся беда в том, что ты меня больше не любишь.

— Ложь.

— Нет, Толлер, это правда. Я всегда знала: любовь живет тем дольше, чем слабее тлеют ее угольки. Яркое пламя хорошо только вначале. Если б ты тоже это понял, если б смирился, то был бы, наверно, счастлив со мной… Но ведь это не для тебя! Совершенно не для тебя! Взгляни, во что ты еще влюблен: в армию, в небесные корабли, в металлы. Ты неисправимый идеалист, ты вечно

на пути к недосягаемой сияющей вершине. А когда она оказывается миражем, ты не успокаиваешься, пока не находишь замену.

Ее слова жалили Толлеру сердце, и где-то в глубине души зашевелился ненавистный червь разочарования.

— Джесалла, — произнес он как мог рассудительно, — не слишком ли много воли ты даешь воображению? Ну скажи, разве может человек влюбиться в металлы?

— Для тебя в этом нет ничего сложного. Тебе ведь мало открыть вещество и ставить на нем опыты — ты обязательно устроишь целый крестовый поход. Ты собираешься навсегда покончить с вырубкой браккки, положить начало новой славной эре, спасти человечество от верной гибели. Когда же наконец до тебя дойдет, что Чаккел и ему подобные палец о палец не ударят, покуда не увидят в небе корабль мирцев?

Толлер, на этот раз ты спасся — перед тобой выросла новая сияющая вершина. И что, долго ты ее покорял? Война закончилась, едва успев начаться, и вот опять серые пошлые будни… И до старости рукой подать… А самое страшное — никто не спешит бросить тебе очередной вызов. Впереди — всего-навсего спокойная жизнь в этом

поместье или еще где-нибудь, а потом — самая что ни на есть заурядная кончина. Нравится такая перспектива, а, Толлер? — Джесалла не сводила с него хмурого взгляда. — Знаю, не нравится. А потому я бы предпочла, чтобы мы жили порознь. Остаток моих дней я хочу провести в мире и покое, и мне не слишком приятно глядеть, как ты ищешь дорожку на тот свет.

Червь разочарования с жадностью вгрызался в душу Толлера, вокруг него расползалась черная пустота.

— Хорошо, наверно, обладать такой мудростью, так великолепно владеть своими чувствами.

— Старый сарказм? — Теплая ладонь Джесаллы сильнее прижалась к его запястью. — Ты несправедлив ко мне, если думаешь, что я не испытываю никакой печали. Я ведь не сразу поняла, в чем наша беда. Только в ту ночь, когда осталась с тобой во дворце… злилась на тебя… ненавидела даже… но прятала слезы. Что толку злиться и ненавидеть, ведь тебя не переделаешь. Ладно, все уже в прошлом. Теперь меня заботит только будущее.

— А есть оно у нас, это будущее?

— У меня есть, я так решила… да и тебе рано или поздно придется сделать выбор. Знаю, тебе больно это слышать, но иначе нельзя. Сейчас

я вернусь в дом. Я бы очень хотела, чтобы ты побыл здесь, пока не примешь решение. А тогда — или оставайся со мной, или уезжай, но только, пожалуйста, реши раз и навсегда. Не входи в дом, пока не поверишь всем сердцем, что лишь со мной ты будешь счастлив до гробовой доски и что ради этого готов бросить все на свете. Никаких компромиссов, Толлер. Полная и безоговорочная капитуляция.

Джесалла с грацией эфирного создания встала на ноги и, глядя на него сверху вниз, спросила:

— Ты дашь мне слово?

— Даю слово. — Толлер с трудом ворочал языком, в страхе думая о том, что видит постоянную жену, быть может, в последний раз. Он провожал ее взглядом, пока она не взошла на крыльцо и не затворила за собой дверь. Джесалла даже не оглянулась.

Толлер неприкаянно бродил по саду. Солнце садилось, тень западной стены расширяла свои владения; меркли краски накрываемых ею клумб; воздух свежел.

Он поднял голову, нашел в небе уверенно светлеющий диск Мира, и за одно мгновение перед ним пронеслась вся его жизнь, от младенческой колыбели на этой далекой планете до огорожен-

ного каменными стенами пространства, где он стоял сейчас. Казалось, все, что с ним произошло, имело одну-единственную цель: привести его сюда и поставить перед выбором. В ретроспективе жизнь была широкой торной дорогой, шагалось по ней легко и радостно, и вот он нежданно-негаданно застрял на распутье. Настало время принимать решение — настоящее решение, — и тут вдруг выясняется, что он не очень-то готов.

Толлер усмехнулся, вспомнив, что всего лишь несколько минут назад роман с Беризой Нэрриндер казался ему чем-то важным. Джесалла — умница, она ему сразу не придала значения. Потому что видит Толлера насквозь. Он — на распутье, и от выбора не уйти.

Он все блуждал по саду, а солнце уходило за горизонт, и число звезд росло. Несомый ветром, который не ощущался в увитых лозами стенах усадьбы, над головой Толлера плыл прозрачный шар птерты. В восточной синеве все яснее прорисовывались серебристые завитки. Внезапно Толлер остановился — его, словно молния, поразила догадка, почему он так медлит с выбором.

Потому что выбирать не из чего! Нет никакого распутья!

Все решено за него. Он бы сразу это понял, если

бы внимательнее прислушался к словам Джесаллы. Он никогда не будет с нею счастлив, ибо внутри у него — пустота. И она с ним не будет счастливой. А значит, он медлит лишь потому, что боится. Не хочет взглянуть правде в глаза.

— Правда — в том, что я полутруп, — сказал он себе. — Все, что мне осталось, — довести до конца начатое.

Он вздохнул — судорожно, со всхлипом, — подошел к синерогу, взял под уздцы и повел к воротам. Затворяя их, в последний раз взглянул на тонущий в сумраке дом и ни в одном из темных окон не заметил Джесаллы.

Толлер взобрался в седло, и синерог неторопливо, враскачку затрусил по гравиевой дороге на восток. Труженики уже ушли с полей, и мир казался обезлюдевшим.

— Что дальше? — обратился он к вселенной. — Ну, сделай милость, скажи, как мне теперь быть?

Вдалеке двигалось едва различимое пятнышко. Будь Толлер в нормальном расположении духа, он бы извлек подзорную трубу и еще издали узнал бы кое-что о путнике, но сейчас это казалось невероятно трудным. И вообще, куда спешить? — подумал он. Вполне можно довериться естественному ходу событий.

Вскоре он различил фургон, влекомый тощим синерогом, а еще через несколько минут рассмотрел седока. И возница, и экипаж пребывали, мягко говоря, в плачевном состоянии. Фургон растерял почти всю парусину, колеса жутко вихляли на изношенных осях. На облучке восседал бородатый молодой человек, покрытый таким толстым слоем дорожной пыли, что смахивал на глиняное изваяние.

Толлер отъехал к обочине, уступая дорогу, и был удивлен, когда фургон остановился рядом. Возница окинул лорда мутным взором покрасневших глаз, и еще до того, как он заговорил, у Толлера не осталось сомнений, что путешественник пьян в стельку.

— Скажите, господин, — произнес бородач заплетающимся языком, — имею ли я честь видеть перед собой лорда Толлера Мар…ак…айна?

— Да, — ответил Толлер. — Чем могу служить? Возница качнулся на козлах и вдруг изобразил улыбку, не лишенную мальчишеского шарма. На грязной, опухшей от пьянства физиономии она выглядела по меньшей мере странно.

— Милорд, позвольте представиться: Бартан Драмме. Хочу сделать ун…ик…альное предложение. Уверен, оно вас обязательно заинтересует.

— Весьма в этом сомневаюсь, — холодно вымолвил Толлер, решив, что напрасно теряет время.

— Позвольте, милорд! Насколько мне известно, вык… вы командуете воздушной обороной, и все, что относится к небесам, — в вашем ведении.

Толлер отрицательно качнул головой.

— Все уже в прошлом.

— Прискорбно это слышать, милорд. — Драмме извлек на свет божий бутыль, выдернул пробку и устремил на Толлера хмурый взгляд. — В таком случае мне не остается ничего другого, как просить аудиенции у короля.

Как ни тяжело было на сердце у Толлера, он расхохотался.

— Голову даю на отсечение, он будет просто в восторге.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — кивнул Драмме, излучая пьяную самоуверенность. — Любой монарх придет в восторг от ик… идеи водрузить его знамя на планете, которую мы зовем Дальним Миром.

Глава 13

Название «Синяя Птица» эта прадская гостиница получила в честь некогда знаменитого на весь старый Ро-Атабри постоялого двора. Ее владелец дорожил репутацией заведения и заботился о приличиях, а потому отнюдь не пришел в восторг, когда в его владениях появился Толлер с Бартаном Драмме «на поводу». Одного взгляда на физиономию хозяина Толлеру хватило, чтобы понять: честь принимать у себя прославленного аристократа — не бог весть какая щедрая плата за визит его оборванного и дурно пахнущего спутника. Как бы то ни было, хозяина гостиницы удалось уломать, и он предоставил гостям две спальни и распорядился в одну из них отнести большую ванну и наполнить ее горячей водой. Теперь в ней отмокал Бартан; кроме его головы, над мыльной пеной виднелась только рука, сжимающая кубок бренди. Он предложил своего пойла Толлеру, и тот, отведав его, состроил жуткую гримасу — крепчайший напиток обжег глотку.

— И сколько, по-твоему, можно протянуть на такой бурде? — полюбопытствовал он. — Скажешь, долго?

— Ну что вы, — ответил Бартан. — Конечно, я бы предпочел настоящее бренди, но это — все, что я могу себе позволить. Милорд, чтобы добраться до вас, я отдал последний грош.

— Сколько раз повторять: не называй меня лордом! — Толлер поднес керамический кубок к носу, понюхал и вылил содержимое в ванну.

— Зачем же добро переводить? — жалобно запротестовал Бартан. — И вообще полоскать в такой отраве интимные места… По-вашему, это приятно?

— По-моему, вреда не будет. Сдается мне, она задумывалась для наружного применения. Не горюй, я скажу хозяину, чтобы принес чего-нибудь не столь ядовитого, а пока давай вернемся к твоему рассказу. Я никак не могу взять в толк одного…

— Чего именно?

— Ты утверждаешь, что твоя супруга жива и находится на Дальнем Мире. Что она не призрак и не реинкарнация, а та самая женщина, которую ты знал. Как случилось, что ты в это поверил?

— Не берусь объяснить… Она сама дала понять… Ее слова были не просто словами — в них заключалось нечто большее.

Толлер задумчиво теребил нижнюю губу.

— У меня не настолько развито самомнение, чтобы считать себя непревзойденным знатоком тайн человеческого бытия. Готов признать, что в этом мире еще хватает загадок, и не все они будут разгаданы на моем веку. Но то, о чем ты говоришь, плохо укладывается в голове.

Бартан поерзал в ванне, расплескивая воду на пол.

— Я сам — убежденный материалист с младых ногтей, и хотя в Корзине навидался всякого, простачков, которые верят в сверхъестественное, без смеха не воспринимаю. Но то, о чем я вам рассказал, — чистая правда. Тут у меня никаких сомнений, а почему… Вряд ли это можно объяснить. Во-первых, эти загадочные молнии… Во-вторых, поведение Сондевиры до той ночи. Все это для меня непостижимо. Но я знаю наверняка: она жива и находится на Дальнем Мире.

— Ты сказал, что она явилась тебе, как видение, и говорила прямо с Дальнего Мира. Трудно вообразить что-нибудь более сверхъестественное.

— Наверно, мы по-разному понимаем это слово. То, что мы с женой разговаривали, — вполне естественно. Мистический оттенок этому случаю придают лишь некоторые мелочи, лежащие за пределами нашего понимания.

Толлер заметил, что Бартан, хоть и под хмельком, говорит удивительно гладко. Он встал, сделал круг по комнате, освещенной масляными лампами, и уселся в кресло. Бартан смаковал бренди и выглядел совершенно нормальным.

— Скоро придет Илвен Завотл, если только гонец не сбился с ног, разыскивая его, — сказал Толлер. — Предупреждаю: он поднимет тебя на смех.

— Ну и пожалуйста. — Бартан пожал плечами. — Собственно, он вовсе не обязан верить. Случай с женой касается только меня. Я и рассказал-то о нем лишь затем, чтобы вы поняли: у меня есть личная причина лететь на Дальний Мир. Как бы ни была она серьезна, глупо надеяться, что другие отправятся в такое рискованное путешествие только ради спасения моей жены. Но мне почему-то верится, что король захочет попытать счастья там, где Рассамарден сломал себе шею, — захочет присоединить к своим владениям целую планету. И я, подбросивший ему эту мысль, буду вознагражден зачислением в состав первой дальнемирской экспедиции. Если, конечно, до этого дойдет. Вашего друга Завотла я попрошу о пустяке: чтобы он сделал полет возможным.

— Ага, сущий пустяк.

— Вряд ли вы когда-нибудь поймете, сколь много я прошу. — На лице Бартана — юного старца — появилось тоскливо-задумчивое выражение. — Видите ли, все, что случилось с женой, — на моей совести. Ужасно было ее потерять, но еще ужаснее — влачить бремя вины…

— Бедолага, — вздохнул Толлер. — И ты из-за этого так пьешь?

Склонив голову набок, Бартан поразмыслил над вопросом.

— Наверно, начал я из-за этого, но скоро обнаружил, что пьяному куда легче, чем трезвому. Не так тошно.

— А в ту ночь, когда она являлась, ты был…

— Пьян? — договорил за него Бартан. — Еще бы! — Словно дополняя признание, он сделал несколько больших глотков. — Но к тому, что происходило в ту ночь, это не имеет ни малейшего отношения. Милорд, если угодно…

— Толлер.

Бартан кивнул:

— Толлер, если угодно, считайте меня полоумным или одержимым, по большому счету это не важно. Я прошу вас об одном: отнеситесь всерьез к предложению насчет экспедиции на Дальний Мир. Поймите, я должен лететь. Я опытный возду-

хоплаватель. Я и пить брошу, если понадобится.

— Понадобится. Но как бы меня ни восхищала идея слетать на Дальний Мир, я не смогу всерьез обсуждать ее с королем или с кем-нибудь другим, пока не услышу, что на этот счет думает Завотл. Пойду встречу его внизу и отведу в отдельный кабинет, там можно будет освежиться винцом и поговорить о делах в более располагающей обстановке. — Толлер поднялся и поставил на стол пустой кубок. — Когда приведешь себя в порядок, спускайся к нам.

В знак согласия Бартан поднял свой кубок и сделал внушительный глоток.

Укоризненно покачав головой, Толлер покинул номер и сумрачным коридором прошел к лестнице. Бартан Драмме — в высшей степени странный молодой человек, размышлял он, если не сказать — безумец. Но когда он впервые заговорил о путешествии на Дальний Мир, в Толлере мигом ожило знакомое чувство — радость первопроходца, после трудных многолетних скитаний увидевшего впереди свою цель. Этому сопутствовала мощная волна возбуждения, но Толлер сдерживал ее из страха разочароваться.

Как бы дико, нелепо и смешно ни выглядела идея полета на Дальний Мир, Чаккелу она

придется по душе — именно по той причине, на которую указал Бартан. Но лишь при условии, что Илвен не сочтет ее бредовой. Завотл снискал королевское расположение, техническая сторона межпланетных полетов целиком в его ведении, так что, если этот коротышка с ушами в трубочку скажет: «О чем ты говоришь? Дальний Мир недосягаем!», Толлеру Маракайну ничего другого не останется, как смириться с уделом простого смертного, ожидающего заурядной кончины.

А этого допустить нельзя.

«Джесалла тысячу раз права, — подумал он, останавливаясь на ступеньке лестницы. — Я веду себя в точности как она говорила. Но есть ли сейчас смысл делать что-то иное?»

Он спустился в заполненный народом вестибюль гостиницы и увидел Завотла в партикулярном платье — он о чем-то расспрашивал портье. Толлер громко поприветствовал его, и через минуту они расположились в маленьком кабинете, а на столе появился графин доброго вина. В стенных нишах горели лампы, и в их ровном голубоватом сиянии Толлер заметил, что его друг утомлен и погружен в свои мысли. Он был моложе Толлера на несколько лет, но его сильно старила ранняя седина.

— Дружище, что с тобой? — участливо спросил Толлер. — Опять желудок шалит?

— Даже если не ем ничего, все равно — несварение, — ответил Завотл с чахлой улыбкой. — Не ахти какое удовольствие.

— Не беда. Сейчас я кое-что расскажу, и ты тут же позабудешь про желудок. — Толлер наполнил два кубка зеленым вином. — Помнишь, о чем мы утром спорили с королем? Как теперь быть с оборонительными станциями.

— Да, помню.

— Ну так вот, нынешним вечерним днем я встретил молодого человека по имени Бартан Драмме, и он высказал любопытную мысль. Юноша все время навеселе и малость не в ладах с рассудком, да ты и сам скоро увидишь. Но мысль заманчивая. Он предлагает отправить станцию, а может, и не одну, на Дальний Мир.

Толлер старался говорить легким, почти беспечным тоном, но внимательно следил за лицом Завотла и встревожился, когда тот насмешливо дернул ртом.

— Говоришь, твой новый знакомый не в ладах с рассудком? Я б его назвал форменным психом. — Завотл ухмыльнулся в кубок.

— Но ты же не хочешь сказать… — Толлер за-

мялся, сообразив, что надо довериться другу, а там будь что будет. — Илвен, мне позарез нужен Дальний Мир. Мне больше некуда деться.

Завотл недоуменно посмотрел ему в глаза.

— Мы с Джесаллой разошлись, — ответил Толлер на молчаливый вопрос. — Между нами все кончено.

— Понятно. — Завотл сомкнул веки и осторожно помассировал их кончиками большого и указательного пальцев. — Очень многое будет зависеть от того, где находится Дальний Мир, — медленно проговорил он.

— Спасибо! — воскликнул Толлер, преисполненный благодарности. — Спасибо, дружище, я перед тобой в огромном долгу. Только скажи, чем я смогу отплатить, и…

— Да, я рассчитываю на плату, — перебил Завотл, — но говорить об этом не буду. Во всяком случае, не с тобой.

Настал черед Толлеру отгадывать мысль друга.

— Илвен, полет будет опасным. Зачем тебе жизнью рисковать?

— Я всегда думал, что у меня слишком слабое пищеварение, а оказалось, наоборот, чересчур сильное. — Он похлопал по животу. — Я сам себя перевариваю, и этот праздник самоедства

не может длиться вечно. Так что Дальний Мир мне нужен не меньше, чем тебе. Если не больше. Для меня это будет полет в один конец. Но тебя и остальных членов экипажа, надо думать, такое путешествие не устроит, а потому мне придется как следует раскинуть мозгами, чтобы обеспечить вам благополучное возвращение. Ты прав, это позволит на часок-другой отвлечься от желудочных болей, так что не ты меня, а я тебя должен благодарить.

— Илвен… — Толлер заморгал, обнаружив, что лампы вдруг ощетинились расплывчатыми иглами. — Илвен, прости, я… так запутался в своих неурядицах, даже не подумал, каково тебе.

Завотл улыбнулся и порывисто схватил его за руку.

— Толлер, ты не забыл наш самый первый полет? Помнишь, как мы с тобой поднимались в неизвестность, какими счастливыми были? Давай-ка отбросим лишние печали и возблагодарим судьбу за то, что нас ждет впереди — еще один небывалый полет, еще одна великая неизвестность.

Толлер кивнул, с нежностью глядя на Завотла.

— Так ты считаешь, полет возможен?

— Я бы сказал, стоит попробовать. До Дальнего

Мира много миллионов миль, и нельзя забывать, что он не стоит на месте. Но у нас достаточно зеленых и фиолетовых кристаллов, чтобы до него добраться.

— Миллионы миль? А нельзя ли поточнее?

Завотл вздохнул.

— Эх, Толлер, если бы кто-нибудь вывез с Мира научные трактаты… Ведь мы там бросили почти весь запас знаний, и до сих пор никто палец о палец не ударил, чтобы его восстановить. Я могу полагаться только на память, и если она меня не подводит, то до Дальнего Мира, когда он от нас на предельно коротком расстоянии, двенадцать миллионов миль, и сорок два миллиона, когда он по ту сторону солнца. Естественно, придется ждать, пока он подойдет ближе.

— Двенадцать миллионов! — воскликнул Толлер. — Мыслимое ли дело…

— Немыслимое! Ты забыл, что Дальний Мир движется. Кораблю придется идти к нему навстречу под углом, так что расстояние увеличивается до восемнадцати, а то и до двадцати миллионов миль.

— Это какая же скорость понадобится?!

— Пожалуй, то, что я тебе скажу, не для слабонервных. — Завотл достал из кармана карандаш

и клочок бумаги и в один миг испещрил его цифрами. — Положим, из-за наших человеческих слабостей полет должен длиться максимум… гм… сто дней. Получается примерно сто восемьдесят тысяч миль в день, то есть нужна скорость… всего лишь семь с половиной тысяч миль в час.

— Теперь я вижу, что ты надо мной смеешься, — вздохнул Толлер. — Если ты считаешь, что Дальний Мир недосягаем, почему не сказать сразу?

Завотл миролюбиво поднял открытые ладони.

— Успокойся старина, я вовсе не смеюсь. Ты должен помнить, что сопротивление воздуха возрастает соответственно квадрату скорости. Эта зависимость вынуждает наши корабли ползти черепашьим шагом, из-за нее даже твои любимые реактивные истребители далеки от идеала. Но к Дальнему Миру предстоит лететь почти в вакууме, вдобавок корабль выйдет за пределы тяготения Верхнего Мира, так что сможет развить поистине умопомрачительную скорость.

— Это, конечно, интересно, но ведь сопротивление воздуха кое в чем помогает межпланетному путешественнику. Если бы не надо было возвращаться, то все было бы просто. Корабль вводится в атмосферу, теряет скорость до приемлемого

уровня, после чего команда покидает его и спускается на парашютах.

— Но нам необходимо вернуться, и это — главная проблема.

— Ты можешь что-нибудь предложить? Завотл глотнул вина.

— Думаю, нам нужен корабль, состоящий из двух частей.

— Ты шутишь?

— Ничуть. На мой взгляд, в качестве основной части можно взять командную станцию. Корабль… назовем его пустолетом, нет, лучше космолетом, чтобы не путать с обычным небесным кораблем… должен быть не меньше командной станции, чтобы вместить необходимые запасы энергокристаллов и прочего. Так вот, этот корабль — космолет — долетит до Дальнего Мира, но садиться не будет. Придется его оставить за пределами дальнемирского тяготения, и он там будет висеть, пока не придет срок возвращаться.

— Ты мне будто гвозди в голову вколачиваешь, — пожаловался Толлер, изнемогая под натиском новых поразительных идей. — По-твоему, надо отправить с корабля на планету что-то вроде спасательной шлюпки?

— Спасательная шлюпка? В сущности, да…

Но она должна представлять собою полностью оснащенный небесный корабль с оболочкой и двигательным узлом.

— А как ее туда доставить?

— К этому-то я и клонил, сказав, что космолет должен состоять из двух частей. Предположим, он наподобие командной станции состоит из четырех или пяти цилиндров. Для спуска можно отделить всю переднюю секцию и преобразовать ее в небесный корабль. Понадобится дополнительная переборка и герметичный люк, а еще… — Завотл дрожал от возбуждения, даже приподнялся над стулом. — Толлер, мне нужны хорошие чертежные принадлежности. У меня творческий порыв.

— Велю принести. — Толлер махнул другу рукой — дескать, сядь. — Ты мне сначала как следует объясни насчет разделения корабля. Реально это сделать в пустоте? Не слишком ли велик риск потерять весь воздух?

— Конечно, безопаснее было бы этим заниматься в атмосфере Дальнего Мира, да и легче… Надо как следует подумать. Если повезет, мы обнаружим на Дальнем Мире мощный воздушный слой, превышающий радиус гравитации. В этом случае нам ничего не придется изобретать, остановим

космолет в верхнем слое атмосферы, отделим небесный корабль, надуем шар и поставим ускорительные стойки. Все как обычно. Это можно отработать в нашей зоне невесомости. Другое дело — если придется вести расстыковку в поле тяготения. Наверно, лучший вариант — быстро опуститься до уровня, где можно дышать, и только там отделить небесный корабль от космолета. Разумеется, он будет падать, пока не наполнится оболочка, но мы теперь вполне можем сказать, что падение будет очень медленным, и мы успеем сделать все необходимое. Тут еще о многом надо поразмыслить…

— В том числе о воздухе, — сказал Толлер. — Полагаю, ты предложишь огненную соль?

— Да. Мы знаем, что она возвращает к жизни мертвый воздух, но неизвестно, сколько ее потребуется для долгого полета. Придется ставить опыты. Не исключено, что от запаса соли, который мы сможем взять с собой, будет зависеть численность экипажа. — Завотл ненадолго умолк и с тоской посмотрел на Толлера. — Жалко, Лейна нет. Очень бы он нам сейчас пригодился.

— Я схожу за чертежными принадлежностями. — Когда Толлер покидал кабинет, перед его мысленным взором возник светлый образ брата,

талантливого математика, погибшего от птертоза накануне Переселения. Он как никто умел срывать покровы с тайн природы, разгадывать ее козни. И все же Лейн не избежал серьезных заблуждений, когда истолковывал научные открытия, совершенные в первом восхождении с Мира в зону невесомости. Воспоминание о нем лишний раз заставило Толлера подумать, какая это все-таки авантюра — лететь сквозь миллионы миль пустоты к неизведанной планете.

«Погибнуть в таком походе — чего проще? — спросил себя Толлер и чуть не улыбнулся, развив мысль дальше. — Но никто не посмеет назвать это заурядной смертью простого смертного…»

— Никак не пойму, что мне в этой затее не нравится. — Король огорченно посмотрел на Толлера и Завотла. — То ли мною ловко манипулируют, то ли тут вообще не кроется никакой хитрости.

Толлер изобразил уязвленное достоинство.

— Ваше Величество, подозревая меня в корыстных устремлениях, вы разбиваете мне сердце. Единственная моя мечта — водрузить…

— Маракайн, довольно! Я тебе не деревенский дурачок. — Чаккел пригладил жиденькую прядь, размазанную по лоснящейся коричневой лысине. — Хватит молоть чепуху! Ну, водрузишь ты мой

стяг, а дальше он что, корни пустит? Безо всякого ухода даст желанный урожай? Ну, какая мне выгода от твоего Дальнего Мира?

— Историческая, — ответил Толлер, уже начавший детальную разработку плана экспедиции. Показной скепсис Чаккела нельзя было расценить иначе, как знак согласия на строительство и оснащение космолета: короля явно прельстила идея присоединить к своим владениям целую планету.

— Чтобы получить историческую выгоду, надо привести корабль в целости и сохранности. Где гарантия, что это удастся?

— Ваше Величество, корабль выдержит любые испытания, — уверил Толлер. — Я же не самоубийца.

— Да что ты говоришь? Знаешь, Маракайн, иногда я в этом очень сомневаюсь. — Чаккел встал и принялся мерить шагами тесный кабинет, тот самый, где год назад он совещался с Толлером и Завотлом. Стол и шесть кресел оставляли августейшему брюху лишь узкую полоску; возвратясь к своему креслу, Чаккел облокотился на спинку и, насупив брови, взглянул на Толлера.

— А как насчет расходов? — осведомился он. — Ах да, я запамятовал: тебя никогда не интере-

совали такие приземленные пустяки.

— Ваше Величество, нужен один корабль с командой из шести человек. Только и всего.

— Толлер, мне все равно, сколько народу ты наберешь в команду, и тебе это известно. Я говорю о постройке и содержании действующих станций в зоне невесомости. Это же целое состояние!

— Но это открывает дорогу к новому миру…

— Вот заладил! — перебил Чаккел. — Ладно, будь по-твоему. Дикая затея, но раз уж так приспичило… Вообще-то ты заслужил поблажку, геройствуя на войне… Но с условием: Завотл не полетит. Остаться без его мозгов — для меня непозволительная роскошь.

Завотл опередил Толлера.

— Ваше Величество, — произнес он, — с досадой вынужден предупредить вас, что вы так и так скоро останетесь без моих мозгов.

Чаккел сощурил глаза и воззрился на него с таким видом, будто заподозрил подвох.

— Завотл, — вымолвил он наконец, — ты никак помирать собрался?

— Да, Ваше Величество.

Казалось, ответ не столько опечалил Чаккела, сколько сбил с толку.

— Н-да… н-да… не нравится мне это…

— Благодарю, Ваше Величество.

— Ладно, меня ждут государственные дела, — отрывисто бросил король и направился к выходу. — Учитывая все обстоятельства, не вижу смысла запрещать тебе путешествие на Дальний Мир.

— Ваше Величество, я перед вами в огромном долгу.

В дверях Чаккел задержался и бросил на Толлера последний, особенно пристальный взгляд.

— Похоже, игра близится к концу? А, Маракайн?

Не дожидаясь ответа, он скрылся в коридоре, и в кабинете наступила тишина.

— Илвен, хочу тебе кое-что сказать, — тихо проговорил Толлер. — Мы напугали короля. Ты заметил, он постоянно внушал, что оказывает нам услугу? А на самом деле все обстоит иначе: ему страсть как хочется, чтобы над Дальним Миром развевался его штандарт. Гарантированное местечко в истории — не бог весть какая замена бессмертию, но ни один монарх, похоже, не в силах противиться такому искушению. А мы все время напоминаем Чаккелу, сколь суетны подобные мечты.

— Странные речи, Толлер. — Взгляд Завотла бродил по лицу друга. — Я останусь на Дальнем

Мире, но ты обязан вернуться.

— Старина, не волнуйся ни о чем. Я вернусь любой ценой. Даже ценой собственной жизни, если понадобится.

Толлер не был уверен, что сын пожелает встретиться с ним, а потому невыразимо обрадовался, увидев на южном большаке одинокого наездника. Место встречи было выбрано не случайно; во-первых, там был пруд, а над ним высился приметный остроконечный утес в золотых прожилках, во-вторых, оно находилось на северном склоне последней гряды холмов перед бывшим имением Толлера. Если бы он проехал еще милю до гребня, то увидел бы до боли знакомую картину; и мысль о том, что в этом доме живет Джесалла, разбередила бы его рану. Но не по этой причине он держался в стороне от усадьбы. Просто в душе Толлер дал себе и жене слово, что их пути разошлись навсегда. А значит, оказаться в пределах видимости из дома нельзя, иначе клятва будет нарушена. Толлер не взялся бы искать в этом логику — он поступал, как ему подсказывала совесть.

Он спешился и отпустил синерога щипать траву, а сам остался на дороге — ждать сына. Как и в прошлый раз, он узнал Кассилла по ярко-кре-

мовым передним ногам его скакуна. Кассилл подъехал неспешно, но и не слишком медленно, и остановил синерога шагах в десяти от отца. Не покидая седла, он устремил на Толлера задумчивый взгляд серых глаз.

— Сынок, ты бы лучше спешился, — ласково предложил Толлер. — Проще будет разговаривать.

— А нам есть о чем говорить?

— А иначе зачем бы ты сюда ехал? — Толлер криво улыбнулся. — Давай слезай. Ничего с твоими принципами и честью не случится, если мы потолкуем лицом к лицу.

Кассилл пожал плечами и с атлетической грацией соскочил на землю. Овалом лица и пышной копной глянцевитых черных волос он напоминал мать, но в жилистой фигуре угадывалась отцовская сила.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал Толлер.

Кассилл опустил голову и окинул взглядом свой наряд — дерюжную рубаху и штаны, в которых его можно было принять за простого крестьянина.

— Я работаю в литейном и кузнях, иногда приходится тяжести таскать.

— Знаю.

Вежливый ответ Кассилла согрел отцовское сердце, и Толлер решил, что пора перейти к разговору, ради которого он приехал.

— Кассилл, через несколько дней отправляется дальнемирская экспедиция. Я не сомневаюсь в надежности расчетов и чертежей Завотла, но все-таки нас ждет уйма неведомых опасностей. И если нам не суждено вернуться, то мне будет легче умирать, зная, что мы с тобой уладили кое-какие вопросы, касающиеся вашего с матерью будущего.

Кассилл не выказал никаких чувств.

— Ты вернешься. Ты всегда возвращаешься.

— Я тоже так думаю, но все-таки предпочитаю услышать от тебя твердые обещания… Во-первых, насчет титула. Король его сделал наследственным, и я хочу, чтобы ты принял его, если узнаешь о моей смерти.

— Зачем мне титул? — спросил Кассилл. — Я не интересуюсь такой чепухой.

Толлер кивнул.

— Знаю, сынок, и уважаю тебя за это. Но ведь титул — не просто дворянская привилегия, это еще и власть. Власть, которая обеспечит вам с матерью надежное положение в обществе, власть, которую ты сможешь употребить во благо. Не ви-

жу необходимости напоминать тебе, как важно, чтобы в нашей стране на смену древесине бракки пришли металлы. Поэтому дай мне слово, что не откажешься от титула.

Кассилл раздраженно поморщился.

— К чему забегать вперед? Ты до ста проживешь, а то и дольше.

— Кассилл, дай слово.

— Хорошо. Клянусь, что приму титул в тот день, когда он перейдет ко мне.

— Спасибо, — с искренним облегчением произнес Толлер. — А теперь поговорим об управлении поместьем. Мне бы очень хотелось, чтобы ты и дальше брал с арендаторов плату перечной кукурузой. Насколько я могу судить, доходы от копей, литейных цехов и кузниц все растут, и на нужды семьи их вполне хватает.

— На нужды семьи? — Кривой ухмылкой Кассилл дал понять, что находит последнее слово неуместным. — Мы с матерью не нуждаемся в средствах.

Толлер сделал вид, будто не заметил в тоне Кассилла вызова, и поспешил заговорить о промышленности. При этом он все время сознавал, что от главной цели этой встречи ему не уйти.

Когда очередная напряженная пауза затяну-

лась, как ему показалось, до бесконечности, Толлер понял, что оборвать ее придется ему.

— Кассилл, — сказал он, — своего отца я встретил лишь за несколько минут до того, как он наложил на себя руки. В наших судьбах было столько… нелепого, но в конце концов мы соединились. Я… не хочу, чтобы мы с тобой расстались, не разобравшись… Скажи, ты можешь простить все беды, которые я принес вам с матерью?

— Беды? — с деланным недоумением переспросил Кассилл. Он нагнулся, поднял гальку с толстым золотым пояском, повертел перед глазами и бросил в пруд. Зеркальная гладь пошла морщинами, отраженный в ней лик Мира разлетелся вдребезги.

— О каких бедах ты говоришь, отец?

Но Толлер, полный решимости все расставить по своим местам, не поддался на его тон.

— Я не заботился о вас, потому что никогда не довольствовался тем, что имел. Вот так. В моем обвинительном акте всего несколько слов, но в них нет вымысла или лицемерия.

— Мне никогда не казалось, что обо мне мало заботятся, — медленно проговорил Кассилл. — Я ведь чувствовал, что ты нас любишь, и думал, будешь любить всегда. А теперь мать осталась

одна.

— У нее есть ты.

— Она одинока.

— Я тоже одинок, — сказал Толлер, — но тут уже ничего не попишешь. И твоя мать лучше меня это понимает. Если и ты научишься понимать такие вещи, то научишься и прощать.

Ему вдруг показалось, что Кассилл выглядит моложе двадцати двух лет.

— Советуешь понять, что любовь не бессмертна?

— Она способна умереть, но способна и не поддаваться смерти. Иные люди с годами меняются, иные остаются прежними. Когда один из супругов, мужчина или женщина, меняется, ему, или ей, кажется, что другой супруг, женщина или мужчина, как раз и подвергается сильнейшей перемене… — Толлер умолк и беспомощно посмотрел на сына. — Что я могу советовать, если сам ничего в этом не смыслю?

— Отец… — Кассилл шагнул к Толлеру. — Я вижу, тебе очень больно. Я даже вообразить не мог, как ты мучаешься.

Напрасно Толлер пытался сдержать слезы, затуманившие его взгляд.

— Я рад боли. Как раз ее-то мне и недоставало.

— Отец, не надо…

Толлер протянул руки к сыну, они обнялись, и на краткий миг объятий он вспомнил, каково это — быть счастливым человеком.

— Клади на борт, — приказал Толлер, выпуская изо рта струйки белого пара.

Сидевший за рычагами управления Бартан Драмме (он ни разу не упустил случая попрактиковаться в вождении корабля) кивнул и стал выбрасывать из горизонтальной дюзы кратковременные струи пламени. Судить о том, как их отдача превозмогает инерцию гондолы, позволяло скольжение Верхнего Мира по небу; вскоре из-за коричневого горба оболочки появился огромный блин Мира. Врубив противоположную дюзу, Бартан прекратил разворот; за каждым бортом застывшего в пустоте корабля теперь целиком виднелась планета. Впритык к восточному краю Мира пылало солнце, высвечивая лишь тонкий серп земной тверди. Все прочее тонуло в полумраке.

До ожидающего старта космолета оставалось меньше мили, на тусклом фоне Мира он казался ленточкой света. Рядом висело несколько крапинок поменьше — немногочисленные казармы и склады, которые Чаккел позволил оставить в

зоне невесомости для обслуживания недавно построенного корабля. В разрисованных небесах не так-то просто было найти это рукотворное созвездие, но всякий раз, когда оно попадалось Толлеру на глаза, у него учащалось биение сердца.

Истекли шестидесятые сутки с того дня, когда монарх разрешил снарядить экспедицию, и теперь Толлеру не верилось, что час расставания с родными планетами уже близок. Отгоняя смутное чувство нереальности происходящего, он навел подзорную трубу на космолет.

Его конструкция, начерченная Завотлом в гостинице «Синяя Птица», с тех пор претерпела одно существенное изменение. Сначала передняя из пяти секций задумывалась как отделяемый модуль, но по зрелом размышлении эта идея была отвергнута — недопустимо, чтобы на корабле был целиком закрыт передний обзор. После ряда неудачных экспериментов с зеркалами решено было перенести посадочный модуль в корму — его двигатель будет толкать космолет к Дальнему Миру, а там, после отделения секции, у корабля-матки обнажится собственный двигатель — для обратного путешествия.

Толлер опустил подзорную трубу и обвел взглядом других членов экипажа. Все они казались

непомерно толстыми в костюмах на ватной подбивке, все были погружены в раздумья. Кроме Бартана, здесь находились Бериза Нэрриндер, Типп Готлон и еще один бывший истребитель, добродушный паренек по имени Дакан Врэйкер. К удивлению Толлера, от добровольцев не было отбою, но он выбрал Врэйкера за невозмутимый нрав и многочисленные технические навыки.

Оживленные голоса, не умолкавшие последний час, стихли, как будто люди вдруг осознали величие предстоящего.

— Только не надо мрачных физиономий, — с деланным весельем попросил Толлер. — Может, на Дальнем Мире нам так понравится, что и возвращаться не захочется.

Глава 14

Приближался день старта. Толлер с нетерпением ждал, когда космолет обернется огненной стрелой и вырвется из хватки родной планеты. Как командир корабля, он бы предпочел в этот день сидеть за рычагами управления, но в период подготовки, когда дело дошло до освоения нового стиля полета, выяснилось, что остальные члены экспедиции в таком «спорте» куда одареннее своего начальника. Длина корабля впятеро превышала диаметр, и было нелегко сохранять его положение в пространстве — это требовало весьма деликатного обращения с горизонтальными дюзами, умения обнаруживать и исправлять отклонения от курса чуть ли не в момент их возникновения. Казалось, Готлон, Врэйкер и Бериза приобрели этот навык безо всяких усилий; нечастыми и кратчайшими — в долю секунды — вспышками они удерживали перекрестье рисок рулевого телескопа на центре планетного диска. Завотл и Бартан тоже неплохо овладели управлением, хоть и уступали в сноровке товарищам; Толлер же, к великой его досаде, в коррекции курса то и дело давал лишку, что вынуждало его

терять время на исправление ошибок и вызывало ухмылки остальных воздухоплавателей.

В конце концов он сдался и уступил ответственность за вывод космолета из атмосферы планет-близнецов Готлону, самому молодому члену экипажа.

Пристегнутый к сиденью возле центра верхней палубы, Готлон не отрывался от призматического окуляра слабого телескопа, направленного вертикально на иллюминатор в носу корабля. Его ладони лежали на рычагах управления, от которых вниз, через несколько палуб, к главному двигателю и горизонтальным дюзам шли стержни. Свирепая щербатая улыбка показывала, что Готлон охвачен возбуждением и ждет не дождется приказа стартовать.

Толлер обвел взглядом носовую секцию, служившую не только рубкой управления, но и кубриком, и кают-компанией. В разных местах у борта, держась за скобы, покачивались в воздухе Завотл, Бериза и Бартан. В секции не горела ни одна лампа, свет проникал только через иллюминатор с солнечной стороны, но Толлер довольно ясно различал лица спутников и видел, что экипаж разделяет его чувства.

Полет мог продлиться все двести дней — чудо-

вищно долгий срок для человеческого существа, обреченного на бездеятельность и аскетизм. Как бы ни были тренированы воздухоплаватели, в такой серьезный момент любой способен поддаться малодушию, и это будет вполне естественно. Возможно, когда наконец заработает главный двигатель и понесет их навстречу приключениям, станет легче, но до этого момента — до психологического перелома — Толлеру и его людям оставалось лишь терзаться сомнениями и дурными предчувствиями.

Все сильнее волнуясь, Толлер добрался до винтового трапа и глянул вниз. Ограниченное громадным цилиндром пространство было прострелено узкими лучами солнца, бьющими из иллюминаторов; светотени рисовали причудливейшие узоры на бортах, внутренней оснастке и баках с запасами пищи, воды, огненной соли и кристаллического топлива. В этом дивном замкнутом мирке кто-то шевелился, и Толлер не без труда различил под трапом Врэйкера, проверяющего топливные бункеры и систему пневматической подачи кристаллов. Громоздкий костюм не помешал ему быстро подняться на главную палубу; заметив командира, он кивнул и тихо доложил:

— Двигательный узел в полной готовности.

— Мы тоже. — Толлер повернулся и встретил нетерпеливый взгляд Готлона. — Давай увози нас отсюда.

Не медля ни секунды, Готлон потянулся к рычагу дросселя. В глубине корабля зашумел двигатель, расстояние и палубы приглушали его рев. Членов экипажа плавно потянуло вниз, и через несколько мгновений все, кроме Готлона, встали на ноги. Висящие за иллюминаторами техники в толстенных небесных костюмах энергично махали руками.

— Как это трогательно, — произнес Толлер. — Нас провожают на подвиг.

Завотл скептически хмыкнул.

— Просто они рады до смерти, что мы наконец улетаем. Небеса у них уже в печенках сидят, они ждут не дождутся, когда им позволят вернуться к семьям. Чем бы и мы занимались, будь у нас все в порядке с мозгами.

— Ты кое о чем забываешь, — ухмыльнулся Бартан Драмме.

— О чем?

— Я возвращаюсь к семье. — Ребячливая улыбка расползлась от уха до уха. — Я, так сказать, баловень двух миров, потому что на Дальнем

Мире меня ждет жена.

— Сынок, я абсолютно убежден, что капитаном этого корабля следовало назначить тебя, — хмуро произнес Завотл. — Надо быть безумцем, чтобы отправиться в такой полет, а ты — самый безумный среди нас.

Когда с момента старта «Колкоррона» минуло чуть больше часа, Толлером овладело непонятное беспокойство. Он посетил каждый закуток корабля, убедился, что все в полном порядке, и все-таки тягостное чувство не проходило. Не видя конкретных причин поднимать тревогу, Толлер решил ничего не говорить Завотлу и остальным: капитан должен служить образцом решительности, а не подрывать моральное состояние команды смутными предчувствиями. Тем более что никто их не разделял, все держались спокойно и бодро, о чем свидетельствовала оживленная беседа на верхней палубе.

Толлера не тянуло принять в ней участие, напротив, хотелось уединиться. Он нашел укромное местечко в средней секции, узкую щель между шкафами со снаряжением — в точности так он поступал в детстве, когда желал отгородиться от всего мира и в иллюзорном одиночестве найти источник дурных предчувствий.

Может быть, все дело в том, что за иллюминатором — непривычно черное небо? Или в глубоко засевшем сомнении, в инстинктивном бунте чувств? Виданное ли дело — развить скорость несколько тысяч миль в час? Все это время главный двигатель почти не утихал, и если верить Завотлу, скорость корабля давно побила все рекорды. Поначалу слышался шорох воздуха о корпус, но по мере того, как меркли небеса, этот звук исчезал. Проникая в иллюминатор, солнечный свет мешал Толлеру видеть окружающую вселенную, но в ней, должно быть, царил извечный покой. Не зная, что корабль несется в пустоте, ежечасно преодолевая многие тысячи миль, сам ни за что не догадаешься. Не этим ли объясняется тяжесть на сердце? Быть может, некая часть разума встревожена несовпадением видимого глазу и происходящего в действительности?

Толлер сразу отверг эту мысль — он не страдал излишней чувствительностью, и едва ли путешествие в космосе могло переменить его натуру. Уж если нервничать, то по вполне осознанной причине, такой, например, как непосредственная близость иллюминатора. Корпус «Колкоррона» снаружи дополняли стальные обручи, а внутри — слои дегтя и парусины, придавая конструкции

изумительную прочность. Но были и слабые места — вокруг иллюминаторов и люков. В одном из пробных полетов вырвало иллюминатор, и у механика лопнули барабанные перепонки, а ведь корабль даже не вышел в вакуум.

С главной палубы донеслось короткое шипение — кто-то смешивал порции огненной соли и воды, восполняя необходимое для жизни содержание воздуха. Минутой позже возник довольно резкий аромат, напоминающий запах морских водорослей, и смешался с запахом дегтя, тоже ощутимо окрепшим…

Толлер принюхался — дегтем и правда пахло сильно. Беспокойство мигом возросло. Он торопливо стащил с руки перчатку и коснулся черной поверхности борта. Теплая! Не настолько теплая, чтобы размяк деготь, холоднее тела, но ведь Толлер ожидал совсем не такого холода! Словно пелена упала — в один миг он понял, откуда взялись странные опасения…

Он всей кожей ощущал неуютное тепло!

Подбитый ватой небесный костюм для того и предназначался, чтобы не пропускать лютый холод зоны невесомости, и худо-бедно справлялся с этой задачей. Но теперь он взялся за дело всерьез, едва не покрыв хозяина испариной.

«Этого не должно быть! Мы падаем на солнце!»

Пока Толлер соображал, в чем дело, двигатель умолк, и Завотл с главной палубы позвал его по имени. Заметив, что он опять напрочь утратил вес, Толлер нырнул головой вперед к лестнице, на руках поднялся по перилам к главной палубе и предстал перед недоумевающим экипажем.

— Странное дело, — сказал Завотл. — Корабль нагревается.

— Я уже заметил. — Толлер повернулся к Готлону, который взирал на него с пилотского сиденья. — Мы что, с курса сбились?

Готлон энергично помотал головой.

— Сэр, мы с самого начала идем нормально. Клянусь, Гола ни разу не выходила из креста больше, чем на секунду.

Гола была персонажем колкорронской мифологии — она являлась заплутавшим морякам и вела их в тихие гавани. Ее имя дали путеводной звезде, которую выбрали для первого этапа путешествия на Дальний Мир.

— А все-таки, — обратился Толлер к Завотлу, — не уходим ли мы в сторону? Ведь можно держать Голу по носу и все равно падать на солнце.

— Да с какой стати нам падать? Если бы и падали, не успели бы за это время так нагреться.

— Если поглядишь за корму, — сказала Толлеру Бериза, — увидишь, что пропорция расстояний до Мира и Верхнего Мира не изменилась. Мы на заданном курсе.

— Надо отметить в корабельном журнале, — пробормотал Завотл под нос. — Что ж, будем теперь знать, что в космосе тепло. Вообще-то неудивительно, ведь солнце тут не заходит. Но ведь оно и в зоне невесомости почти не заходит, а стужа там… Вот тебе, Толлер, еще одна загадка.

— Загадка, не загадка, — проговорил Толлер, решив с этой минуты излучать уверенность и бодрость и не давать спуску растерянности, охватившей команду при первом столкновении с неизвестным, — а нам она только на руку. Можно снять проклятые костюмы. Мы ей еще спасибо скажем. Какое-никакое, а все-таки удобство.

К исходу третьего дня быт на корабле окончательно вошел в колею — к великому облегчению Толлера, сознававшего опасность скуки и однообразия, которая подстерегала экипаж. Но то была вполне предсказуемая человеческая проблема. Куда страшнее, когда природа выкидывает неожиданные фортели, отбрасывая свои самые непреложные законы, руша исконные верования человека. Едва это началось, Толлер стал казать-

ся себе младенцем в дремучем лесу, кишащем всякой колдовской нечистью.

За первым открытием, которое поначалу всех испугало, а затем обрадовало, не заставило себя ждать и второе. Неся вахту у телескопа, Врэйкер обратил внимание, что в межпланетном пространстве нет метеоритов. К удивлению Толлера, Илвен Завотл счел наблюдение заслуживающим внимания и посвятил ему очередную пространную запись в журнале.

Как и предупреждал этот невысокий тщедушный человек, его с каждым днем все сильнее грызла хворь. От него не слышали ни единой жалобы, но он худел на глазах и почти не отрывал от живота стиснутых кулаков. Он стал раздражителен до неузнаваемости и постоянно цеплялся к молодым членам команды. Особенно доставалось Бартану Драмме.

Воздухоплаватели, убежденные, что у Бартана помрачен рассудок, старались его не задевать, но Завотл редко упускал возможность отточить на нем свое остроумие. Молодой человек держался с завидным хладнокровием; казалось, он закован в невидимую броню. И все же Беризе то и дело приходилось за него заступаться, отчего ее отношения с Завотлом стали натянутыми.

Толлер не желал вмешиваться, понимая, что старый друг не властен над демоном, который в него вселился, и верил, что Бериза не позволит разладу зайти слишком далеко. Сам Толлер ладил с ней прекрасно, после тех пяти дней в мирке на двоих они остались друзьями — добрыми, верными и не питающими друг к другу никакой страсти. Они встретились в особое время, когда были нужны друг другу, дополняли друг друга, — а теперь шли по жизни рядом, но каждый — своим путем. Шли без сожаления и без угрызений совести. У него даже мысли не мелькнуло возразить, когда она попросилась в состав дальнемирской экспедиции. Он знал: Бериза великолепно осознает риск, и у нее есть не меньше, чем у него, оснований лететь.

Но человеческие взаимоотношения были не единственной проблемой. Еще на Верхнем Мире Толлер предвидел, что еда и питье — как поглощаемые, так и выделяемые организмами в виде отходов — подвергнут выносливость экипажа суровейшему испытанию. На борту нельзя было пользоваться огнем для приготовления пищи, и команда сидела на сухом пайке. В скудный суточный рацион входила солонина или вяленая рыба, сухофрукты, орехи и печенье; запивалось

это все водой и раз в день — глотком бренди.

Поскольку главный двигатель работал почти постоянно, а потому все, что находилось на борту, хоть сколько-нибудь, да весило, туалетные процедуры были не столь затруднительными, как при нулевой гравитации. И все же они требовали немалого стоицизма. Гальюн находился в средней секции корабля и представлял собой трубу со сложной системой клапанов; когда они срабатывали, вместе с отбросами за борт уходило некоторое количество воздуха, и автоматическая горелка компенсировала потерю, сжигая порцию огненной соли.

Предусматривалось, что все шестеро членов команды будут по очереди сидеть в пилотском кресле, но вскоре практические соображения заставили Толлера внести поправки в вахтенное расписание. Беризе и Готлону без особого труда удавалось часами держать Голу в кресте телескопа; вскоре и Бартан догнал их в этом навыке. Но от Толлера и Завотла за рычагами управления толку было мало — они быстро уставали и злились. Поклонник целесообразности, Толлер перераспределил обязанности членов экипажа, предоставив четырем молодым астронавтам вести корабль наперерез Дальнему Миру, а себе

и Завотлу — делать посильную работу. Завотл охотно занялся астрономическими наблюдениями и вычислениями; корпение над журналом в кожаном переплете не оставляло ему досуга. Но Толлеру свободные часы были в тягость.

Его то и дело посещали мысли о жене и сыне — как они живут? Что делают? Он подолгу просиживал у иллюминатора, разглядывая неизменный гобелен в звездах, серебряных спиралях и кометах. Казалось, будто корабль стоит на месте, и Толлеру снова и снова приходилось напоминать себе, что в это самое время космолет развивает скорость, необходимую для межпланетного путешествия.

— Готова? — спросил Бартан. Бериза кивнула, и он вырубил двигатель, выплыл из пилотского кресла и держал пристяжные ремни, пока она усаживалась на его место.

— Спасибо. — Она ласково улыбнулась. Бартан кивнул — вежливо, но без ответной улыбки, затем отлетел к трапу и исчез под палубой, оставив Беризу в обществе Толлера и Завотла. Готлон и Врэйкер загружали топливом бункеры в кормовой секции.

— Сдается мне, кто-то положил на юного Бартана глаз, — заключил Толлер, ни к кому не

обращаясь.

Завотл хмыкнул.

— Эта «кто-то» просто теряет время. Наш господин Драмме всю любовь приберег для духов — бестелесных и тех, что в бутылках.

— Меня это не касается. — Бериза помолчала, поглаживая рычаги. — Наверно, он очень любит жену. Если бы я вышла замуж и вскоре умерла или исчезла, мне бы очень хотелось, чтобы муж ради меня полетел на другую планету. Это так романтично…

— Эге, да у тебя тоже не все дома! Как бы нам всем не перезаразиться психической чумой, птертозом рассудка. Что скажешь, Толлер?

— Бартан хорошо делает свое дело. По-моему, его надо оставить в покое.

— Да. — Завотл несколько секунд глядел в ближайший иллюминатор, на его лицо наползало странное выражение. — Ты прав, он хорошо делает свое дело. Пожалуй, куда лучше, чем я.

Не только эти слова, но и интонация насторожили Толлера.

— Что-то не так?

Завотл кивнул.

— Выбирая путеводную звезду, я рассчитывал, что наш путь пересечется с путем Дальнего Мира.

Если я не ошибся, то мы должны наблюдать постепенное сближение Дальнего Мира и звезды.

— Ну и?

— Мы летим всего пять дней, но уже заметно, что Дальний Мир и Гола расходятся. Я тебе не говорил… Глупо, конечно, но я надеялся, что они снова сблизятся или найдется объяснение… И вот — ни того, ни другого. Выходит, я не справился со своими обязанностями.

— Илвен, но ведь это не слишком серьезно, правда? Переместим крест поближе к Дальнему Миру, только и всего. Ничего страшного…

— Страшно одно: неведение, — изрек Завотл с покаянной улыбкой. — Видишь, Толлер, нечто, как я и ожидал, подбрасывает сюрпризы. Дальний Мир светится чересчур ярко, его изображение в телескопе слишком велико. Почему? Этого я не возьмусь объяснить.

— Может, потому, что мы уже на полпути, — сказала Бериза.

— Кого интересует твое мнение? — вскинулся Завотл. — Не кажется ли тебе, что ты берешься судить о вещах, в которых ровным счетом ничего не смыслишь?

У Беризы сошлись на переносице брови.

— Когда предмет на твоем пути удваивается в

размерах, это означает, что расстояние до него сократилось вдвое. По-моему, это проще простого.

— Для простого умишка все просто.

— Давайте без грызни, — вмешался Толлер. — Нам надо…

— Но эта идиотка утверждает, — не желал униматься Завотл, — что десять миллионов миль мы пролетели всего за пять дней! — Он яростно потер живот. — Два миллиона в день! Сколько ж это в час получается? Больше восьмидесяти тысяч! А на самом деле наша скорость…

— На самом деле скорость вашего корабля превышает сто тысяч миль в час, — заявила мерцающая златовласая женщина, появляясь возле переборки.

Глава 15

Толлер уставился на женщину, моментально сообразив, что это и есть жена Бартана Драмме, а его модель мироздания со всеми ее законами рассыпалась в пыль. По телу разливались холод и слабость, но страха почему-то не было. Бериза и Завотл замерли, и хотя они смотрели в разные стороны, Толлер знал: его спутники видят то же, что и он. Женщина в белом платье простой крестьянки была прелестна и сияла в сумраке отсека, как свеча. Когда она вновь заговорила, гнев в ее голосе чуть смягчала озабоченность.

— Ощутив приближение Бартана, я не сразу в это поверила, но на всякий случай решила его поискать, и вот оказывается, чувства меня не подвели. Вы пустились через пространство, даже не подозревая об эффекте постоянного ускорения! Неужели вы не понимаете, что идете на верную смерть?

— Сонди! — Над главной палубой возникла голова Бартана и рука, вцепившаяся в перила. — Я лечу, чтобы забрать тебя домой!

— Бартан, ты дурак! И все вы дураки, каких свет не видел! Вот ты, Илвен Завотл, проложивший

курс корабля, — ответь, как ты себе представляешь посадку?

Завотл заговорил растянуто и монотонно, как в трансе:

— Мы собираемся погасить скорость корабля, введя его в атмосферу Дальнего Мира.

— Вот тут-то вам и конец! При такой скорости на подлете к Дальнему Миру возникнет сильнейшее сопротивление воздуха, и тепла при этом выделится столько, что ваш корабль превратится в метеорит. Даже если случится чудо и вы благополучно сядете… С чего вы взяли, что воздух там пригоден для дыхания?

— Воздух? Воздух, он и есть воздух.

— Как мало вы знаете! А ты, Толлер Маракайн, величающий себя начальником этой безумной экспедиции! Понимаешь ли ты, что на твоих плечах — ответственность за всех, кто тебе подчиняется?

— Понимаю, — твердо ответил Толлер. В голове у него свербила мысль, что и он, и остальные должны были бы съежиться от страха и лишиться дара речи от изумления — только не вести с призраком спокойную беседу. Но, видимо, подавление всех нормальных человеческих реакций было одной из особенностей телепатического

общения. Теперь ему стало понятно утверждение Бартана: все, что происходит в действительности, по определению не может быть сверхъестественным.

— В таком случае, — продолжала Сондевира, — если ты сохранил хоть каплю благоразумия, то немедленно прекратишь эту глупейшую из авантюр! Я подробнейшим образом изложу, что вам надо сделать для благополучного возвращения на Верхний Мир…

— Увы, на это предложение я согласиться не могу, — перебил Толлер. — Как ты изволила выразиться, я величаю себя начальником этой необычной экспедиции. Моя власть опирается на общую решимость идти вперед, и если я вдруг предпочту повернуть, мой голос станет лишь одним из многих.

— Уклончивый ответ, Толлер Маракайн! — В глазах привидения кипела синева. — Следует ли понимать, что ты обрекаешь людей на верную смерть?

— Едва ли нужно так сгущать краски. Если в твоей власти — довести нас целыми и невредимыми до Верхнего Мира, то и в отношении Дальнего Мира, ты, наверно, могла бы посодействовать.

— Сколь мизерны ваши представления об опасностях, подстерегающих вас на каждом шагу! — В беззвучных словах появился оттенок раздражения. — Много лет назад вы открыли, что Верхний Мир необитаем, и теперь без тени сомнения верите, что и на Дальнем Мире нет ни души! Неужели вам не приходило в голову, что там может оказаться человечество со своей цивилизацией, неужели вы думаете, что вся эта планета — в моем безраздельном владении?

— Я не задавался такими вопросами, — сказал Толлер. — Вплоть до этого часа я думал, что Бартан безумен и тебя не существует.

— Да, Бартан, теперь я вижу: не надо было тебе ни о чем рассказывать. Я бы не совершила такой ошибки, будь мое развитие закончено, и не подвергла бы тебя и твоих спутников смертельному риску. Бартан, не отягчай мою совесть лишней виной! Убеди друзей возвратиться на Верхний Мир!

— Сонди, я тебя люблю, и никакая сила в мире не остановит меня!

— Но ведь твоя затея — дичайшая глупость! Вас же всего шестеро, как вы рассчитываете меня спасти?

— Спасти? — В голосе Бартана появился резкий

тембр. — Ты что, в плену?

— Никто не в силах ничего изменить. Мне здесь хорошо. Бартан, возвращайся назад!

Толлер внимал разговору Сондевиры и Бартана, и сквозь странное оцепенение, которое позволяло ему беспечно и даже сонно воспринимать чудо, из глубины сознания поднимался ропот. Открытие наслаивалось на открытие, но каждое из них вело за собой сонм вопросов, требующих немедленного ответа. Что за люди живут на Дальнем Мире? Они что, тайком высаживались на Верхний Мир и физически похитили жену Бартана? Если да, то с какой целью? И самое главное: как удалось этой неприметной сельской женщине, жившей на отдаленной ферме, вдруг приобрести поразительную, внушающую благоговейный страх способность посылать свои мысли и облик за миллионы миль космического пространства?

Ища разгадку, Толлер вглядывался в лицо Сондевиры и вскоре пришел к выводу, что призрак находится не перед глазами, а, по всей видимости, в голове. Ему не удавалось остановить взгляд ни на одной черточке, казалось, женщина состоит из множества изображений, они постоянно смещаются, сливаются и распадаются. Она стояла совсем рядом, так близко, что иногда он

мог разглядеть каждый волосок на ее руках, — и в то же время была в невообразимой дали, казалась яркой звездой, пульсирующей в ритме ее беззвучной речи.

— Отказываясь вернуться, вы ставите меня в тяжелейшее положение. Я могу спасти вас от верной гибели здесь, в космической пустоте, но это лишь означает, что вас ждет столь же верная гибель там, на Дальнем Мире.

— Мы сами распоряжаемся собственной жизнью, — заявил Толлер, чувствуя молчаливую поддержку всего экипажа. — И к тому же нас не так-то просто убить.

Со дня своего первого визита Сондевира побывала на корабле не раз. Больше всего ее заботило снижение огромной скорости и исправление курса. Завотл, придя в себя после потрясающих новостей, с головой ушел в работу. Необходимо было не только повернуть корабль вверх тормашками, чтобы ускорение сменилось торможением, но и постоянно корректировать курс, короткими рывками горизонтальных дюз возвращая «Колкоррон» на заданную траекторию. Воздухоплаватели не могли видеть, что происходит прямо за кормой, но Сондевира утверждала, что корабль уверенно приближается к цели. Борто-

вой журнал пополнялся все новыми записями; особый интерес у Завотла вызвало объяснение светящейся наставницы, чем плох его замысел оставить корабль за пределами гравитационного поля Дальнего Мира. Радиус такого поля, сказала она, можно считать бесконечным, а значит, надо поместить корабль на орбиту, при этом он будет падать на планету вечно, точь-в-точь как сама планета падает вокруг солнца.

Напрасно Толлер силился разобраться в новых астрономических концепциях — поразительная ситуация совершенно сбила его с толку. На него навалилось слишком много неразгаданных тайн. Но все они так или иначе замыкались на тайне Сондевиры. Казалось, кому, как не Бартану Драмме, больше всех ломать над этим голову? Но молодой человек радовался предстоящему воссоединению с женой и вовсе не спешил выяснить, какая сила так круто повернула ее судьбу. Не следует забывать, говорил себе Толлер, что Бартан довольно долго жил в алкогольном тумане, в пьяных сумерках сознания; возможно, он и впрямь сошел бы с ума, если бы не верил, что жена перенеслась на Дальний Мир и разговаривала с ним оттуда.

Бартан снова пустился в запой. Узнав, что ко-

рабль чудовищно перегружен запасами, в том числе бренди, Толлер позволил экипажу есть и пить вволю. Вскоре стало ясно, что Бартан злоупотребляет поблажкой, но у Толлера не хватило духу ее отменить. Он всегда следил за строжайшей дисциплиной на кораблях, но теперь в этой вселенной, где невозможное стало возможным, а сверхъестественное — обыденным, дисциплина казалась никчемным и пошлым пустяком.

На третий день торможения он сидел у носового иллюминатора, который сейчас оказался в корме, и глядел на светящихся двойняшек — Мир и Верхний Мир. На этих планетах прошла вся его жизнь, и вот они — далеко позади… Дальше звезд — хотя, конечно, это только кажется. А недавно он узнал, что между Верхним и Дальним мирами протянут мост человеческой мысли. Неужели такое возможно? А если возможно, то как?

Толлер изнемогал под натиском вопросов — они словно молотом били в его разум. Но всякий раз, когда на борту появлялась Сондевира, он испытывал безразличие и пассивную готовность ко всему. Гостья всегда исчезала, прежде чем он успевал о чем-нибудь ее спросить. Возможно, она не считала зазорным сглаживать своей таинственной силой его любопытство. Если это так,

подумал Толлер, то вот еще одна головоломка в его богатейшей коллекции.

Он окинул взглядом верхнюю секцию, пытаясь понять по лицам спутников, мучают ли их те же вопросы, что и его. В пилотском кресле сидел Врэйкер, держа риски телескопа на новой звезде-ориентире. Остальные дремали в гамаках. Казалось, их вовсе не тревожит беспомощность перед громадной неизвестностью, что ожидает впереди.

— Но разве так можно? — прошептал Толлер. — Мы заслуживаем большего уважения…

— Не могу не согласиться. — Появление Сондевиры искривило окружающее пространство, создав диковинную геометрию, которая бросала вызов законам перспективы. — Признаюсь, я не пожалела сил, чтобы окружить барьером разум каждого из вас, но ведь я заботилась только о вашей безопасности. Видите ли, телепатия, или непосредственный мысленный контакт разумов, — дело, по сути, добровольное. Здесь, на Дальнем Мире, живут ваши враги, причем враги могущественные. Нельзя допустить, чтобы симбониты узнали о вашем приближении к планете. Тут я могу помочь, но все-таки лучше бы вы согласились повернуть к дому.

— Мы не можем повернуть, — сказал Бартан Драмме, опередив Толлера.

— Бартан говорит от лица всех нас, — добавил Толлер. — Мы готовы встретиться с любым врагом, погибнуть, если будет нужно, но все-таки имеем право знать, с кем придется скрестить клинки. Кто такие симбониты и почему они враждебны?

Сондевира ответила не сразу, и пока она раздумывала, ее многомерный образ колебался, мерк и светлел вновь. Наконец она повела рассказ:

— Бесчисленное множество тысячелетий скитались симбоны в космосе, пока слепая судьба не привела их к маленькому, ничем не примечательному солнцу со свитой всего-навсего из трех планет. Две из них кружились неразлучной парой, третья держалась особняком. Угодив в гравитационное поле светила, разреженное облако спор (многие из них цеплялись друг за дружку тончайшими нитями вроде паутины) веками падали к центру системы, где и нашли свой конец в огромном ядерном костре. Но некоторым повезло — их заарканило тяготение третьей планеты.

Они опустились на почву, напитались дождевой влагой и перешли в активную стадию существования. Им снова удивительно повезло

— все они вступили в физический контакт с представителями доминирующей формы жизни, мыслящими двуногими, которые незадолго до этого научились пользоваться металлами. Симбоны проникли в тела туземцев, размножились и распространились в них; особенно охотно они селились в нервной системе. В итоге получились сложные разумные создания, унаследовавшие — и очень сильно развившие — некоторые свойства обеих рас.

Симбониты оказались сильнее и гораздо умнее обычных двуногих туземцев. Телепатия, доставшаяся им от симбонов, помогла разыскать друг друга и образовать колонию суперсуществ, которые легко возобладали над местными биологическими видами. Союз людей и спор был полюбовным и взаимовыгодным, в частности, он покончил с войнами племен. Единственное, в чем туземцы могли упрекнуть незваных гостей, так это в лишении их возможности самим пройти все ступени эволюционной лестницы.

С тех пор минуло два столетия расцвета симбонитов. При связи симбонита с обычной туземкой обязательно рождается симбонит, и при таком подавляющем генетическом преимуществе сверхлюди не могут не расти в числе. Они созда-

ли свою культуру и абсолютно уверены, что со временем полностью выживут автохтонов.

Но в миллионах миль от Дальнего Мира, на одном из миров-близнецов, судьба их сородичей складывалась по-другому.

Когда облако спор дрейфовало к солнцу, две из них отклонились к планете, которую вы назвали Верхним Миром. В нижних слоях атмосферы ветер разорвал соединявшую их нить, но все же они опустились близко друг от друга в плодородном краю.

Симбонам не дано выбирать, и одному из них пришлось вселиться в первое же существо, которое с ним соприкоснулось. На его беду, этим существом оказалась многоножка, представительница чуть ли не самого низшего зоологического вида, чем-то напоминающая скорпиона и богомола.

Ползучая тварь дала потомство — выводок сверхмногоножек. Мозгов они не имели, так что управление телами выполнялось через скопления ганглий. Не были они и телепатами в полном смысле этого слова, но их нервные клетки могли передавать на расстояние смутные протоощущения и образы.

Они были слишком примитивны, чтобы об-

разовать жизнеспособную симбиотическую цивилизацию. Максимум, что им удалось, это избежать на какое-то время вырождения.

В случае с этой спорой симбона природа тоже играла вслепую, но на этот раз ей не посчастливилось сорвать куш. Через несколько поколений сверхмногоножкам предстояло вымереть, не оставив заметного следа в истории планеты. Они и вовсе остались бы незамеченными, если бы их телепатические посылы не воздействовали угнетающе на психику людей, которым доводилось селиться в их ареале.

Однако второй симбоновой споре повезло гораздо больше…

— Сонди! — Если бы не полный муки возглас Бартана Драмме, Толлер и дальше холодным взглядом исследователя проникал бы в глубины времени и пространства. — Умоляю, не говори так! Ведь это не могло случиться с тобой!

— Нет, Бартан, именно со мною это и случилось. Я вступила в контакт со второй спорой, и теперь я тоже симбонит.

На главной палубе воцарилась напоенная ужасом тишина, и когда Бартан вновь заговорил, в его тихом голосе появился надрыв:

— Сонди, значит ли это, что я тебя потерял? Не-

ужели ты умерла для меня? Неужели ты теперь… одна из них?

— Нет. Облик мой не изменился, и в душе я все то же человеческое существо… Но… как бы это объяснить… У меня больше сил. Я пыталась тебя остановить, но ты не послушался… Наверно, теперь я могу признаться: мне плохо на этой холодной, дождливой планете. Я хочу вернуться и снова жить среди таких, как я.

— Ты по-прежнему моя жена?

— Да, Бартан, но тщетно мечтать о таких вещах. Я — узница, но ты и твои спутники не в состоянии ничего изменить. Любая попытка будет равносильна самоубийству.

По кораблю раскатился диковатый хохот.

— Сонди, твои слова дают мне силу тысячи исполинов! Я прилечу и увезу тебя домой!

— На это очень мало надежды.

— Простите, но мы должны еще кое-что узнать, — не без смущения вмешался Толлер в разговор супругов. — Если вы не в союзе с этими… симбонитами, то почему отправились к ним на Дальний Мир? Как это произошло?

— Как только спора попала в нервную систему, моя судьба была решена. Однако чем выше стоит носитель на эволюционной лестнице, тем дли-

тельней покорение его организма. Больше года я провела в полукоматозном состоянии и все это время не контролировала свою телепатическую способность. На каком-то этапе метаморфозы со мной на связь вышли дальнемирские симбониты и сразу поняли, что произошло.

Они не воинственны и не алчны, насилие — не в их характере, однако они достаточно хорошо изучили человеческую натуру, чтобы опасаться возникновения на Верхнем Мире цивилизации, основанной на союзе симбонов и людей. Поэтому дальнемирские симбониты построили космолет, опираясь на принципы, которых мне вовек вам не объяснить, и прилетели на Верхний Мир. Они поспешили тайно выкрасть меня, чтобы я не успела зачать ребенка. Для них это было необходимостью, поскольку дети моих детей тоже родились бы симбонитами, и со временем им подобные населили бы всю планету. Более высокая исходная ступень эволюции позволила бы им легко обогнать дальнемирских симбонитов, и несмотря на огромную перестройку психики своих носителей, будущие властелины Верхнего Мира почти неизбежно унаследовали бы человеческое пристрастие к войнам и покорению других народов. Рано или поздно они бы выса-

дились на Дальний Мир. И потому было решено, что я останусь здесь насовсем.

— Гораздо проще было бы тебя убить, — высказал Завотл мысль, пришедшую на борту «Колкоррона» не одному ему.

— Да, именно такой образ человеческого мышления заставил симбонитов похитить меня. Но, как я уже говорила, их раса не кровожадна, а посему они ограничились тем, что изолировали меня от моих соплеменников, предоставив возможность умереть естественной смертью. Но они допустили промах, не помешав мне связаться с Бартаном в стремлении утешить его. А с моей стороны было ошибкой не предугадать столь ужасного исхода… Иначе бы я не дала о себе знать. — На бесстрастном лице Сондевиры — одновременно и близкой, и далекой — вдруг промелькнула печаль. — И теперь я в ответе за все, что вас постигнет.

— Но почему с нами обязательно должна случиться беда? — впервые обратилась к Сондевире Бериза. — Судя по твоим словам, дальнемирцы — трусы, каких поискать. Разве они осмелятся встать у нас на пути?

— Готовность убивать — не мерило отваги. Симбониты очень не любят отнимать жизнь, но

в безвыходной ситуации они это сделают. И не с ними вам придется сражаться. Оружие симбонитов — дальнемирцы-автохтоны… Им несть числа, и вид крови не вызывает у них скорби.

— И у нас не вызовет, если до этого дойдет, — произнес Толлер. — Симбониты сразу узнают о нашей высадке на планету?

— Думаю, что нет. Любой разум, даже телепатический, может нормально функционировать лишь в том случае, если имеет сферическую защиту от постоянного обстрела информацией. О вашей экспедиции я узнала исключительно благодаря особым отношениям с Бартаном.

— У тебя есть свобода передвижения?

— Да, мне не запрещено странствовать по всей планете.

— В таком случае, — сказал Толлер, все еще поражаясь в душе своей способности разговаривать с телепатическим видением, — ты наверняка можешь провести небесный корабль в какое-нибудь безлюдное местечко и выйти к нам ночью. Чтобы взять тебя на борт, хватит нескольких секунд, даже садиться не понадобится.

— Толлер Маракайн, воистину твоя самонадеянность не знает границ. Неужели ты снова дерзнул возомнить, что мои расчеты уступают

твоему сиюминутному и поверхностному анализу вероятности?

— Что могу, то и…

— Не утруждай себя ответом. Лучше позволь спросить в последний раз: есть ли у меня хоть малейший шанс склонить вас к возвращению?

— Мы пойдем вперед.

— Что ж, будь по-вашему. — По мере того как Сондевира отступала, ее образ мерк. — Но одно я могу твердо обещать: вы еще со слезами раскаяния вспомните тот день, когда покинули Верхний Мир.

Глава 16

Пронзая вершины атмосферных протуберанцев на высоте три с лишним тысячи миль, «Колкоррон» закончил второй облет планеты. Только после этого Сондевира решила, что все факторы предстоящего спуска ею учтены, и велела включать с небольшими перерывами главный двигатель для погашения орбитальной скорости корабля.

«Колкоррон» двинулся по вертикали к поверхности Дальнего Мира. Поначалу скорость падения была ничтожна, но шли часы, гравитационная хватка планеты крепла, и воздухоплаватели все отчетливей слышали урчание обтекающего корпус воздуха. За рычагами управления сидел Типп Готлон; повинуясь наставлениям Сондевиры, знающей, казалось, все на свете, он развернул корабль кормой вниз и надолго врубил двигатель, отчего «Колкоррон» не только перестал спускаться, но и медленно пошел вверх.

На этой высоте воздух был довольно густ; дыша им, человек мог прожить довольно долго. Двигатель умолк; в скором времени тяготение Дальнего Мира должно было остановить корабль

и двинуть вспять, но пока этого не случилось, пока внешняя среда напоминала верхнемирскую зону невесомости, воздухоплаватели должны были выйти из космолета и разделить его надвое.

Прежде чем покинуть борт, Толлер поднялся на главную палубу — попрощаться с Готлоном. Надетый вновь небесный костюм вкупе с парашютом и индивидуальным воздухоструйным двигателем очень мешал перемещаться по трапу. Через иллюминатор в отсек проникал единственный луч солнца, бросая на хмурое, разочарованное лицо пилота лимонный глянец.

— Сэр, — сказал Готлон при виде Толлера, — как там Завотл, справляется?

— Завотл держится молодцом. — Услышав, что ему предстоит остаться на космолете, Готлон был безмерно огорчен. Только здоровые члены экипажа, говорил он чуть ли не со слезами на глазах, должны выполнять такую трудную и опасную задачу, как спасение Сондевиры. «Самая важная задача, — возразил ему Толлер, — отводится «Колкоррону», а значит, простая логика требует, чтобы на нем остался лучший пилот». Дань уважения собственному мастерству мало утешила Готлона.

— С этой работой и больной без труда управит-

ся, — вернулся он к разговору, который Толлер считал оконченным.

Толлер с укором покачал головой.

— Сынок, Илвену Завотлу не просто нездоровится. Он бы меня не поблагодарил за то, что я тебе это говорю… Ему уже недолго осталось. Сдается мне, он хочет, чтобы его похоронили на Дальнем Мире.

Готлон залился краской.

— Сэр, я не знал… Так вот почему он последнее время такой ворчливый…

— Да. И если его оставить на корабле… Вдруг он умрет? Что тогда будет с нами?

— Я с ним не попрощался. Мне совестно…

— Пустяки, ему сейчас не до этого. Лучшее, что ты можешь сделать для Завотла, это позаботиться, чтобы его журнал вернулся на Верхний Мир. В нем очень много полезного, если не сказать — бесценного, для будущих космических путешественников. В том числе — рассказанное Сондевирой. Поручаю тебе лично позаботиться, чтобы он попал в руки короля Чаккела.

— Сэр, я сделаю все, что в моих силах. — В глазах Готлона мелькнула тревога. — Сэр, а вы правда уверены… что у вас все получится?

— Абсолютно. — Толлер улыбнулся, дружески

обнял Готлона за плечи, а затем двинулся вниз по узкому винтовому трапу, то и дело застревая из-за экипировки и невесомости.

За бортом корабля двигаться оказалось куда проще, для этого не требовалось никаких усилий. Остальные четверо астронавтов уже работали — отделяли от «Колкоррона» гондолу небесного корабля на умопомрачительно громадном выпуклом фоне Дальнего Мира. Под покровом облаков — гораздо более густым, чем у Мира и Верхнего Мира, — ослепительно сверкала полярная шапка; ее сияние заливало плывущие в вышине человеческие силуэты. Нижняя половина видимой небесной сферы была окрашена в знакомую Толлеру темную синеву, а по верхней разлился чуть ли не кромешный мрак с необычайно четкими звездами и спиралями.

Толлер глубоко вздохнул, впитывая каждый штришок, каждый мазок нового космического пейзажа. Он казался себе баловнем судьбы; он родился при необыкновенных обстоятельствах, и теперь удивительный жизненный путь привел его в это ни с чем не сравнимое мгновение. Впереди поджидали новые приключения, новые открытия, способные поразить разум и чувства, новый враг, которого предстоит одолеть. В нем

бурлил жаркий восторг; нечто подобное он ощущал, когда впервые мчался на «Красном-1» навстречу флоту мирцев. Однако на этот раз было что-то еще… Противоположное подводное течение страха и безнадежности. В сердцевине его души ледяной червячок не нашел другого времени, чтобы зашевелиться и напомнить: после Дальнего Мира тебе уже некуда будет податься. В который раз закрались коварные мысли: «А может, моя могила — здесь, на этом чужом шаре? Может, так будет лучше всего?»

— Толлер, нужна твоя силища, — крикнул Завотл.

С помощью воздухоструя Толлер приблизился к кормовой секции корабля. Канаты, соединявшие секцию с основным корпусом космолета, были уже сняты со шпеньков, но замазка держала крепко. Толлер быстро устал — приходилось не только цепляться за корабль одной рукой, но и приноравливаться к отдаче молотка — далеко не лучшего инструмента для работы в невесомости. По той же причине не помогли и рычаги, и разделить корабль удалось лишь слаженным действием ног и пальцев. Сначала в борту появилась короткая щель; астронавты дружно налегли и с превеликим трудом оторвали небесный ко-

рабль от космолета.

Громоздкое сооружение плавно опрокинулось набок, обнажив сопло реактивного двигателя, которому предстояло умчать назад, к Верхнему Миру, космолет. Дакан Врэйкер заблаговременно снял наставки с рычагов управления, теперь от него требовалось лишь присоединить к обоим двигателям по нескольку стержней и убедиться, что они работают нормально.

— Зря мы не додумались клинья прихватить. — На бледном лице Завотла поблескивали капли пота. — Толлер, ты заметил, что здесь не холодно? Дальше от солнца, а воздух почему-то теплее… Природе никак не надоест нас удивлять.

— Сейчас не время об этом думать. — Толлер подлетел к небесному кораблю и помог экипажу отбуксировать его в сторону, подальше от «Колкоррона». После этого астронавты заглушили воздухоструи и занялись оболочкой — вытащили ее из секции, развернули, закрепили канаты на кнехтах гондолы, а затем достали ускорительные стойки, сделанные разборными — чтобы поместились на борту «Колкоррона». Монтировать их было не простым делом, но астронавты хорошо натренировались в зоне невесомости и теперь справились с этой работой в считанные минуты.

Между тем Врэйкер управился на космолете, перебрался в гондолу и подготовил горелку к действию. Сборка корабля намного упростилась с того момента, как он начал падать — постепенно заполняясь ненагретым воздухом, оболочка расправлялась, и нагнетание горячего газа уже не сулило хлопот.

Толлер — самый опытный пилот небесного корабля — взялся зажечь горелку и наполнить оболочку газом, не повредив ткани. Как только невесомый великан в геометрических узорах распух над гондолой, Толлер уступил пилотское сиденье Беризе и отошел в сторону.

Теперь «Колкоррон» падал чуть быстрее небесного корабля, его лакированный борт медленно скользил мимо воздухоплавателей, стоящих у планширa гондолы. В открытом люке средней секции космолета появился Готлон и помахал товарищам, после чего захлопнул люк и задраил изнутри. Минутой позже взревел реактивный двигатель, «Колкоррон» на миг застыл в воздухе, а потом двинулся вверх. С нарастающим ревом он поднялся над небесным кораблем, и струя горячего маглайна заколыхала оболочку вместе с гондолой. Ощущая на лице жар, Толлер с уважением, чуть ли не с благоговением представил себе

Готлона, простого паренька, которому достало смелости лететь в одиночку навстречу космической пустоте, доверив женщине, которую он ни разу не видел во плоти, призрачным зовом вести его на орбиту.

В свете этих размышлений Толлер в который уж раз поразился своей безрассудности, если не сказать — глупости. Да разве умный человек отправится в межпланетное путешествие, почти ничего не ведая об опасностях, которыми изобилует космос? Какая прискорбная самонадеянность! Бесспорно, он заслуживает сурового наказания. Да и Завотлу, наверно, поделом… Но чем провинились их юные спутники? Нет, уж Толлер постарается, чтобы их не затянуло в гибельный водоворот его судьбы.

На спуск к поверхности Дальнего Мира ушло шесть дней, и за это время подобные мысли наведывались к Толлеру не раз.

Долго прожив бок о бок с молодыми летчиками-истребителями, Толлер привык к тому, что они, особенно Бериза, любую опеку над собой воспринимают в штыки. Несложно было понять, в чем тут дело: они глядели на мир сквозь розовые очки неосознанной самонадеянности, неоправданной веры в свою неуязвимость, в

способность победить любого противника. Упоительные полеты в срединной синеве верхом на реактивных истребителях пристрастили их к безрассудству — вполне достойной, как им казалось, философии. Военная карьера Толлера едва ли давала ему право на иное мировоззрение, но все же его преследовали сомнения в том, что он хоть сколько-нибудь годится на роль начальника дальнемирской экспедиции. Ведь даже Завотл не представлял, что в космосе корабль может практически вечно сохранять скорость при бездействующем двигателе, а значит, любая тяга приведет к ускорению. Если бы не вмешательство Сондевиры, они бы непременно сгорели в атмосфере Дальнего Мира, и ее упреки совершенно справедливы. А второй грубейший промах? Почему Толлеру не пришло в голову, что на Дальнем Мире, возможно, обитают разумные существа? Что они обладают могуществом, о котором и мечтать не смеют жители Мира и Верхнего Мира? Сондевира заверила его, что высадка на планету означает для астронавтов верную смерть, и по мере того, как небесный корабль опускался к поверхности Дальнего Мира, Толлеру было все труднее прятаться от мрачного пророчества за щитом неверия.

Тревожили его и раздумья о самой Сондевире. Бартан, Бериза и Врэйкер к ее телепатическим визитам относились спокойно, судя по всему, им без особых сложностей удалось вписать ее в картину мироздания, но Толлер был слишком старым материалистом и скептиком, чтобы видеть ее или вспоминать о ней без содрогания. История симбоновых спор выглядела поистине невероятной, но ее по крайней мере Толлер смог постепенно постигнуть. Постигнуть, а значит, и поверить. Однако концепция прямого общения разумов не лезла ни в какие ворота.

И хотя при таком общении Толлер видел ее загадочный, неуловимый образ и слышал беззвучный голос, что-то в его душе восставало всякий раз, когда он припоминал свои ощущения в эти моменты.

Все это чересчур отдает мистикой, рассуждал он. Возможно, существуют иные пласты реальности, недосягаемые для пяти обычных человеческих чувств, но разве есть подтверждения (кроме этого, единственного) тому, что переселение душ — не просто религиозная догма? Где тот, в чьих силах провести границу между правдой и вымыслом?

В ответ на это Сондевира заявила — лично ему,

— что мнить себя знатоком реальности, имея в своем распоряжении лишь несколько жалких проявлений вероятности и невероятности, — типичный признак смехотворного тщеславия. Переварить это — в его-то годы! — было не так просто.

Сондевира являлась часто, особенно в последние дни спуска, и всякий раз сбивала Толлера с панталыку, но было бы грехом жаловаться. Она регулярно что-нибудь советовала: то убавить скорость, то зависнуть, а один раз даже велела подниматься в течение часа. Объяснила она это тем, что воздушные слои и климаты, более своенравные, чем на Верхнем Мире, затрудняют продвижение корабля к выбранному ею месту посадки. Она предупредила воздухоплавателей, что им предстоит лететь через многомильную прослойку очень студеного воздуха, и там на самом деле оказалось похолоднее, чем в зоне невесомости, хотя воздух ниже и выше этой прослойки был довольно теплым. Когда Завотл попросил объяснений, Сондевира заговорила о свойстве атмосферы частично отражать солнечное тепло и о конвекционных потоках, которые переносят холод на большие глубины, до самого океана, и скапливают в обособленных слоях воздуха.

Слушая, как эта бывшая простушка, еще год назад жившая на ферме и не знавшая даже грамоты, рассуждает о сложнейших материях, Толлер все больше поддавался дурным предчувствиям. Видно, она теперь и впрямь сверхженщина, всем гениям гений. С каждой новой встречей его все сильнее разбирала робость. Как богиня должна относиться к обычным человеческим существам? Разве лучше, чем сами люди относились к гиббонам, что водились в старом Колкорроне, в провинции Сорка?

К удивлению Толлера, у Бартана подобных вопросов, по всей видимости, не возникало. Когда молодой астронавт не спал и не дежурил у горелки, он коротал время за разговорами с Беризой и Врэйкером, то и дело прикладываясь к меху с бренди, который давно уже стал для него частью снаряжения. Бериза захватила с собой рисовальные принадлежности и теперь подолгу трудилась над портретами спутников или картировала поверхность планеты — об этом ее попросил Завотл. Маленькому инженеру день ото дня становилось все хуже, он почти не вставал с соломенного тюфяка и не отрывал рук от живота. Только в общении с Сондевирой Завотл оживлялся; будь его воля, он бы расспрашивал

ее часами. Но визиты девушки обычно бывали краткими, а реплики — отрывистыми, так что у него скопилась целая гора вопросов, вопиющих о своем первостепенном значении.

Толлер никак не ожидал, что вынужденный досуг ему придется коротать в основном с членом команды, которого он знал гораздо меньше, чем других, — с Даканом Врэйкером. Этот молодой астронавт с плавной речью, красивыми вьющимися волосами и огоньком в серых глазах, хоть и родился после Переселения, увлекался историей Старой планеты. Помогая Толлеру смазывать и чистить мушкеты и точить пять стальных мечей — весь арсенал экспедиции, — он склонял командира к долгим рассказам о жизни в Ро-Атабри, бывшей столице бывшего Колкоррона, о полезных новшествах, благодаря которым влияние этого города распространилось на все полушарие. Как выяснилось, Врэйкер собирался написать книгу, дабы помочь соотечественникам сохранить исконные национальные черты.

— Стало быть, у нас на одном корабле и художник, и писатель, — улыбнулся Толлер. — Вам с Беризой надо работать в паре.

— Я бы рад что угодно делать с нею в паре, — тихо произнес Врэйкер, — но у нее, похоже, виды

на другого.

Толлер нахмурился:

— Ты Бартана имеешь в виду? Но ведь к нему скоро вернется жена.

— Не слишком ли странный у них брак? По-моему, Бериза не считает его долговечным.

В словах Врэйкера Толлер услышал отзвук собственных мыслей. Судя по всему, только Бартан нисколько не сомневался, что после возвращения на Верхний Мир у них с Сондевирой все пойдет на лад. Эта слепая вера вкупе с хмелем, который почти никогда не выветривался, подогревали в нем радостное возбуждение. Но что будет, когда они с женой воссоединятся? Не надо быть вещуном, чтобы напророчить им незавидную судьбу…

Но никто из спутников Бартана не делился с ним подобными мыслями.

Толлер обратил внимание, что в беседах с Сондевирой он понимал значение даже тех слов, которых прежде ни разу не слышал, как будто слова были всего лишь посредниками, носильщиками с многослойной кладью толкований и сравнительных концепций. Мысленные диалоги исключали ошибочное понимание и неясности.

Внимая безмолвному голосу Сондевиры, никто из астронавтов не сомневался в ее словах. А

ведь она предсказала трагическое завершение экспедиции…

* * *

В кромешной мгле небесный корабль плавно снижался к равнине. Прежде такой мрак Толлеру случалось видеть только посреди верхнемирской глубокой ночи. Еще совсем недавно на черном бархате планетарной поверхности таинственно мерцали огоньки разбросанных тут и там городов и сел, однако теперь до земли было рукой подать, и свет исходил только с неба. Звезды терялись за облаками, а Великая Спираль лишь робкими мазками серебрила по краям лоскуты вездесущего тумана, и на большее ее не хватало.

Для Толлера — жителя экваториальной страны — перенасыщенный влагой воздух был невыносимо холоден и вдобавок обладал загадочным свойством высасывать тепло из тела. Несколько часов назад астронавты сняли неудобные небесные костюмы, и теперь они стучали зубами и растирали друг другу гусиную кожу на руках. Помимо сырости, донимала густейшая растительная затхлость; атакованное этим мощным, всепроникающим запахом обоняние раньше, чем остальные чувства, предупредило Толлера,

что корабль вот-вот коснется поверхности чужой планеты.

Замерев у планшира, он, кроме нетерпения и приподнятости, испытывал легкое разочарование. Походить по Дальнему Миру пешком и при свете дня увидеть собственными глазами его диковины уже не удастся. Если Сондевира выйдет к кораблю, как условлено, под прикрытием ночи — а сомневаться в этом нет причин, — то астронавты поднимут ее на борт в считанные секунды. Даже не понадобится касаться грунта опорами гондолы. Затем они сразу взлетят и отправятся на соединение с космолетом и к утру будут так далеко, что снизу никто их не заметит.

Не в первый раз эти мысли вынудили Толлера недоуменно сдвинуть брови. На вид все складывается лучше некуда — отчего же тогда Сондевира с такой уверенностью напророчила беду? Или она старается, как может, подготовить спасателей ко всем потенциальным опасностям? Или же ситуация вовсе не так проста, но Сондевира не считает нужным сказать Толлеру, что им угрожает? Новая загадка, намек на подстерегающее несчастье, подействовал на него, как сильный наркотик, заставив сердце биться чаще и разбередив предчувствия. Всматриваясь во тьму, он с тревогой

подумал: а вдруг эти таинственные симбониты перехватили Сондевиру и заставили умолкнуть? Вдруг на месте предполагаемой посадки их ждут в засаде сотни солдат?

Между тем Врэйкер уже подавал в шар небольшие порции маглайна, гася скорость снижения до едва заметной. Чем ближе подступала земля, тем сильнее разыгрывалось у Толлера воображение. Тьма больше не была однородной, она состояла из тысяч копошащихся теней, и все они принадлежали тем, кого он меньше всего хотел бы встретить. Они бесшумно мчались под плывущим в воздухе кораблем, без малейших усилий держались вровень с гондолой. Они простирали руки, маня к себе астронавтов, чтобы схватить, разорвать, изрубить, искромсать в неузнаваемое месиво из плоти, кости и крови.

Казалось, миновала вечность, прежде чем окружающий мрак смягчился и сотворил нечто недвусмысленное — трепещущего сероватого мотылька. Он постепенно светлел и в конце концов принял облик женщины в белых одеждах…

Глава 17

— Сонди! — позвал Бартан, перегибаясь через борт рядом с Толлером. — Сонди, я здесь!

— Бартан! — Женщина поспешила к гондоле. — Бартан, я тебя вижу!

На этот раз не было телепатического контакта, от которого у Толлера кровь стыла в жилах и цепенел разум. Был только женский голос, вполне обыкновенный, разве что заряженный естественным человеческим волнением. И при звуках этого голоса Толлера захлестнуло изумлением. На миг он вчистую позабыл о сверхсуществах-симбонитах и не мог думать ни о чем, кроме невероятных обстоятельств этой встречи. Перед ним стояла женщина, родившаяся на его планете. Она жила там самой что ни на есть обыкновенной жизнью, пока в высшей степени удивительным образом не попала в другой мир. Если рассуждать с позиций логики, для человечества она все равно что умерла, но ее муж, обезумевший от горя, пропитанный сивухой сельский парень, вдохновил совершенно незнакомых ему людей на межпланетный полет и отправился к ней за миллионы миль пространства, не имея, казалось

бы, ни единого шанса достигнуть цели и даже просто остаться в живых. И вот эта женщина стоит в инопланетном мраке в нескольких ярдах от Толлера, и голос ее дрожит от избытка чувств, завораживая своей реальностью.

Рев горелки и шуршание кустов под опорами гондолы вернули Толлера в привычную вселенную. Бартан перебрался через леер на край палубы и протянул руку жене. Сондевира ухватилась за нее и через секунду стояла на палубе рядом с мужем. Толлер помог ей перелезть через планшир, изумляясь простому физическому соприкосновению с ее телом, а затем Бартан одним прыжком преодолел леер и прижал к себе Сондевиру. К ним подступили Бериза и Завотл, и все пятеро обрадованно хлопали друг друга по плечам и обнимались, пока опоры гондолы не коснулись земли, заставив палубу содрогнуться.

— Поднимай, — сказал Толлер Врэйкеру, и тот сразу пустил вверх струю газа, наполняя свежей силой исполинский шар, неподвижно висящий над их головами.

— Да, да! — Сондевира выбралась из группы спасателей и шагнула к Врэйкеру, протягивая ему ладонь. Он поднял навстречу свободную руку, но пожатия не последовало. Правая рука Сондевиры

скользнула мимо него, и прежде, чем кто-то смог вмешаться, с нечеловеческой силой дернула книзу красный трос, что тянулся к аварийному клапану оболочки.

В тесном мирке гондолы никто поначалу даже не шевельнулся. Наступило молчание, но Толлеру не надо было объяснять, что корабль выведен из строя. В вышине из макушки шара был вырван огромный трапециевидный лоскут, горячий газ вытекал в атмосферу, и оболочка морщилась и оседала. Корабль был обречен остаться на Дальнем Мире — возможно, навсегда.

— Сонди! Что ты наделала! — перекрывая возмущенные возгласы, закричал Бартан и кинулся к жене с простертыми руками, словно в запоздалой попытке остановить. Она оттолкнула его и торопливо прошла на свободный участок палубы.

«Сондевиры больше нет, — подумал Толлер. — Среди нас — симбонитская сверхженщина».

— У меня на то серьезная причина, — твердым, ясным голосом ответила Сондевира. — Если бы вы сразу послушались…

Конец фразы потерялся в чудовищном треске — гондола ударилась оземь и круто накренилась. Люди и незакрепленное снаряжение кубарем

покатились к лееру. Секундой позже гондола встала на все четыре опоры.

— Стойки долой! — закричал Толлер, с которого мигом слетела задумчивость. — А не то нас шаром накроет!

Он кинулся в ближайший угол, распустил узлы аварийного сброса стойки, выдернул из-под планширa съемную опору, чтобы леер не принял на себя вес шара. Из зева оболочки потек, затопив гондолу, едкий маглайн. Снова раздался треск, и Толлер сообразил, что по крайней мере одна стойка не выдержала нагрузки.

Он перелез через леер, заметив краем глаза, что остальные следуют его примеру, спрыгнул на землю и побежал по самой обыкновенной на вид траве. Неподалеку от корабля он остановился и обернулся — как раз вовремя, чтобы лицезреть крушение. Огромная матерчатая глыба висела еще достаточно высоко, заслоняя часть небосвода, но от ее симметрии не осталось и следа. Изуродованная до неузнаваемости, она корчилась, как левиафан в смертных судорогах, и оседала все быстрее. Под крепчающим натиском ветра оболочку почти целиком снесло с корабля, она билась на траве раненой птицей. Тут и там лен вздымался буграми — не весь газ успел вый-

ти наружу.

Последовало недолгое молчание, затем воздухоплаватели повернулись и обступили Сондевиру. В их движениях не было и намека на угрозу, лица оставались совершенно бесстрастными. Однако эта почти незнакомая женщина круто и неожиданно повернула их судьбы, и теперь они ждали объяснений. Было довольно темно, но Толлер видел, что никто из его спутников не прихватил оружия; лишь у него на поясе висел меч. По старой солдатской привычке он положил ладонь на рукоять и огляделся по сторонам, силясь проникнуть взглядом под покров иноземной ночи.

— На много миль кругом — ни одного дальнемирца, — сказала Сондевира. — Я вас не предала.

— Не будет ли бестактностью осведомиться, чем вызван столь неожиданный поступок? — Толлера отчего-то потянуло на сарказм. — Ты должна признать: нам есть от чего недоумевать.

— Надо бы объясниться, — добавил Бартан дрожащим голосом, из чего явствовало, что он больше всех потрясен внезапным поворотом событий.

Прежде чем ответить, Сондевира зябко запахнула ворот белой туники.

— Советую обдумать два чрезвычайно важных

факта. Во-первых, симбониты, населяющие этот мир, постоянно знают, где я нахожусь. Но ни в чем меня не подозревают и ничего не предпринимают, ибо я, к счастью для всех нас, то и дело меняю местонахождение. У меня есть привычка разъезжать по всей стране в самое неподходящее, с точки зрения дальнемирцев, время. Во-вторых, — тихо и спокойно звучал голос Сондевиры, — корабль, на котором симбониты привезли меня сюда, способен за несколько минут совершить межпланетный перелет.

— Минут?! — воскликнул Завотл. — Всего за несколько минут?

— Хватило бы и нескольких секунд, даже долей секунды, но на короткие расстояния лучше летать с умеренной скоростью. Я веду к тому, что, если бы я полетела с вами на небесном корабле, симбониты очень скоро сообразили бы, в чем дело. Я уже говорила: по натуре они не жестоки, но домой меня ни за что не отпустят. Они бы догнали вас на своем корабле и вынудили сесть, вернее, уничтожили бы, пытаясь остановить.

— Неужели их оружие настолько мощнее нашего? — спросил Толлер, пытаясь представить воздушный бой с туземцами.

— На симбонитском корабле нет оружия как та-

кового, но в полете его окружает поле — назовем его аурой, — губительное для организмов. Бессмысленно излагать вам его природу, но можете мне поверить: встречу с кораблем симбонитов никто из вас не пережил бы. Хотели бы того дальнемирцы или нет, но они бы вас убили.

Некоторое время все молча усваивали слова Сондевиры, а ветер, ни с того ни с сего посвежев, крупными каплями ледяной воды осыпал неясные человеческие силуэты. Влага легко просачивалась сквозь тонкую ткань рубашек и штанов, а над головами по звездному куполу скользили тучи, как смыкающиеся створки тюремных ворот.

«Дальний Мир глумится над нами», — подумал Толлер, преодолевая дрожь.

Первой заговорила Бериза, в ее голосе безошибочно угадывался гневный оттенок.

— Сдается мне, подруга, ты поторопилась дернуть за трос. Если бы сразу все рассказала, мы бы тебя сбросили за борт и преспокойно вернулись на Верхний Мир.

— В самом деле? — спросила Сондевира с призрачной улыбкой. — Неужели вы бы предпочли такой… логичный выход?

— Не могу говорить за других, но я бы точно

предпочла.

Почти сразу интуиция подсказала Толлеру: испорченная оболочка и неопределенный исход экспедиции тут вовсе ни при чем. Просто Бериза ревнует, вот и задирает Сондевиру. При всей серьезности положения он не мог не подивиться (в который уже раз) женскому складу ума. Бериза даже Толлеру иногда внушала страх, а сейчас она казалась вылитой Джесаллой. «Все женщины чем-то похожи на Джесаллу, — мрачно подумал он. — На выбранной ими арене мужчина для них — не соперник».

— Не так уж сильно поврежден корабль, чтобы его нельзя было починить, — произнесла Сондевира. — Я вас не случайно привела в безлюдное место, дальнемирцы сюда вряд ли заглянут. Так что времени у вас достаточно.

«Тогда зачем понадобилось портить шар? — подумал Толлер. — Нет, эта женщина чего-то не договаривает». Бартан шагнул к Сондевире.

— Кто хочет, пускай улетает, а я останусь тут, с тобой.

— Нет, Бартан. Ты что, забыл, почему меня похитили? Симбониты скорее убьют меня, чем позволят вступить в связь с дееспособной мужской особью моего вида.

Между тем у Толлера в голове бился невысказанный вопрос — интерес к тактике был у него, старого вояки, в крови. «Испортить шар Сондевира могла по одной причине: чтобы корабль никуда не улетел. А значит…»

— Существует альтернативный выход, — сказала Сондевира. — Я о нем расскажу, но каждый из вас должен сам решить, годится ли мое предложение. Если оно вас не устроит, я помогу отремонтировать небесный корабль и добраться до Верхнего Мира, а сама, конечно, останусь здесь. Но если вы захотите попробовать, то будьте готовы к любым опасностям и…

— Мы готовы к любым опасностям, — перебил Толлер. — Далеко отсюда до корабля симбонитов? И какова охрана?

Сондевира повернулась к нему.

— Толлер Маракайн, ты не перестаешь меня удивлять.

— Ерунда, — сказал Толлер. — Я себя не считаю слишком умным, но знаю, что бывают случаи, когда спорщикам, будь они хоть семи пядей во лбу, ничего другого не остается, кроме…

— Кроме насилия?

— Кроме оправданного применения силы, ответа ударом меча на удар меча.

— Довольно, Толлер, я не в той ситуации, когда можно дискутировать на темы морали. Ведь захват корабля — моя идея, мой единственный шанс спастись от жуткого, неполноценного существования. Но это чересчур опасно…

— Мы готовы к опасностям, — повторил Толлер и окинул спутников взглядом, словно искал у них поддержки.

— Но почему ради меня вы должны рисковать жизнью?

— У каждого из нас — свои веские причины участвовать в этой экспедиции.

Сондевира приблизилась к Толлеру, неотрывно глядя ему в зрачки, и впервые с той минуты, как увидел ее во плоти, он почувствовал, что она применила сверхчеловеческое свойство своего разума.

— О твоей причине я не могу сказать ничего хорошего, — наконец печально молвила она.

— Долго нам еще стоять в этом ледяном болоте? — Толлер переступил с ноги на ногу в чавкающей грязи. — Пора шевелиться, а то помрем от лихорадки. Далеко отсюда до корабля?

— Добрые девяносто миль. — Сондевира заметно оживилась — видимо, поняла, что астронавты уже не раздумают ее спасать. — Но у меня есть

транспортное средство, на нем мы быстро доберемся.

— Фургон?

— Нечто вроде этого.

— Вот и славно, а то для форсированных маршей эта местность вряд ли годится.

К немалому облегчению Толлера, разговор на этом закончился, и астронавты поспешили к гондоле — выгружать оружие и провиант. Толлер без особой охоты взял мушкет — увесистая сетка с шариками обещала стать помехой в рукопашном бою, и вообще долгая перезарядка, на его взгляд, почти сводила на нет преимущества огнестрельного оружия.

— Смотри, что я нашел. — Дрожащая от слабости рука Завотла протягивала Толлеру бракковое древко со свернутым сине-серым флагом Колкоррона.

Толлер взял у него стяг и всадил в землю, как копье.

— Ну вот, наш долг перед Чаккелом исполнен, теперь можем заняться своими делами.

Он спрыгнул с гондолы, подошел к куче припасов, которую уже разбирали его товарищи, и вдруг обнаружил, что рядом нет Сондевиры. Толлер завертел головой и почти тотчас

услышал необычные звуки, они напоминали шипение змеи, фырканье синерога, скрип и погромыхивание фургона. Чуть позже он различил прямоугольник повозки, медленно приближающейся к небесному кораблю. Гадая, на что похоже тягловое животное, способное на такую какофонию, он направился вперед — и застыл как вкопанный, увидев, что повозка движется сама по себе. Ее задняя часть — парусиновый тент на колесах — напоминала обычный фургон, но впереди находилось нечто дивное: короткий горизонтальный цилиндр с торчащей кверху трубой, плюющей в туманное небо клочками белого пара. За стеклянным щитом кабины, что примыкала к заднему торцу цилиндра, восседала Сондевира. Широкие колеса с черными ободьями замерли, дикий шум сменился задумчивым пыхтением. Сондевира соскочила на землю.

— Повозку заставляет двигаться сила пара, — опередила она залп вопросов. — Это мой дом на колесах — куда хочу, туда и еду. И для нашей цели он вполне сгодится.

Поездка по сельским краям Дальнего Мира пополнила коллекцию самых необыкновенных путешествий Толлера. Об этом главным образом позаботились погодные условия и «красоты»

местной природы. Парусиновый тент самодвижущегося фургона не спасал астронавтов от липкой, пробирающей до костей стужи — им в жизни не доводилось испытывать ничего подобного. Заря не обрушилась лавиной золотого света и тепла, как на Верхнем Мире, а подкралась на цыпочках и разбавила дождем ночную черноту до унылой густой серости. Казалось, даже в фургоне воздух тонирован серым; выдыхаемый пассажирами, он смешивался с промозглым туманом, проникающим под тент, и настырно запускал под одежду скользкие ледяные щупальца. Только Сондевира, одетая в теплую тунику и штаны, не обращала на холод внимания.

Толлер и его спутники часто раздвигали парусиновый полог — им не терпелось увидеть обитателей чужого мира и их жилища. Но по сторонам дороги висели бесконечные занавеси дождя и тумана, и синевато-зеленые травянистые низины, изредка мелькая в прорехах занавесей, слабо утоляли любопытство. Впрочем, кое-что бросалось в глаза — например, ухоженная мостовая, по которой они ехали. Такому проселку позавидовал бы любой верхнемирский тракт.

Постепенно дорога расширилась, и пассажиры фургона увидели наконец первую дальнемир-

скую деревню. Напрасно астронавты уповали на экзотику. Дома удивляли лишь тем, что выглядели совершенно заурядными, отличаясь от своих собратьев на планетах-близнецах разве что чересчур крутыми скатами крыш. Ни один туземец не попадался путникам на глаза, и Толлер счел это вполне объяснимым: в такую ужасную погоду кому захочется выходить из дому? Он бы и сам предпочел поваляться в кровати.

Толлер вырос в одной из самых образованных семей старого Колкоррона, и природа смены времен года не была ему в диковинку. Но вся жизнь его молодых подчиненных прошла на планете, чей экватор лежал в одной плоскости с орбитой солнца. Вначале они просто не поверили, что ось Дальнего Мира наклонена; когда же эта истина закрепилась в их сознании, они засыпали Сондевиру градом вопросов о погоде, постоянно меняющемся суточном цикле и тому подобном. Казалось, Сондевира была рада возможности позабыть на время о своей симбонитской натуре и держалась с молодежью, как самый обыкновенный человек.

Толлер прислушивался к разговору, и время от времени его охватывало чувство нереальности происходящего. Он был вынужден постоянно

напоминать себе, что Сондевира пережила невероятную метаморфозу, что его отряду предстоит битва за корабль, каких не бывает даже в сказках, и что в ближайшие часы любой из них может погибнуть. А юным участникам экспедиции, судя по всему, это даже в голову не приходило; молодым свойственно верить, что смерть их не коснется.

«Верьте, ребята, верьте как можно дольше», — мысленно обратился к ним Толлер, прислушиваясь к своим чувствам и не находя среди них азарта, всякий раз накануне боя будоражившего нервы. Может быть, все дело в стуже, непривычной для обитателя солнечного мира, — в липкой стуже, пробирающей до костей? Или в дурных предчувствиях? Или в том, что последний мираж вот-вот развеется, и Толлер, готовясь к этому, утратил умение радоваться?

Когда он бог весть в который раз озирал навевающий тоску ландшафт, взгляд остановился на далеком здании — оно гнездилось в тесной балке и в отличие от других дальнемирских сооружений вполне гармонировало с убогой природой. С дороги виднелся лишь черный силуэт в окружении темно-серых пристроек; он был громаден и весь ощетинен трубами, которые выдыхали копоть в угрюмые небеса.

— Сталелитейная фабрика, обеспечивает металлом весь этот край, — объяснила ему Сондевира. — На Верхнем Мире климат позволяет выполнять многие технические операции на открытом воздухе, а здесь требуется укрытие. Несомненно, дальнемирцы и сами когда-нибудь построили бы такие заводы, но симбониты ускорили индустриализацию. Вот тебе еще одно злодейство против природы в целом и населения этой планеты — в частности.

«Но ведь ты симбонитка! — подумал Толлер. — Как ты можешь осуждать сородичей?»

Вопрос неизбежно сулил долгие раздумья, но до поры уступил место целому рою других, не столь философских. До сего момента его ум, не шибко утруждаясь, рисовал картину первобытного мира, безропотно отдающего себя на милость сверхсуществ. А сейчас Толлер вдруг сравнил симбонитов со взводом колкорронских солдат перед тысячей дикарей из племени Геф. Как бы ни было совершенно оружие колкорронцев, в ближнем бою гефы непременно одолевали числом — а потому приходилось использовать иную тактику.

— Скажи, — обратился он к Сондевире, — дальнемирцы что, не оказали пришельцам никакого

сопротивления?

— В их истории не было ни одного вторжения, — ответила женщина в белом, не сводя глаз с тускло отсвечивающей дороги. — И потом, откуда они могли узнать о нашествии? Разве ты хоть на йоту поверил Бартану, когда он рассказал, что со мной приключилось? А если б он вдобавок сообщил, что король Чаккел, королева Дасина, их дети и вообще все аристократы Колкоррона — инопланетные захватчики в человеческом обличье? Ты бы поднял его на смех или попытался возглавить восстание?

— Но при чем тут правящие классы? Ты же сказала, что симбоновые споры опускались на эту планету вслепую и не могли выбирать себе носителей.

— Да, но разве не ясно, что в любом обществе симбониты быстро добираются до вершины власти?

Фургон катил по мокрой дороге, а его хозяйка излагала спутникам свой взгляд на последние три века истории Дальнего Мира. Вначале между народными массами и господами, как и в любом примитивном обществе, была бездна взаимного непонимания. Затем дальнемирцы обнаружили, что их повелители, и без того божественные и

таинственные, стали проявлять все большую изобретательность и склонность к новизне. Они создали машины, облегчающие труд, например, паровой двигатель. И каждое нововведение укрепляло их позиции.

Они ускоряли темп промышленного развития, но делали это осторожно и терпеливо. Начиная осваивать планету силами всего шести симбонитов, они понимали, как опасно рубить сплеча. Но уходили десятилетия, и все новые кирпичики ложились в фундамент симбонитской культуры, чтобы рано или поздно вознести ее над всем миром. Сверхсущества не боялись раствориться в туземном населении, но все-таки обзавелись убежищами, куда не ступала нога простого дальнемирца и где велись научные исследования, способные не на шутку встревожить автохтонов, если бы сведения о них просочились наружу. В одной из таких надежных твердынь был спроектирован и построен симбонитский космолет.

Внимая Сондевире, Толлер понемногу складывал из разрозненных упоминаний картину ее одинокого прозябания на негостеприимной планете. Туземцы видели в ней уродливую карикатуру на нормального человека, каприз природы, по каким-то непостижимым причинам

взятый под защиту и покровительство их господами. Они терпеливо сносили ее присутствие, однако не пытались найти с ней общий язык.

Симбониты, ни в чьем благополучии, кроме собственного, не заинтересованные, считали Сондевиру не слишком тяжкой обузой, миной замедленного действия, которую им удалось обезвредить. Они попробовали установить с ней телепатический контакт, но она нарочно продемонстрировала им те самые особенности человеческой души, которые побудили их воспрепятствовать появлению верхнемирской цивилизации симбонитов: надменность, презрение, ненависть и неумолимую жестокость. С тех пор ее держали под постоянным телепатическим надзором. Вычерпав из ее разума все сведения, которые они сочли полезными, симбониты ждали, когда она умрет. Время было на их стороне. Они были новой расой — а раса как таковая потенциально бессмертна. Сондевира была индивидуумом, уязвимым и недолговечным.

— Вот он! Да не один! — воскликнул Врэйкер, снова приподняв парусиновый полог и глянув наружу. Чуть ли не все пассажиры фургона оживленно загомонили, придвигаясь к нему.

— Эй, не забывайте: нас никто не должен ви-

деть. — Толлер приподнял ткань над бортом повозки и в образовавшуюся щель увидел деревню, примечательную своей абсолютной неприметностью. Тут и там на глаза попадались ремесленники — каменщики, плотники, кузнецы, — одинаково узнаваемые во всех мирах. Подобную деревню — как и хутора, встречавшиеся астронавтам раньше, — в умеренных широтах Мира можно было найти где угодно, но жители этой выглядели поистине чудно. Дальнемирец напоминал человека, но был значительно ниже ростом и обладал совершенно иными пропорциями тела; многослойное одеяние с капюшоном, предназначенное, видимо, для защиты от дождя, не могло скрыть чудовищной вогнутости позвоночника, который заставлял своего хозяина ходить с выпяченным животом и задранным подбородком. Ноги были чересчур коротки и толсты, но все же не такие обрубки, как руки, которые торчали из плеч вверх и в стороны, и там, где у обычных людей локти, заканчивались кистями, имевшими всего-навсего по пять пальцев. Под капюшонами трудно было разглядеть лица, но они, по всей видимости, были бледными и безволосыми, и черты их почти полностью терялись под жировыми складками.

— Симпатичные малютки, — насмешливо произнес Бартан. — Это и есть наш противник?

— Не будь таким самонадеянным, — сказала Сондевира, оглядываясь через плечо. — Они очень сильны и, по-моему, не слишком боятся боли. К тому же они фанатично преданны своим хозяевам.

Дальнемирцы, идущие, судя по всему, на работу, с интересом поглядывали на фургон, а их спрятанные под капюшонами глаза играли белыми и янтарными переливами.

— Они тебя заметили? — спросил Толлер.

— Может быть, но ведь им до меня нет дела, разве что фургон пробуждает в их серых умах любопытство. Механические повозки здесь все еще редкость. Мое положение можно назвать привилегированным.

— Расскажи об их армии. Как она организована? И чем вооружена?

— Толлер Маракайн, у дальнемирцев нет армии в твоем понимании этого слова. Мировому государству уже больше ста лет, и благодаря симбонитам междоусобицы давно изжиты. Но есть огромная организация с названием, которое проще всего перевести как «гражданская служба». Она беспрекословно берется за любые задачи,

такие, например, как борьба с наводнениями, вырубка леса, строительство дорог…

— Значит, они не обучены воевать?

— Отсутствие боевых навыков восполняется численностью, — ответила Сондевира. — Повторяю, они очень сильны физически, хотя изящной их осанку не назовешь.

Илвен Завотл отвлекся от мысленного созерцания огня, испепеляющего внутренности.

— Они не похожи на нас, и все-таки… как бы это выразить… я вижу больше сходства, чем различия.

— Наше солнце — вблизи центра галактики, где звезды расположены очень тесно. Вероятно, в этой части космоса все ныне обитаемые планеты были миллионы лет назад одновременно засеяны жизнью. Путешествуя по мирам, можно встретить на многих из них родственников человека.

— А что такое галактика? — спросил Завотл, положив начало целому граду вопросов. Астронавты жадно впитывали даровые знания, доставшиеся Сондевире от симбонитов и от природной человеческой проницательности, выросшей сверх вообразимого. Услышав, что каждый из сотен туманных водоворотов, видимых на ночном небе, состоит, возможно, из миллионов и миллио-

нов звезд, Толлер испытал головокружительный восторг с примесью горького сожаления. Вспомнилось, каким глупцом он себя выставил, бросив вызов неведомому космосу, а еще по сердцу разлилась скорбь, что рядом нет Лейна: кто, как не он, заслужил место на этом пиршестве разума?

Шипя и пыхтя, самодвижущийся экипаж пронизывал село за селом, как игла пронизывает бусины, и внезапно Толлер заметил, что среди пассажиров фургона только Бартан Драмме не вожделеет драгоценного общения с Сондевирой. Вопреки обыкновению он казался унылым и апатичным, даже не потрудился пересесть, чтобы из прорехи в тенте не капало за шиворот, и нянчил на коленях, как младенца, прихваченный с небесного корабля бурдюк бренди. «Может, его гнетут мысли о предстоящем бое? — подумал Толлер. — Или о том, что женщина, которую он взял в жены на Верхнем Мире, и это создание с талантами богини, — абсолютно разные существа? Может, он наконец понял, что прошлого не вернуть?»

— …но не так, как горит топливо в печи, — объясняла Сондевира. — Соединяясь друг с другом, атомы легчайшего солнечного газа образуют более тяжелый газ. При этом выделяется огромная энергия, она-то и заставляет солнце светиться.

Увы, сейчас я не в состоянии растолковать как следует. Чтобы выразить основные концепции и принципы, нужно время…

— А если попробовать беззвучным голосом? — спросил Толлер. — Как ты объясняла, когда мы летели в вакууме?

Сондевира посмотрела на него через плечо.

— Это, конечно, было бы проще всего, но я боюсь входить в телепатический контакт. Я вам уже говорила: симбонитам всегда известно, где я нахожусь. Чем ближе я к их космолету, тем больше они мной интересуются, потому что стоянка корабля — единственное место на планете, куда мне заказан путь. Как только они уловят хоть малейший признак телепатической активности, ко мне будет применено физическое воздействие. Боюсь, это произойдет довольно скоро.

— Надо было им уничтожить корабль. — Из голоса Беризы все еще не выветрилась враждебность.

— Так-то оно так, но ведь они не в состоянии узнать, сколько еще симбоновых спор на Верхнем Мире ждет встречи с людьми. — Сондевира улыбнулась Беризе: дескать, я понимаю, что твоя озабоченность не имеет ничего общего с ревностью. — Кроме того, строительство корабля

потребовало немалых жертв.

— Могут быть новые жертвы, и не только с их стороны.

— Знаю, — кивнула Сондевира. — Я вас с самого начала предупреждала.

Глава 18

Внезапно фургон повернул влево, и через несколько мгновений гладкая мостовая сменилась буграми и ухабами. Повозка завиляла и запрыгала, колеса откликнулись возмущенным лязганьем и скрипом. Толлер встал на ноги, сдвинул парусину и глянул вперед через плечо Сондевиры. Оказалось, они съехали с дороги и теперь катят прямо по луговому дерну. Сквозь дождевые брызги на стекле кабины виднелась почти прямая линия горизонта. Кругом стелилась обыкновенная пустошь, примечательная разве что россыпью невысоких конических деревьев.

— Далеко еще? — спросил он.

— Не очень, — ответила Сондевира. — Миль двенадцать. Будет трясти, но ничего не поделаешь — надо спешить. Пока мы ехали по шоссе, у симбонитов не было серьезных оснований для тревоги, но теперь… — У нее вдруг перехватило дыхание, рычаг выскользнул из ладони, и повозку бросило в сторону. Подчиненные Толлера дружно выпрямили спины, руки дернулись к оружию.

— Что-то не так? — спросил Толлер, уже дога-

давшись, что произошло.

— Мы разоблачены. Объявлена тревога. Раньше, чем я ожидала. — Голос ее звучал бесстрастно, чего нельзя было сказать о шуме двигателя и колес, когда она до упора отжала рычаг переключения скоростей.

В душе у Толлера шевельнулось старое захиревшее возбуждение.

— Ты хоть немного представляешь, что там впереди? Укрепления? Оружие?

— Представляю, но, боюсь, слишком слабо. Дальнемирские симбониты пуще глаза берегут свои секреты. Насколько мне известно, космолет находится в естественном укрытии — древнем метеоритном кратере, обнесенном по краю высоким забором. Еще там должны быть охранники… Сколько их, не знаю, а вооружены они, кажется, мечами и пиками.

— Луков со стрелами нет?

— Особенности телосложения не располагают туземцев к применению лука и вообще метательного оружия.

— А как насчет огнестрельного?

— На этой планете не растет бракка, а познаний в области химии у дальнемирцев еще недостаточно, чтобы изобрести искусственную взрывчатку.

— Звучит весьма отрадно. — Врэйкер подмигнул Толлеру. — По-моему, с охраной у нас не возникнет особых хлопот.

— При нормальном течении событий вообще не от кого было бы охранять корабль, разве что от крупных диких зверей, — сказала Сондевира. — В одиночку я бы не рискнула к нему приблизиться. Вдобавок у симбонитов не было провидца, способного предугадать визит верхнемирского космолета не через пять-шесть веков, а сейчас. — Она улыбнулась, и голос потеплел. — С точки зрения симбонитов — резонеров до мозга костей — таких, как вы пятеро, во вселенной просто не существуют.

Врэйкер ухмыльнулся:

— Довольно скоро они поймут, что жестоко ошибались.

Толлер нахмурился.

— Рано праздновать победу. Сколько им понадобится времени, чтобы прислать войска?

— Не знаю. — Сондевира на секунду-другую задумалась. — На севере ведутся большие дорожные работы, но где именно, сказать не берусь.

— Почему? Когда мы были в тысячах миль отсюда, в космосе, ты легко узнавала наше местоположение.

— Между нашими разумами — естественная и очень крепкая связь, потому что мы — из одной ветви человеческой расы. Дальнемирский мозг для меня не так ясен.

— Понятно, — произнес Толлер. — Стало быть, заранее выбрать тактику мы не можем. Тогда у меня последний вопрос… насчет самого корабля.

— Смогу ли я им управлять? Да, безусловно.

— Несмотря на то что ни разу в жизни не пробовала это делать?

— Это опять же нельзя объяснить… даже с помощью телепатии. На корабле нет механизма ручного управления, но если ты понимаешь принципы действия космолета, он выполнит все, что ты ему прикажешь. А без этих необходимых знаний он не сдвинется с места ни на дюйм.

Толлер погрузился в молчание, снова подавленный мыслью, что за вполне обычным обликом и поведением этой женщины кроется загадочный сверхразум. Не будь на то воля Сондевиры, астронавтам вовек не найти бы с ней общего языка; она просто-напросто снизошла до них, как убеленный сединами мудрец снисходит до игры с двухлетним младенцем.

Он повернул голову к Бартану и снова заметил, что молодой человек выглядит очень странно:

лицо задумчивое, если не сказать — угрюмое, взгляд не отрывается от затылка Сондевиры. Почувствовав, что на него смотрят, Бартан изобразил кривую улыбку и поднес к губам мех с бренди. Толлер хотел было остановить его, но юноша так на него зыркнул, что протянутая рука сама собой повернулась ладонью кверху. «Размяк, — подумал о себе Толлер, принимая бурдюк и делая внушительный глоток. — А что, пора уже, наверно…»

— Эй, Сонди, — проговорил Бартан, как показалось Толлеру, с вызовом, — согреться не прочь, а? Как насчет глоточка бренди?

— Нет, Бартан, спасибо. Это не настоящее тепло, да и вкус противный…

— Ну еще бы, — усмехнулся Бартан, больше не тая раздражения. — А чем ты тут освежалась, позволь спросить? Нектаром и росой? Когда вернемся на ферму, всего будет вдоволь: и росы, и нектара. Только, надеюсь, ты не станешь возражать, ежели я предпочту напитки покрепче.

Сондевира бросила на него умоляющий взгляд.

— Бартан, ты, конечно, вправе требовать, чтобы мы объяснились, но я бы предпочла кое-что сказать наедине…

— Сонди! Мне нечего скрывать от друзей. Да-

вай, милая, объясни нам, что постель принцессы — не для деревенского мужика.

— Бартан, я тебя прошу, не мучай себя понапрасну. — Сондевира выглядела смущенно, она бы охотно понизила голос, если бы не грохот несущегося на всех парах фургона. — Я очень изменилась, но люблю тебя по-прежнему. И все-таки мы не сможем быть мужем и женой, потому что… потому что…

— Почему?

— Потому что у меня высший долг — перед всем человечеством Верхнего Мира. Я не желаю лишать мой народ эволюционного будущего. Если я дам начало династии симбонитов, они непременно поднимутся над обычными людьми и вытеснят их в небытие.

Бартан обмер от потрясения, как будто ожидал услышать что угодно, только не это. Но ему хватило сообразительности сразу придумать выход:

— Но ведь не обязательно иметь детей. Есть же способы… непорочная любовь, например, и уйма всяких других… И вообще, на что мне сдалась орава шумных сопляков…

Сондевира невесело рассмеялась.

— Бартан, кого ты хочешь обмануть? Думаешь, я забыла, как ты мечтал о детях? Милый, если

повезет и ты вернешься на Верхний Мир, у тебя будет одна дорожка к счастью: взять в жены нормальную девчонку и обзавестись потомством, тоже нормальным, а не помесью бог знает с чем. Поверь, такой удел стоит того, чтобы за него сражаться.

— Такой удел — не для меня, — хмуро проговорил Бартан.

— Милый, тебе не придется выбирать. — Она умолкла — повозка оглушительно загрохотала на трудном участке пути. Когда шум поубавился, Сондевира спросила: — Ты что, забыл о здешних симбонитах? Если мы сумеем угнать корабль и возвратиться на Верхний Мир, они построят новый и прилетят за мной. Они ни за что не позволят мне родить ребенка. Я убеждена, что на втором корабле будет страшное оружие, и симбониты не задумываясь пустят его в ход.

— Но… — Бартан провел ладонью по наморщенному лбу. — …Но ведь это ужасно! Сонди, что же делать?!

— Допустим, через час я останусь жива… Тогда у меня один выход: взять корабль и странствовать по галактике или даже по разным галактикам, там, куда дальнемирским симбонитам не дотянуться. Мне будет очень одиноко, но нет худа без

добра; я многое увижу, прежде чем умру.

— Я полечу с… — порывисто начал Бартан и тотчас умолк, в глазах отразилась мука. — Нет, Сонди, не смогу! Я умру от страха. Выходит, я тебя уже потерял…

Толлер знал, что слышит нормальный голос Сондевиры, но слова падали в глубь его существа, и каждая клеточка мозга отзывалась многоголосым эхом, как при телепатическом диалоге, — эхом мечты, которую прежде он гнал от себя, примиряясь с ней лишь на краткие мгновения полетов реактивного истребителя вниз, сквозь игольчатые брызги солнца, навстречу опасности. Вот он — выход, о котором недавно Толлер даже помыслить не смел: до самой смерти идти только вперед, глазами, разумом и душой жадно поглощать все, чего он не знал прежде, — новые планеты, новые солнца, новые галактики; каждый день — что-нибудь небывалое, невиданное, неизведанное! Вот оно — будущее, для него одного придуманное творцом вселенной; оно заливает своим сиянием червоточины в недрах его души, и он должен заявить о своем праве, сколь ни малы шансы услышать в ответ…

— А я бы полетел, — прошептал он. — Возьми меня с собой, пожалуйста.

Сондевира полуобернулась на водительском сиденье, и луч ее разума, точно луч прожектора, заскользил по его мыслям. Он безмолвно, оцепенело ждал ответа.

— Толлер Маракайн, я тебе уже говорила: твое оправдание полета на Дальний Мир неубедительно; Однако причина твоего желания покинуть его вызывает у меня сочувствие. Я не хочу ничего обещать, ведь через несколько минут все мы, возможно, погибнем, но если ты все-таки отобьешь у симбонитов корабль, вселенная будет твоей.

Толлер заморгал, чтобы удержать слезы, и не сказал — выдавил, превозмогая судорогу в горле:

— Спасибо.

Вал кратера оказался низким, он почти сливался с окружающей равниной и нигде не поднимался выше горизонта. Скудость освещения вкупе с дождевой завесой сводила видимость почти на нет, и до стоянки космолета оставалось не больше мили, когда наконец Толлеру удалось заметить оборонительное сооружение — высокую ограду, о которой предупреждала Сондевира. С такого расстояния ее тусклый серый эллипс был едва различим, но подзорная труба, почти бесполезная из-за тряски фургона, все-таки показала Толлеру темное утолщение предполагаемого входа. Оно

и оказалось входом — несколько позже Толлер разглядел ворота, загороженные по меньшей мере двумя паровыми фургонами. Поблизости от них мельтешили крошечные черные пятнышки — дальнемирцы.

— Ворота трогать не будем, проломим ограду, — сказал он Сондевире, пряча подзорную трубу. — Можно еще сильнее разогнать фургон?

— Да, но на такой местности ось вряд ли выдержит.

— Придется рискнуть. Если не пройдем через ограду, то вообще никуда не пройдем.

Он повернулся к своим людям и сразу понял, что им не по себе — на его памяти так всегда бывало в последние минуты перед боем. У Бартана лицо так побледнело, что почти светилось, и даже Врэйкер с Беризой — знатоки искусства убивать с большого расстояния — излучали мрачность и неуверенность. Только Завотл, деловито проверяющий мушкет, казался невозмутимым.

— Ничего наперед не задумывайте, — посоветовал им Толлер. — Поверьте, в таком деле лучше всего довериться руке, держащей меч, — она сама все обдумает и сделает верный выбор. А теперь уберите с фургона чехол.

В считанные мгновения грубая ткань была

сорвана и сброшена с кузова, который ужасающе кренился и подскакивал на ухабах. На легко одетых пассажиров обрушились потоки ледяной воды.

— А еще запомните вот что. — Толлер глянул на затянутые тучами небеса и состроил гримасу отвращения. — Уж лучше пасть в бою, чем жить в этом проклятом мире и постепенно превращаться в рыбу.

Наверно, шутка не заслуживала громкого хохота, которым ее встретили астронавты, но Толлер давно усвоил, что на поле битвы изящному юмору не место. Главное — он добился, чего хотел, навел необходимый психологический мостик между собой и отрядом. Он обнажил меч и встал за спиной Сондевиры, устремив взор вперед над крышей кабины.

Фургон двинулся вверх по склону кратера, и только теперь удалось разглядеть, что ограда являет собой частокол из металлических копий, соединенных прочными перекладинами. Толлер хотел было крикнуть Сондевире, чтобы добавила пару, но тут же спохватился: в здешней технике она разбирается получше, чем он. В нескольких футах перед ним дымовая труба плевала в небо оранжевыми искрами; оглушительно лязгая

и скрежеща, тяжелая повозка карабкалась на вершину вала. Вдалеке слева виднелись бегущие дальнемирцы, а за ними — большая серая полоса на земле. «Дорожные работы! — осенило Толлера. — Всего в миле!»

— Держись! — закричал он и вцепился в крышу кабины. Фургон врезался в ограду.

Целая секция забора сорвалась с фундамента и улетела в глубь огороженной территории. Грохот ее падения слился с ужасающим ревом двигателя и шипящим взрывом котла. Перед Толлером мгновенно выросла белая стена пара, затем фургон покатился вниз, в круглую впадину, посреди которой на платформе из каменных блоков стоял симбонитский корабль. Платформу окружал не то защитный ров, не то просто широкая дренажная канава. Рисуя в воображении инопланетный корабль, который олицетворял его будущее, Толлер ожидал увидеть что угодно, кроме этой невзрачной металлической сферы на расширяющихся книзу ножных опорах, заканчивающихся поперечными дисками. Шар был добрых десяти ярдов в диаметре, верхнюю половину опоясывала цепь иллюминаторов. И ни единого признака люка!

В тот же миг Толлер заметил справа двух даль-

немирцев в коричневом одеянии — они случайно оказались возле пролома и кинулись наперерез фургону. Хотя повозка двигалась теперь вниз по склону, она быстро теряла скорость, и дальнемирцы легко догоняли ее. Семеня вперевалку на коротких ножках, они напоминали цирковых клоунов; на бегу их капюшоны откинулись, и под дождем поблескивали голые черепа. У Толлера болезненно съежился желудок когда стало ясно, что они безоружны.

— Назад! — невольно рявкнул он, когда дальнемирцы настигли повозку.

Первый прыгнул и ухватился за борт, второй устремился к кабине, протягивая к Сондевире могучую руку. Толлер рубанул сплеча, клинок глубоко вошел в череп, и дальнемирец рухнул без звука, оросив кровавой струей землю вокруг себя. Первый, напоровшись горлом на меч Врэйкера, исчез за бортом, только руки, судорожно стиснув дерево, остались на виду. Бериза и Врэйкер дружно взмахнули мечами и отсекли дальнемирцу почти все пальцы. Он упал и остался лежать, зато его друг с расколотым черепом, к изумлению Толлера, поднялся, простер руки и сделал несколько шагов к повозке, после чего осел на колени и ткнулся лицом в землю.

«До чего живучи! — подумал Толлер. — Эти карлики могли бы повергать великанов».

Фургон в последний раз лязгнул, содрогнулся и замер, окутавшись дымом и паром. Толлер обернулся к воротам — из них по двое и по трое выныривали дальнемирцы и устремлялись вниз по пологому склону. Толлер заметил несколько вспышек — эти туземцы были вооружены.

Сондевира, не обремененная вещами, оторвалась от спутников и побежала через канаву по простому деревянному мостику. Остальные поспешили за ней, чувствуя, как под ногами трясется настил. Едва Сондевира приблизилась к кораблю, наружу отошла на коленчатых петлях прямоугольная секция обшивки. Толлер остановился, чуть не поскользнувшись на траве, и вскинул мушкет.

— Не стреляй! — крикнула Сондевира. — Я открыла люк. Сейчас опустится трап, или… или… — В ее голос закралась нотка сомнения, которой раньше Толлер у нее не замечал. Следя за направлением ее взгляда, он поднял глаза и увидел под люком пустые металлические крючья, и в этот миг солдатский опыт превзошел сообразительность сверхженщины: Толлер понял, что обычно на космолет поднимаются по приставно-

му трапу. Похоже, кто-то додумался до простой и действенной меры предосторожности — убрать трап, преградив тем самым доступ к кораблю и дураку, и гению. Люк располагался в нижней полусфере, но от его края до платформы было по меньшей мере двенадцать футов — для типичного дальнемирца преграда почти непреодолимая. Но для людей…

— Фургон — через мост! — воскликнул Завотл. — Заберемся по нему!

— Его уже не сдвинуть, — ответила Сондевира. — Да и мост бы не выдержал.

— Ничего, и так дотянемся. — Толлер положил оружие на платформу. — Сондевира, тебе первой лезть, так будет вернее всего. Давай!

Он бросил взор на приближающихся туземцев и жестом подозвал Завотла, Бартана, Беризу и Врэйкера.

— Идите, удерживайте мост. Сколько удастся, пользуйтесь мушкетами, внушите этим уродцам, что им лучше всего держаться подальше. И поглядите, нельзя ли сбросить мост в канаву.

Они поспешили к мосту, срывая на бегу сетки с шариками, внутри которых уже были соединены крошечные порции пикона и халвелла. Толлер встал под люком и протянул руки к Сондевире,

а та, не медля, подошла к нему. Он обхватил ее за талию и посадил к себе на плечи — Сондевира при этом старалась помочь, скользя подошвами по его одежде. Наконец она встала на плечи Толлера и, обретя устойчивость, дотянулась до проема люка.

Тем временем передовые группы дальнемирцев приблизились на выстрел, и защитники моста открыли огонь. Первым залпом они уложили только одного из нападающих, но грохот выстрелов, усиленный акустикой естественного амфитеатра, поверг туземцев в замешательство. Пытаясь остановиться, они скользили, спотыкались друг о друга и кубарем катились по склону.

Толлер отвернулся от поля боя, чтобы просунуть руки под ступни Сондевиры и втолкнуть ее в люк. Нервы его вибрировали в ожидании залпа; промедление было мучительным. Стрелку требовалось выскрести из казенной части мушкета обрывки шарика и вставить новый — вот почему Толлер не испытывал особого почтения к огнестрельному оружию.

Сондевира благополучно забралась в люк, а до дальнемирцев между тем начало доходить, что психологический эффект инопланетного оружия явно превосходит их потери. Размахивая

короткими мечами, они снова рванулись вперед. Второй залп, на сей раз — с довольно близкой дистанции, уложил по крайней мере троих, но атака не захлебнулась.

— Найди веревку! — крикнул Толлер Сондевире.

— Веревку? На этом корабле веревки не нужны.

— Ну так найди хоть что-нибудь! — Толлер повернулся к мосту: по нему ломилась толпа дальнемирцев.

Воюя в одиночку со своим личным врагом, Илвен Завотл бросился к ним навстречу с мушкетом в левой руке и мечом в правой. В упор разрядив мушкет в выпяченный живот туземца, он почти мгновенно исчез среди суматошно мелькающих рук и клинков. Толлер громко всхлипнул, увидев залитое кровью тело старого друга, терпеливого труженика, разгадавшего столько тайн природы.

Через секунду грянули мушкеты, и на этот раз дальнемирцы, наступающие по мосту узким фронтом, дрогнули. Толпа хлынула вспять, бросив раненых и убитых, но у края канавы остановилась, и там один из них — видимо, командир, — обрушил на прочих гневное стаккато непривычных верхнемирскому уху звуков. Отде-

ленные от них мостом, где лежали в лужах крови убитые и в жутких судорогах бились раненые, трое пришельцев в лихорадочной спешке перезаряжали ружья.

Толлер подбежал к друзьям, то и дело оглядываясь на корабль. В темном проеме люка белел женский силуэт — Сондевира беспомощно взирала на сражение.

«Скоро я буду рядом с тобой», — молча поклялся он, отражая натиск внутреннего врага, куда более грозного, чем внешний, — натиск мысли о неизбежном поражении. Он подбежал к мосту сбоку и понял, что с самого начала не ошибся — мост состоял из нескольких бревен и свободно лежащих поверх них досок; все сооружение покоилось на двух каменных выступах из стен рва.

— Бериза! — прокричал он. — Бери мушкеты и постарайся стрелять почаще. Бартан, Дакан, ко мне!

Он опустился на колени, просунул руки под крайнее бревно и напряг все свои силы. Бартан и Врэйкер тоже налегли, и втроем они скинули тяжелую сырую лесину в ров. Толпа дальнемирцев с воплями ринулась в новую атаку, но была встречена беглым огнем четырех мушкетов. Страх придал Толлеру и его помощникам сил, и в

коричневую воду посыпались живые и мертвые люди. Толлер старался не смотреть на бело-красное пятно — труп Завотла.

Дальнемирцы с отчаянной храбростью бежали по последнему бревну, и Толлеру пришлось поднять меч. Врэйкер выпрямился раньше и рубанул переднего туземца сбоку по шее, отчего тот кувырком полетел в ров. Следующему Бериза всадила пулю в горло, и он опрокинулся на идущего позади. Они оба не удержались на бревне, но в последнее мгновение невредимый туземец швырнул меч, и тот назло вероятности почти по рукоять вошел Врэйкеру в живот. Раздался страшный булькающий хрип, но Врэйкер остался на ногах.

Толлер обогнул его, упал на колени и ухватился за последнее бревно. Он застонал от натуги, жилы на руках едва не полопались, но из-за веса дальнемирцев скользкое от ила бревно осталось на месте. Сквозь буханье крови в висках он едва различил мушкетный выстрел, сквозь пелену на глазах — Бартана, орудующего перед ним мечом. Он толкнул бревно вбок, и оно пошло — сдвинулось на самый край выступа. «Скользкое, — сообразил Толлер. — Что ж это я сразу не…» Два дальнемирца уже рядом, но вот последний рывок

— и бревно падает в воду. Звучный удар — туземец налетел на Бартана, острая боль — клинок задел Толлеру ухо; было бы хуже, не успей он отпрянуть назад.

Один далънемирец исчез вместе с бревном, но второй допрыгнул до каменного выступа и размахивал короткими руками, пытаясь вернуть равновесие. Врэйкер ткнул мечом в жирную физиономию, и туземец улетел в ров.

Бартан, бледный как полотно, зажимал рану в левом плече; между пальцами обильно сочилась кровь. Бериза стояла на коленях, ее проворные пальцы загоняли в мушкеты зарядные шарики.

Толлер обвел взглядом склон и над деморализованной толпой туземцев увидел толпу несравнимо большую — ее исторгали ворота на гребне кратера. Победа на мосту дала астронавтам время, однако выигрыш был мизерным, какие-то считанные секунды. Им еще предстояло забраться в люк, и в эти мгновения они будут почти беззащитны. Толлер повернулся к Врэйкеру, мысленно спрашивая добродушного паренька, понимает ли он, что скоро умрет, что так и не напишет свой исторический труд? От рукояти дальнемирского меча по пропитанной дождем материи расползалось кровавое пятно, ноги под-

кашивались, но голос юноши остался спокоен и мягок.

— Толлер, зачем терять драгоценное время? Уходите, пока не поздно. Жаль, что не смогу составить вам компанию, но мне еще надо кое-что уладить с нашими негостеприимными друзьями.

Он повернулся и осел на колени у рва; меч опустился на гладкий камень. Бериза принесла и положила рядом с ним три заряженных мушкета. Юноша оглянулся, словно хотел ей что-то сказать, но она, не поднимая глаз, взяла четвертый мушкет, толкнула Бартана, чтобы вывести его из оцепенения, и побежала к кораблю.

Толлер ждал. Два дальнемирца разбежались и прыгнули, что есть сил суча ногами, чтобы пролететь подальше. Не имело значения, умеют ли они плавать, — он сам сбросил в ров бревна и доски. Вот еще одна причина оставить Врэйкера, который все равно обречен, и побыстрее укрыться на борту космолета. Будь ты проклята, мысль, что он бросает товарища!

Толлер повернулся и побежал к огромному таинственному шару, под которым его ждали Бериза и Бартан.

— Ни одной веревки! — донесся из темного от-

верстия в борту корабля крик Сондевиры. — Что делать?

— То же, что и раньше, — ответил Толлер. — Я смогу поднять Беризу и Бартана.

— А сам? Как же ты заберешься?

При звуке мушкетного выстрела у Толлера екнуло сердце.

— Спустите пояс от меча, я попробую допрыгнуть. — Он вложил меч в ножны и протянул руки к Беризе. — Полезай!

Она отрицательно покачала головой.

— Бартан ранен, без моей помощи он не то что в люк — на плечи тебе не залезет. Пускай он первым…

— Ладно, — оборвал Толлер и протянул руки к Бартану. Тот отшатнулся, как пьяный; снова грянул мушкет, и у Толлера лопнуло терпение. Зарычав, он обхватил молодого астронавта за бедра и подкинул вверх; Бериза помогла Бартану удержаться в вертикальном положении и ловко подставила ему под ногу плечо, а там и Сондевира подоспела, чтобы втащить в люк упирающегося мужа.

На все про все ушло несколько секунд, но в этот отрезок времени уложились еще два мушкетных выстрела. Толлер обернулся и увидел, как

взлетает и опускается меч стоящего на коленях Врэйкера: он рубил дальнемирцев, которые, вероятно, лезли по приставленным к стене рва бревнам. Драгоценный запас секунд, отбитых астронавтами у врага, таял с ужасающей быстротой.

Бериза закинула за спину мушкет и подступила к Толлеру вплотную. В один миг он схватил ее за талию, оторвал от платформы и помог встать на плечи. Ей не хватило роста, чтобы дотянуться до края люка, и несколько секунд она угрожающе раскачивалась, пока Сондевира и Бартан не схватили ее за руки и не подняли на корабль. За это время Врэйкер успел скрыться во рву, чтобы разделить могилу с Завотлом, а над ближайшим краем платформы поднялись четыре лысые головы. Помогая себе мечами, дальнемирцы карабкались по камням; на той стороне рва было уже яблоку негде упасть, казалось, по всему склону кишат коричневые насекомые.

Толлер заглянул в таинственное чрево космолета, казавшегося теперь столь же далеким, как звезды, на которых он надеялся побывать, и миновала вечность, прежде чем он увидел спущенный из люка кожаный пояс с петлей на конце.

Двое туземцев, более проворные, чем их това-

рищи, уже забрались на платформу и припустили к кораблю с мечами в руках.

Толлер прикинул, что времени ему остается лишь на один прыжок. «Быстрее, Толлер, быстрее!» — подхлестнула его мысль Сондевиры. Он присел и напрягся, слыша шлепанье босых ног и сопение, затем прыгнул и ухватился правой рукой за пояс. Но рывок был столь силен, что все трое его товарищей не удержались за свои опоры; Бериза наполовину выскользнула из люка и упала бы, если бы не выпустила пояс в последний момент — в тот самый момент, когда и Толлер разжал пальцы.

Его ступни еще не ударились о камень, а меч был уже наполовину обнажен. Но этого все-таки мало для столь невыгодной позиции — между двумя вооруженными противниками. Вылет клинка из ножен перешел в удар, отразивший меч переднего дальнемирца; при этом Толлер отскочил в сторону, уклоняясь от атаки сзади.

Ему бы это удалось, если бы он успел восстановить равновесие после прыжка сверху. Он опоздал лишь на долю секунды, но в горячке рукопашного боя она обернулась веком. Толлер крякнул от боли, когда в спину чуть выше поясницы ужалила дальнемирская сталь, и развернулся

на каблуках; со свистом описав горизонтальный полукруг, меч обрушился сбоку на шею врага и почти напрочь снес голову. Туземец упал как подкошенный, из страшной раны забила алая кровь.

Толлер снова повернулся, надеясь таким же ударом достать и второго, но коренастый воин успел отступить — видимо, сообразил, что промедление ему на руку, еще несколько ударов сердца, и его сородичи окружат пришельца. Сквозь складки жира прорезалась торжествующая ухмылка, но ликование уступило место оторопелой гримасе, когда макушку пробила выпущенная Беризой пуля. Он как стоял, так и сел, пустив кверху багряный фонтанчик.

— Толлер, хватайся за мушкет! — закричал из люка Бартан. — Еще не поздно!

Но Толлер знал: поздно! Дальнемирцы почти рядом, он не успеет дотянуться до мушкета, как получит дюжину ран, если не больше. Что ж, значит, не судьба… Отчего-то не хотелось, чтобы товарищи видели, как его будут убивать. Он скрылся с их глаз, отступил к центру нижней полусферы корабля.

Рана на спине почти не болела, но вот ноги не слушались. Как только волосы на макушке заде-

ли металлическое подбрюшье, он остановился, в последний раз принять боевую стойку, чтобы дорого продать свою жизнь… Ноги отказали, и он рухнул под дружным натиском врагов.

«Сондевира! — воззвал он, когда мокрые тела загородили свет, а удары стали попадать в цель. — Сондевира, не давай этим карликам радоваться… Уводи корабль… ради меня… пожалуйста!»

«Толлер, мы тебя любим! — прозвучало у него в мозгу. — Прощай!»

И вдруг, за секунду до того, как его тело было изрублено на атомы в схватке естественной и искусственной геометрий, Толлер Маракайн последний раз в жизни испытал торжество.

Ибо понял: ему совсем не хочется умирать.

И это открытие дарило радость.

Что лучше для человека: жить, когда он предпочитает умереть, или умереть, когда ему страстно хочется жить? Ответ был предельно ясен.

И еще одна мысль подарила ему утешение, когда вокруг смыкалась кромешная мгла. Никто не осмелится назвать заурядной такую кончи…

Глава 19

Удаляясь от корабля, Бартан и Бериза непрестанно оглядывались. Когда они отошли фарлонга на два, он исчез. Только что на гребне низкого холма нахохлившейся птицей маячил тусклый серый шар, и вдруг на его месте — множество шаров, они сияют, расширяются, сжимаются и проникают друг в друга; даже солнце утреннего дня меркнет в их яростных лучах. Космолет взмыл в зенит, разогнался, и на миг Бартан увидел знакомую четырехконечную звезду. С каждого острия летели брызги радужного света, а в ее середке мельтешили разноцветные крапинки; но не успел Бартан приглядеться к ним, как прекрасная звезда поблекла на фоне огромного диска Мира, а потом и вовсе сгинула в бескрайней синеве.

От этого зрелища сумятица чувств превратилась в бурю; в душевной муке утонула боль раны на плече. И часа не минуло с той кровавой схватки на планете вечных дождей, когда на его глазах один за другим погибали друзья: Завотл, Врэйкер и, наконец, Толлер Маракайн. Почему-то даже за мгновение до того, как Толлер рухнул под меча-

ми дальнемирцев, Бартану не верилось, что этот исполин умрет. Он всегда казался бессмертным и непобедимым, словно для того и был рожден, чтобы идти сквозь бесконечную череду войн. Лишь в тот миг, когда Толлер попросил Сондевиру взять его в пустыню бесконечности, Бартану открылась опаляющая сердце правда: этот человек — не просто гладиатор. Но теперь уже не узнать, кем он был на самом деле. Даже не поблагодарить за спасенную жизнь. Слишком поздно.

И если бы только эта потеря… Сдерживая слезы, Бартан был вынужден признать, что жены у него больше нет. Сондевира — тоже великан, исполин разума, и Бартан ей не пара. Сондевира еще не улетела странствовать по галактике — ей понадобится несколько суток, чтобы проводить Типпа Готлона до родной планеты, — но все же она теперь дальше от Бартана, чем самая тусклая звезда. Его путеводная Гола мерцала и таяла, и дорогу судьбы застилал мрак…

— По-моему, дальше идти не стоит, — сказала Бериза. — Может, кто-нибудь согласится подвезти.

Бартан глянул из-под ладони на город, до его окраины было мили две. Перед глазами все еще играли красками шары и звезды, но сквозь них

различались тучи пыли, поднятые фургонами и всадниками на извилистой дороге. По близлежащим полям к астронавтам бежали крестьяне — несомненно, они заметили симбонитский корабль.

— Вот и хорошо, что свидетелей много, — сказала Бериза. — А то королю было бы нелегко поверить всему, о чем нам придется докладывать.

— Свидетелей?.. — промямлил Бартан. — А, свидетелей… Бериза вгляделась ему в лицо.

— И вообще тебе идти нельзя. Лучше сядь, я поправлю повязку.

— Ничего со мной не случится. Разве не видишь — у меня еще не кончилось лекарство от всех болезней. — Бартан отвязал от пояса бурдюк и взялся за пробку, но тут на его запястье легла рука спутницы.

— А ведь ты без него можешь обойтись, правда?

— Слушай, какого… — Он замолк, неожиданно для себя увидев в глазах Беризы не раздражение, а заботу. — Ну, вообще-то могу.

— Тогда брось. — Что?

— Давай, Бартан, бросай.

Ему вдруг пришло на ум, что его привычки уже

давно никого не заботили. Глубоко вздохнув, он разжал пальцы, и кожаный бурдюк плюхнулся на землю.

— Ладно, все равно он почти пустой, — пробормотал Бартан. — А почему ты улыбаешься?

— Просто так. — На лице Беризы неудержимо расползалась улыбка. — Совершенно без причины.